

Слово о Приднестровье

I.

О чем пойдет речь?

Повторю здесь то, что писал в 1992 году в очерке «Приднестровский дневник».

Меня всегда ставили в тупик избирательные принципы нашей юной демократии. Юной, но до того исхитренной в валютной области, что напрашивается невольное, неудобопроизносимое сравнение. Одним народам избранным, позволено заявлять о своих правах, отделяться от России, и даже воевать с нею. Другим строго запрещена даже мысль о какой-либо независимости. Одни референдумы признаются, другие – отвергаются.

За всем этим виден, - скажем об этом грубо и прямо, - сговор международных сил с целью расчленения и ликвидации нашей страны и нечистоплотная игра нынешних, запроданных оптом и в розницу политических лидеров.

Русское государство складывалось тысячелетиями, задолго до того, как появились сами русские. Еще при скифах. В одиннадцатом-девятом веках до христианской эры вся территория будущей Великой России уже была объединена. Дело в том, что через всю Евразию шел, и идет сейчас. Единый торговый путь, от океана до океана, упирающийся в моря: Охотское, Каспийское, Белое и Балтийское. Сама география властно требовала единства этой территории, выгодного решительно всем народам, населяющим ее просторы. Почему Россия и не была никогда колониальной державой, но – содружеством наций. И потому любая власть на этой территории спешила возродить евразийское единство огромной страны. Так поступили монголы Чингисхана, а мы, русские, стали их правопреемниками, возродившими уже в новое время «Великий шелковый путь», проведя железную дорогу сквозь всю страну до Дальнего Востока до портов, из которых путь этот, через проливы Курил, продолжается уже по морям: в обе Америки, Индонезию,

Австралию. Японию, Китай, Индию – вплоть до Ирака. Именно поэтому и хлопочут сейчас наши враги о том, чтобы отдать Курильские острова, закупорив дальневосточные выходы к океану, погубить черноморский флот, лишить Россию незамерзающих портов на Балтике... Ибо только разделив, раздробив наше государство, его и можно будет превратить в колонию, в свалку ядовитых отходов, уничтожив при этом половину имеющегося тут населения.

Точно также самой природой была властно начертана граница, отделяющая Россию от Запада. Это – отрицательная изотерма января (суровые зимы, короткое лето, затяжные осень и весна с ливневыми потоками талых вод), круто спускающаяся к югу приблизительно по границе с Польшей (на Висле) вследствие того, что вся Восточно-европейская равнина открыта ветрам с Ледовитого океана. Что же касается южного отрезка этой границы, проходящей по междуречью Прута и Днестра, то он тоже был начертан еще тысячелетия назад, поскольку скифские кочевья располагались вплоть до днестровской поймы, а позднее здесь появились славянские племена уличей и тиверцев. План уничтожения России был прост и страшен. Задуманный в самом начале века, он начал выполняться еще с 1917, точнее с 1922 года, и заключался в том, чтобы натравить народы, населяющие страну, друг на друга, а всех вместе – на русских. (Прообразом того, что должно произойти у нас, служит сейчас Югославия, где роль «русских» досталась сербам.) При этом планомерно проводится террор против тех малых народов, которые хотят непременно быть в едином союзе с русскими, дабы и их оторвать от России.

Заметим, что взявши на плечи исторический груз объединения страны, мы, русские, уже не вольны в своих действиях. Ежели страна не защищает, скажем, осетин в Южной Осетии, то кто из прочих бесчисленных малых народов Великой России поверит в нашу защиту? А, значит, великий организм станет распадаться сам собой. Ну и, конечно, ежели мы и своих, русичей, будем бросать на поток и разграбление, то распад страны станет

лишь делом времени, причем – самого недалекого. Таков расчет, и такова практика нашего правительства, сперва коммунистического: вспомним произвольные «национальные» границы, проведенные еще в начале 1920-х годов. Вспомним, как проводилась коллективизация, вспомним и сталинский террор против целых народов, «перестроечную» деятельность Горбачева. Разжигавшего национальные конфликты на окраинах, наконец, уже «демократическую» деятельность тех же партаппаратчиков: Ельцина, Кравчука, Шеварднадзе и иже с ними. Просматривается единая линия политического разделения и гибели государства.

По-видимому, перед нынешним правительством России международным капиталом поставлено требование: в обмен на кредиты и «помощь», прежде всего отдать те земли, которые Россия вернула себе в конце прошлой войны, т. е. Прибалтику, Закарпатье, Бессарабию и Южный Сахалин с Курилами. В то же время велено расчленить и саму Великую Россию на Украину, Россию и Белоруссию, причем от России сразу отъединяется Крым (А, значит, и черноморский флот!), отъединяются построенные нами портовые военные и торговые базы на Балтике. С потерей же Курильских островов мы теряем выходы к Тихому океану, теряем все возможности международной торговли и развития Сибири. Теряем и военный флот, что тоже запланировано, и доказывается хотя бы тем, что маршал Шапошников на днях передал базу черноморской стратегической авиации Молдове, точнее – Румынии, получившей бесплатно Военного имущества на миллиарды ежели не биллионы рублей. Поскольку план расчленения России готовился еще в начале века, то попутно, так сказать, в порядке подготовки, в 1940 году к Молдавии (Бессарабии) приписали промышленное левобережье Днестра, а в 1954 году Хрущев, в обход любых конституционных норм, передал Крым Украине. По этому же плану Молдавия (Молдова) в дальнейшем должна быть передана Румынии. (Почему на совещание по Приднестровью и была приглашена именно Румыния!) Желание населения Приднестровья, как и Молдовы во всех этих

планах, естественно, не учитывалось вовсе. И вот тут, в Приднестровье, неожиданно произошел сбой. Эта земля вдруг не захотела становиться Румынией. Не захотела, и все тут! Узенькая полоска побережья вдоль Днестра – полоса обороны, которую невозможно защитить в случае массированного наступления (в Приднестровье 750 тысяч жителей, в Молдове – 4 миллиона, в Румынии – все двадцать). Крохотная добровольческая армия, против которой уже сейчас стоят силы, которым по приказу того же Шапошникова передана вся техника советской армии, дислоцированной на территории Молдавии, и непрерывно подходят военные транспорты из Румынии. Причем в Молдове введены жесткие законы против уклоняющихся от призыва румынские офицеры дрессируют армию, подходят колонны танков, подтягивается тяжелая артиллерия. А у Приднестровья оружия почти нет, военные склады 14-й армии на этой стороне заминированы, а когда начиналось сопротивление, вообще из всего «оружия» были лишь палки и трактора. Но зато здесь есть решимость стоять насмерть. Решимость людей, которых никто не принуждает, никто не гонит на фронт, но которые поднялись на защиту своей родины. Хотя им нет помощи ниоткуда.

Хотя правительства России и Украины дружно предали их, «подарив» Румынии.

Хотя вконец разложившиеся, точнее, разложенные нашим правительством офицеры четырнадцатой армии фактически участвуют в войне на той, на молдавско-румынской стороне, т. е. выполняют ту роль национальных предателей, за которую в минувшей войне пошли бы немедленно под расстрел.

Проясним ситуацию. Само появление на свет республики Молдовы незаконно. Государственный статус имела Приднестровская Молдавская республика, далее – цитирую по документам:

«В 1940 году сталинской администрацией была образована Молдавская ССР в нарушение ст. 49 Конституции СССР 1936 г., и ст. 70, 72 Конституции

УССР»¹.

«Парламент Молдовы 23 июня 1990 года признал решения 1940 года незаконными, чем, автоматически, восстанавливалась Приднестровская республика. Постановлением от 23 октября 1991 года парламент Молдовы закрепил подписание актов внешних отношений без предварительного их рассмотрения. А это значит, что подписание премьер-министром В. Муравским и президентом М. Снегуром соответственно экономического договора и договора о вхождении Молдовы в Содружество Независимых Государств является фактически незаконным и не имеющим юридической силы. Незаконное вхождение Молдовы в СНГ продолжается до сих пор, так как **парламент Молдовы не ратифицировал договор**».

На человеческом языке: так торопились, что наплевали на все законы, полагаясь, единственно, на силу кулака и помощь предательства. Но продолжаю по документам:

«Важно также отметить еще один политический момент. В 1918 году Бессарабия, при воссоединении с Румынией, утратила свою государственность – при образовании МССР Бессарабия не принимала закон о вхождении в СССР и не подписывала договор с СССР, как это сделали республики в 1922 году. Юридически Молдова (Бессарабия) не состояла в Союзе ССР ни в 1922 году, ни в 1940-м. ни в последующие годы. Тогда, в 1940 году, Верховный Совет СССР наделил административно-территориальными границами не состоящее в союзе с СССР государство (территорию) – Бессарабию, присоединяя к этому незаконному государству часть территории Украины без согласия народа и Верховного Совета УССР. Налицо явный политический и юридический парадокс».

Итак, незаконную Молдову тянут на равный уровень со всеми странами СНГ (лишь бы не нарушить послевоенных границ!), а с другой стороны, упорно не признается законно созданная Приднестровская Молдовская республика. Самое пикантное тут в том ещё состоит, что

¹ Речь идет о неприкосновенности территории страны.

юридически Молдова до сих пор является румынской провинцией со всеми вытекающими из сего положения последствиями. То есть, давайте о «соблюдении границ» не трепаться там, где идет речь о передаче Румынии исторической русской провинции Бессарабии, когда-то отвоеванной у турок, с «привеском» в целое Приднестровье, за каковой привесок ельцинскому министру иностранных дел Козыреву, по-видимому, подарили «Мерседес», да еще талоны на бесплатный бензин: - катайся, мол, (или – катись,..)

Ну, а если вспоминать о демократии, равенстве, о Хельсинских соглашениях, то гагаузы и население Приднестровья имеют, с точки зрения демократических законов, точно такое же право на самостоятельность, как и Молдова и даже большее, по указанным выше причинам.

Ну, а границы... Волонтаристски проведенные на всей территории России по живому телу наций еще в 1922-1924 годах границы эти, часто не просто несправедливые, а даже и провокационные, как это выяснилось в Карабахе, Прибалтике, Осетии, преступно поделенной пополам, стимулирующие непереносимое развитие национальных конфликтов, - границы эти давно надобно было бы пересмотреть, исходя из фактической картины проживания народов и воли этих народов, выраженной в референдумах, быть может, вернувшись к административному делению старой России.

Так что «приписанное» к Бессарабии русско-украинско-молдавское и гагаузско-болгарское население на левобережье Днестра в Бендерах и Камрате имеет полное право не превращаться в румын.

И, наконец, давайте, уж называть вещи своими именами! Стремление народа к свободе – это демократия. Стремление завоевать другой народ, уничтожив его культуру, язык и прочее, - это фашизм. Пытки, надругательства над мирным населением, расстрелы машин «скорой помощи», зачисление Снегуром уголовников в милицию и армию Молдовы – достаточно говорят, с кем и с чем мы имеем тут дело.

Характерно, что все так называемые молдавские националисты – это румыны или потомки румын, переселившихся в Молдавию в пору ее

оккупации Румынией в 1918-1940 годах.

И не надо сочинять историю, которой не было! Предки славян населяли Приднестровье еще на заре Киевской державы, еще и до нашей эры. Задолго до появления румынской нации на земле! Правда, сейчас выясняется по брошюрам, распространяемым в Молдове, что румыны некогда владели Причерноморьем, основали Римскую империю, прошли всю Европу, создали Данию и даже государство инков в Америке якобы основано румынами. Слушая этот бред, я вспомнил короля Пикрохола из бессмертного романа Рабле. Увы! Где ты, брат Жан, с дубинкой в руках, на страже молдавского виноградника, останавливающий разбушевавшееся румынское войско!

Но шутки – в сторону! Не в том дело, конечно, что славяне жили здесь искони. Главное, что живут сейчас, живут в союзе с другими нациями и не мыслят себя вне Великой России. И вот тут-то и начинается главный вопрос: можно ли позволить от великой страны отхватить хоть кусок пограничья? И тот же вопрос, можно ли, например, вырезать кусок плоти из живого организма?! Ежели можно, то этого организма уже нет. Он кончился. Он – труп, над которым начинают кружить стервятники, и потому судьба Приднестровья сейчас – прообраз судьбы всей страны (и потому – именно Румыния! Если уж ей позволено будет...)

Идет генеральная репетиция развала и завоевания России, и хочется воскликнуть, как когда-то, во времена французской революции: «К оружию, граждане!». Но где армия, почему безмолвствует она, и что думают правители России и Украины? Вот тут-то, однако, и выясняется вся внутренняя суть подлости наших властителей, дальнейшее надо называть одним емким словом – предательство.

II

Предатели

Подрыв оборонной мощи страны, как и ее финансовой, как и ее хозяйственной мощи, отдача или распродажа территории инациональным лицам и другим государствам, ежели исходят от правительственного лица, в

том числе и от главы государства, называются и квалифицируются как предательство интересов родины и должны караться в уголовном порядке.

Заметим, что поступающий так политический деятель обычно рассчитывает на падение государственной власти, смену правительства или завоевание страны. Иначе ему не уйти от ответственности. Не углубляясь в историю последних семидесяти пяти лет, напомним все же, что большевики выступили на арену истории с лозунгом поражения собственного правительства в мировой войне. То есть боролись за победу кайзеровской Германии над Россией. Напомним также, что октябрьский переворот финансировал не только американский миллионер Я. Шифер, но и правительство Германии, выделившее на то пятьдесят миллионов золотом. Деньги эти были возвращены после победы революции со сказочной лихвой, и с того момента, по сути, и началось быстрое превращение России в сырьевой придаток развитых стран, падение ее мощи и обнищание населения. Не останавливаясь на других, сложных и подчас противоположных этой тенденции процессах, происходивших в стране, упорно продолжавшей строить небывалое в истории коммунистическое общество.

Напомним также о более чем странном начале второй мировой войны, о намеренном (это почти доказано) предательстве и развале нашей армии. Отсюда и столь дорогая цена победы.

Конец Отечественной войны и возвращение России утраченных ею в 1917-1918 годах территорий знаменует временную победу национальных патриотических сил и государственных интересов России. Увы! Вскоре деструктивные тенденции опять берут верх, и сказочно богатая страна под руководством Хрущева и Брежнева окончательно приобретает вид полуколонии, начинает покупать продовольствие, увязает в долгах и прочее. Есть все основания считать Брежнева подставной фигурой, марионеткой в руках международных финансовых сил.

Перестройка и обновление нашей экономики, укрепление финансов,

наконец – развитие частной (трудовой) предприимчивости и проч., - все то, что характеризует жизнь здорового государственного организма, - были нам действительно необходимы. Но реформы в этом направлении отнюдь не должны были сопровождаться падением уровня жизни и без того нищенского, крушением финансовой системы, инфляцией и воровской распродажей сырья и товаров народного потребления. Тем паче – падением производства, что уже ни о какой перестройке не говорит. Сейчас (в 1992 году), когда прокурор Виктор Илюхин выдвинул обоснованное обвинение против М. Горбачева в измене родине,² останавливаться подробно на этом вопросе нет необходимости. Напомним лишь, что М. Горбачев развалил Варшавский блок, вывел армию с Запада так, как этого не стало бы делать ни одно государство, раздул национальную резню в стране. Именно ему принадлежит честь начала войны в Карабахе, именно он и Пуго отдали приказ впустить грузинских уголовников-боевиков в Цхинвал для устройства там резни, именно он назвал приднестровцев сепаратистами и спровоцировал там первые кровавые столкновения. Развал финансов, похищение золотого запаса, поддержка профашистских партий в Прибалтике, с последующим отторжением ее от России – достойно венчают деятельность этого агента ЦРУ и ставленника международного финансового капитала на русском престоле.

Уже с Горбачева следовало бы спросить: почему его правительство признало за отделяющимися от Союза народами право уйти с русскими, населенными русскими и исторически принадлежащими России территориями? А русским – будь то Прибалтика, Казацкое Семиречье, включенное в Казахстан, Крым или Приднестровье – русским повсюду запрещено воссоединяться со своей родиной? Да и не только русским, но и всем, кто не мыслит своего существования вне Великой России?

² Отсылаю читателя к его брошюре: «Обвиняется Президент. Прокурорское расследование». М., 1992. (Подзаголовок: «Как страну развалили, или почему возникло в отношении М- Горбачева уголовное дело по статье 64 УК РСФСР - измена Родине»).

Итак, предательская роль Горбачева по статье «измена родине» совершенно ясна.

Однако вот удивительный парадокс Горбачев назвал приднестровцев «сепаратистами», с коими надо «разобраться» (после чего и пролилась кровь). Но наши демократы (хочется сказать: валютные демократы, по известной аналогии) после шумной оперетки у Белого дома, посылают в Приднестровье кликушескую комиссию, которая объявляет несчастных женщин, умоляющих четырнадцатую армию о помощи, «сторонницами ГКЧП», призывая давить их танками и травить газом (что тотчас и исполняется!).

Поясним: демократические преобразования тут, в Тирасполе, начались раньше, чем в центре. Раньше появился рабочий контроль, раньше были отстранены от власти партийные функционеры, да и вообще партаппаратчиков в правительстве Приднестровья почти нет, меж тем как раз правительство Молдовы, правительство Снегура, начиная с него самого, - это все перекрасившиеся партийные функционеры, в мгновение ока ставшие националистами из интернационалистов, и демократами из номенклатурной партийной элиты. И вся непростая программа перестройки происходит здесь, в Приднестровье, ровнее. Земля обработана, спад производства (напоминаю, это писано в 1992) не выше 5 процентов (в той, правобережной Молдове — 25 процентов, а в России уже все 30 процентов!) за счет местных средств и семейных, еще очень крепких тут, связей, в значительной мере гасятся трудности, обрушившаяся на пенсионеров и инвалидов. Все это тоже не забудем в оценке событий. В оценке неистового стремления правительства Снегура и Румынии растоптать, оккупировать, ограбить эту землю, уничтожить ее работающий и полный достоинства народ. Единственно верный шаг Ельцина был бы – сделать РСФСР территориальной правопреемницей СССР, а еще лучше – царской России. Собственно, именно этого все и ждали от него.

Но вот последовало предательство русских интересов в Прибалтике, но

вот бесконечные переговоры, в которых зримо и страшно разваливается Союз; но вот закрывающиеся предприятия, гибнущая финансовая система, и очень не ясно уже, будет ли нынче весною вспахана земля и посеян хлеб? И самое главное, что развал страны, начатый Горбачевым, Ельцин продолжил с какой-то умопомрачительной, геометрической правильностью.

Я не хочу сказать, что Ельцину «дали на лапу». Более того, убежден, что не дали (чего нельзя сказать про ельцинское окружение, про весь этот разнузданный демократический грабеж страны, с откладыванием валюты на свои личные счета в западные банки). Скорее всего, Ельцин – жертвенный бык, которого ведут на веревочке, причем ведут на заклание. И все-таки обвинение, выдвинутое против Горбачева, необходимо выдвинуть и против него. Развал и преступная распродажа страны, уничтожение ее военной мощи, настойчивое стремление сделать Россию колонией Запада и свалкой химических и радиоактивных отходов – диагноз и тут тот же самый: предательство.

Фигура Кравчука в чем-то идентична вышеназванным. Опытный партийный функционер, он в мгновение ока становится украинским националистом, поддерживает «Рух» - украинскую националистическую организацию, в руководстве которой три четверти составляют евреи. По чему одному она производит достаточно-таки странное впечатление. Впрочем, недавно Кравчуку, вручен почетный паспорт государства Израиль – так что с этой стороны все более или менее ясно. Кравчук в этом прекрасном трио играет роль присяжного дестабилизатора обстановки. Он срывает соглашения, не выполняет обещания, нарушает хозяйственные связи. Его главная задача – оторвать от России весь юг (Новороссию), завоеванный в результате четырехвековых усилий плеядою наших блестящих полководцев и адмиралов, разбивших и вытеснивших отсюда Турцию, оторвать Крым и уничтожить наш черноморский флот. Ребенку ясно, что флот Украине, отделившейся от России, не в подъем, что черноморские порты, рассчитанные на грузооборот всей страны, захиреют, и что клятый Крым в

конце концов будет опять захвачен Турцией. (Тем паче, что уступая Крым России, Турция внесла в договор следующий пункт: «Без передачи третьей стороне». В те поры под третьей стороной разумелась Австрия, а тогдашняя нежная любовь наших правителей к Западу туркам была ведома слишком хорошо.)

Сейчас по распоряжению Кравчука по всем дорогам, ведущим в Приднестровскую республику, стоят мордатые охранники, высятся бронетранспортеры, дула которых направлены в спину Приднестровью. Поставые не пропускают в Тирасполь никакого оружия, отлавливают добровольцев. Бдительно помогая Румынии справиться с непокорной республикой, ибо с голыми руками, даже при великом энтузиазме, против танков все-таки не пойдешь.

Опять же я не присутствовал при переговорах товарища Кравчука с его заокеанскими товарищами, виноват, господами, и утверждать ничего не берусь. Но бэтээры и поставых на дороге в Приднестровье – видел. Ну, а по делам допустимо судить и о намерениях. Кстати, террористические группы из Молдовы весьма активно и, главное, беспрепятственно действуют на территории Украины.

Ну, и маршала Шапошникова не забудем! Передающего оружие вражеской стороне. В Молдавии – Снегуру, в Чечне – Дудаеву, развалившего до конца, сделавшего небоеспособной нашу армию, - ему сколько заплачено? Или попросту приказано? Ну, ежели просто приказано – продешевил, товарищ маршал! Россия стоит много дороже того, за что вы все ныне продаете ее!

Лично Шапошникова (и подобных ему) хочу предупредить еще об одном. В минувшую войну Штаты не позволяли русским офицерам из эмигрантов дослуживаться до должности выше полковничьей. (Евреи, те получали и генеральские погоны.) И дело было отнюдь не в качестве русских офицеров, воевали они хорошо. Так что и свой чин сохранить на заграничной службе вам, господин Шапошников, удастся навряд!

Ш

Бойцы вспоминают минувшие дни...

Сейчас глубокая осень 1996 года, и я еду в Приднестровье опять. В купе поезда Москва-Тирасполь невысокая стройная пожилая женщина приветливо здоровается со мною:

- Как, вы тоже в Тирасполь?

Тут же узнаю, что она едет поставить памятник сыну, год назад зверски убитому (следствие так и повисло в воздухе), что она тоже во время войны с Молдовой давала продукты и деньги, что знает Андрееву, руководившую женщинами Приднестровья в те жестокие и славные дни... Но Андреева, де, по слухам (ох, эти слухи!) присваивала часть денег (позже узнаю, что этого попросту не могло быть, ибо деньги собирала особая комиссия исполкома), что президент Смирнов пьет, что в Тирасполе ныне владычествует мафия, что пенсии ничтожны, магазины пусты и предприятия стоят, что сейчас далеко не все и проголосовали бы за Смирнова; рассказывает о начале войны, бегстве, сначала на Украину, а потом в Россию, куда-то под Москву, где ныне тоже далеко не мед. Что, вместе с тем, румыны (хотя в ней самой румынская кровь), отличны жестокостью, и объединяться с ними не хочет никто, кроме отдельных прорумынских националистов; рассказывает про какую-то явно ненормальную дамочку, публично венчавшуюся с памятником какому-то румынскому герою (были фата, свадебные кольца, чуть ли и не весь обряд венчания, со священником). Дамочка, к тому же, как я узнал позднее, стремилась омочить руки по локоть в русской крови, и даже «мыть асфальт русской кровью» и убить своих детей, рожденных от русского. В дурдом дамочка не попала, хотя периодически и лечилась там. Но, кажется, уехала в Румынию... Любопытно, ежели она нашла там себе, наконец, румынского мужа, приезжала разводиться с памятником, или нет?

- Вас будут водить по начальству, а вы больше говорите с народом, узнавайте, как живут простые люди!

Темнеет. На новоявленных границах в купе заходят таможенники,

погранстража. Но мы не везем ни оружия, ни наркотиков, ни какого-либо товара. Показываем паспорта.

Днем на станциях у поезда толкуются бабы с яблоками, какой-то снedyю. Торговля, кажется, идет на доллары. И все ближе и ближе тот маленький кусок русской земли, что шесть лет назад сказал «нет», пожелав остаться в составе пусть не существующего уже Советского Союза, под прежними красными знаменами, остаться в составе России, не превращаясь в Румынию, ни даже в «эсэнге», название, не лезущее, на мой взгляд, ни в какие ворота, с гербом, в котором бывший двуглавый орел, лишенный когтей, короны и скипетра, превращен в двухголовую курицу...

Тогда, в те грозные военные годы (Снегуровскую и Косташскую рать тут упорно называли румынами, а себя – приднестровцами) у меня тоже было тревожное чувство, реяло в воздухе, что рядом с несомненным героизмом фронта, в пяти шагах, в тылу, где орудуют какие-то банды террористов, творятся бестолковщина и беспредел, как когда-то в революционной Испании в тылу республиканских войск – да и в одной ли Испании! А что творилось в тылу врангелевских войск в Крыму при всем несомненном героизме белой армии? (Сейчас все удивительно поменялось местами, прежние районы наиболее активного Белого движения и сопротивления красным проголосовали за Зюганова и компартию, а прежние «красные» области (где, кстати, и жизнь хуже, и выше бандитизм) – за Ельцина и его антинародную «демократическую» команду.)

- Андреева теперь уже не имеет той популярности, - рассказывает попутчица, - да она и от дел отошла. Теперь женское движение в Приднестровье возглавляет Мигуля...

Только позже узнаю, что Мигуля, пытавшаяся расколоть женское движение, давно уже живет в Москве, уехав туда с генералом Лебедем, и возглавлять здесь что-либо просто не может... Поразительно отличны оценки происходящего в Приднестровье теми, кто сбежал в Россию или на Украину, подобно овцам, забивающимся внутрь испуганного стада, и теми, кто остался

и выстоял!

На Приднестровье в те годы, да и теперь выливали тонны газетной лжи и позорящих слухов. Наша демпресса уверенно работала на развал страны. Нельзя сказать, что этот мутный поток совсем не достигал своей цели. Мой разговор с попутчицею – тому пример. Борзописцам, охаивавшим Приднестровье, мне всегда хотелось задать один и тот же вопрос: вам приходилось вытаскивать из машин трупы, голые трупы, со следами пыток, обожженные паяльной лампой, со звездами, вырезанными по живому мясу, дурно пахнущие (жара!), полуразложившиеся трупы... Вам приходилось? Или нет? А узнавать в этих обезображенных телах своих близких и родных вам не приходилось? И весь ваш газетный визг не замешан ли на тупом безразличии к человеческому горю, к беде, причиной которой явились, в частности, и ваши статьи, направленные против «сепаратистов»! Но попутчица в купе отнюдь не производит впечатления эдакой «воинственной противницы», со многим соглашается, многое признает, и она совсем не за румынизацию... Что ж! – думаю, - Возможно, что-то и так! Жизнь почти всегда упорно отодвигает прежних героев в тень истории. С победою приходят иные деятели, далеко не всегда лучшие, но – иные! Но я-то еду к Андреевой, по ее вызову, и заранее страшусь возможного разочарования. Да и внове мне, с другой-то стороны, быть персонально приглашаемому, являться значительным лицом. И чего от меня ждут? Книги? Заранее в голове вертится название для газетной статьи: «Непризнанной республике шесть лет...» В самом деле, надо постараться увидеть и ту и другую сторону происходящего! Наконец – Тирасполь.

На темном перроне меня встречает Андреева, показавшаяся невысокой и располневшей, и без того начальственного строго-повелительного выражения лица, которое было у нее в грозные дни ожидания румынского наступления, когда женщины Приднестровья под ее руководством осаждали штаб 14-ой армии, требуя оружия, и едва ли не готовясь сами вытаптывать мины, заложенные перед военными складами по приказу наших многомудрых

правителей, отчаянно пытавшихся помочь Снегуровской банде справиться с непокорным народом.

- Вы, никак, покрасили волосы?

- Я же вся седая!

Увы, я и сам не помолодел за минувшие годы!

Старенькая, выдавая виды машина с семнадцатилетним стажем, поскрипывая в сочленениях, везет нас сперва в гостиницу, где мне забронирован номер, а потом к ним домой, где уже приготовлен стол, где ждут меня и местное вино, изготовленное «Коляней» - супругом Галины Степановны, и крепкие напитки. Эту двухкомнатную квартиру ждали они двадцать лет, с семьдесят третьего, и получили только недавно. Все эти годы (не до того было!) ждала нераспакованной купленная еще тогда, до перестройки, мебель и ковры, ждали посуда и книги... Как жили? Были родные в деревне, была у родных корова, лошадка, поросенок... Теперь уже нет, старшие члены семьи устарели, и уже отказались от скотины. Со смехом рассказывают мне, как Андреева купила у гагаузов ослика, и как она везла его, в подарок свекру, в деревню, чтобы тот мог ездить, а не ходить пешком, и что было с этим ослом впоследствии... Я повествую о нареканиях в ее адрес.

- Нам приписывают и покупку «Мерседеса», и невесть что! – вмешивается муж, возивший Галину Степановну и ее соратниц под пулями румынской армии вдоль фронта вот на этой самой старенькой машине, только что перекрашенной заново с тех пор.

Кстати, на рынок назавтра я-таки выбрался. Николай Захарович свозил меня и на продовольственный рынок, и на барахолку, показавшуюся мне очень приличной и очень устроенной, с рядами палаток и с изобилием обуви всех фасонов. Вопиющей нищеты, старух, продающих какие-нибудь жалкие остатки домашнего скарба, не было, или почти не было, а цены на лук, мясо, рыбу, молоко, брынзу, сметану и хлеб в полтора, а где и в два, а где и в три раза ниже наших, новгородских. Конечно, цены сами по себе еще ни о чем не

говорят: покупательная способность зависит от соотношения цен и заработной платы. К тому же узенькая полоска Приднестровья, зажатая меж Украиной и Молдовой, не может не зависеть от положения у соседей, от покупной стоимости румынских лей и украинских купонов. К сему присоединяются еще и такие немаловажные показатели, как размер квартплаты, чрезвычайно высокий в Молдове и на Украине, и низкий здесь, почему от более высоких тамошних пенсий после оплаты коммунальных услуг остаются рожки да ножки, а здесь еще и на кусок хлеба с приварком остается. К тому же Андреева, которая как была на соцобеспечении, так и осталась, наладила, вырвала, выругала, заставила – тут любой термин подойдет, - чтобы пенсии выплачивались строго в срок, чтобы их разносили пенсионерам, а не заставляли старых людей бегать куда-то, стоять в очередях и прочее. После рыночных хождений, в коих Галина Степановна не участвовала, мы съездили на кладбище, на аллею героев. Молчаливые каменные плиты обязательно с портретами погибших и с изображением в левом верхнем углу православного креста на могилах черноморских казаков, погибших в боях. Есть и старые, но большею частью молодые лица. Галина Степановна называет их уменьшительными именами: Саша, Васёк, Гришуня – она всех их знала, и они все живые для нее до сих пор. Мы садимся за столик у одной из памятных могил. Пьем поминальную чару, закусьваем огурцами, котлетами и хлебом. Невысокая оштукатуренная стена отделяет кладбище от дороги. С пологого холма, уставленного рядами каменных надгробий, с кое-где растущими меж них густыми темно-зелеными туями, открывается далекий вид на кровли города, на синюю даль за ними. И так спокойно тут, и так легко дышать. И эта аллея, мощеная светлыми каменными плитами, и ряды могил, и портреты, и цифры, и имена. Что, какую награду получает человек в расцвете лет и сил отдавший жизнь за родину? Гаснущую память в поколениях? Надпись на надгробной плите? Да ничего не получает он, отдавший жизнь за нас! За нас с вами, за право жить, суетиться, торговать, дружить и ссориться другим людям, иным поколениям,

иным судьбам. Но эти судьбы, эти иные поколения не могли бы ни жить, ни трудиться, ни торговать, ни спорить, ни, даже, говорить на своем языке, ежели бы не было тех, кто бестрепетно отдал жизнь за други своя – отдал все, что мог и имел, без остатка и без отдачи... И мы будем стараться не забыть, писать воспоминания, устраивать мемориалы, выпускать книги памяти со списками имен павших воинов. Но проходят века, что века! Десятилетия, даже годы. Рушатся, исчезают каменные плиты с рвущими душу наивными и потому тем более пронзительными до слез стихами, с датами рождений и смертей, с выбитыми в камне обещаниями вечно помнить. И – кто назовет имена воинов, погибших на Куликовом поле, под Оршей, Белевым, Псковом, на Волыни и в Латгалии? Кому принадлежат тяжелые каменные кресты, вросшие в почву русских холмов и крутояров? И какое сущее чудо творится в том, что век за веком, вновь и вновь, рождаются, растут, приходят в тяжкий час с оружием на защиту родины все новые и новые мальчишки, готовые отдать и отдающие жизнь «за други своя». И откуда они являются, приходят, встают и жертвуют собой, дотуда и жив народ. Дотудова и возможна жизнь на земле. Ибо жизнь в рабском звании, чтобы ни говорили о том соглашательство и робость, невозможна. И народ, уставший сражаться, неизбежно гибнет, гибнет, или растворяется в других народах, в других языках, в тех, у кого находятся герои, готовые отдать жизнь за то, чтобы жила их родина. Так вот, в веках и тысячелетиях, творится чудо бессмертия человеческого племени, бессмертия, поддерживаемого жертвенными смертями героев, мучеников и защитников своих.

Отдав нищим старушкам остатки трапезы и вина, мы вышли с кладбища, и все на той же дребезжащей машине, ведомой неутомимым Колянею, поехали домой, где, к вечеру, собралось немногочисленное застолье в шесть душ, пожилые люди, пережившие грозу, ужас и величие тех незабываемых дней.

Да, разумеется, полный стол. По местному полный, без осетрины и черной икры, но полный от души, с домашними соленьями и вареньями, с

местным, своим вином, и, конечно, с русской водкой, ну и с огурцами, и с помидорами, аджикою, острым перцем, брынзой. И, конечно, споры, перебивающие друг друга воспоминанья и возгласы, вперемешку великое и смешное, суетливое и то, прежнее, чего ни забыть, ни отринуть нельзя. После советов, как что-то там солить и квасить, вспоминали, как сидели на матрацах, прикрываясь кусками целлофана, под стеной военного городка четырнадцатой армии, требуя оружия и защиты, а тем было приказано из Москвы не поддерживать и не вооружать приднестровцев, дабы Костах со Снегуром и их трусливое воинство могли, наконец, справиться с безоружными упрямыми, могли исполнить строгий приказ, полученный молдавскими и московскими холоуями от своих заокеанских господ... (Никогда не мог, кстати, понять, почему предатели своих народов, стремящиеся подчинить и себя, и сограждан своих заокеанскому дяде Сэму, или Польше, или Румынии – неважно кому! – присваивают себе имя националистов? Воистину, мы живем в век вывернутых мозгов и вывернутой наизнанку терминологии!) Так вот, до сих пор, оказывается, помнится промозглый холод и сырость тех бессонных ночей, и тепло от дружеской помощи, от приносимого утром в термосах чая. (А я еще помню, как на дороге в Дубоссары нас кормили совершенно бесплатно в какой-то придорожной столовой, где кормили бесплатно всех, где столовались казаки, остановившие наступление румын, где и продукты были не откуда-то со складов, а из домов, из изб, - сами нанесли! И тут-то вот воочию становилось видно, что значит народ, вставший на защиту своей родины!)

...И тут же, за столом, страшные, до сих пор страшные, рассказы о трупах, взятых в плен раненых казаках с вырванными ногтями, отрезанными языками, выколотыми глазами (резали – заживо), в заключение распиленными повдоль циркульной пилой, так что женщинам, прежде, чем уложить в гроб, приходилось сшивать обезображенные трупы – а девочки, девочки, зверски изнасилованные и убитые, в тех же Бендерах! (Ворвавшиеся в город опоновцы захватили два класса старшеклассников, собравшихся на

выпускной бал. «Мальчикам отрезали члены, а девочек снасиловали и поубивали – все мертвые, в рефрижераторе их сюда привезли. Ждали комиссию, чтобы установить преступление...») А этот героический поход, затеянный Андреевой, когда женщины, безоружные, пошли на передовую, в окопы, чтобы остановить войну. Пошли под пули, под артиллерийский и минометный огонь!

... Там, на кладбище, Галина Степановна иногда коротко досказывала о судьбах семей погибших героев, какая-то из молодых вдов скоро утешилась, найдя себе нового мужа, а кто и по сию пору хранит верность погибшему, на все советы выйти замуж отвечая: «Второго такого как он для меня нет».

Мы пьем, смеемся и шутим, и украинец, доселе молчавший, наклоняясь ко мне, рассказывает о своей судьбе. Он с Волыни. В 1946 году видел весь ужас бандеровщины, когда людей, заподозренных в связи с советской властью, замотав проволокою двери, сжигали вместе с семьей и детьми. (Кстати, я уверен и теперь, что ежели бы мы не стали загонять тамошних хуторян насильно в колхозы, никакой бандеровщины не было бы) – «Я украинец! - говорит он, - Но мой язык – русский! И я привык к тому, что моя родина вот: от Охотского моря до Польши, от Белого моря до Черного, без всяких там таможенных границ! Это моя земля, наша земля!» - Он уже изрядно выпил, вновь и вновь повторяет то же и то же... На прощании, уже в дверях, неожиданно запеваёт высоким красивым голосом: «Отцвели уж давно хризантемы в саду». – И вновь повторяет мне о родине, той, единой, потерянной нами. Мы жмем друг другу руки, целуемся... Господи! Да просвети же, наконец, земляков моих, да встаньте братья, сбросьте эту дерьмократическую сволочь, по которой давно веревка плачет! Врозь мы не спасемся, врозь мы погибнем все! И спастись можем также только все вместе, соборно! Поймите то, что давно понял Лукашенко в Белоруссии, где предатели родины ничтожные численно, однако «жадною толпой стоящие у трона», подняли против него едва ли не вооруженную борьбу. Да уезжайте вы, гады, в свой Израиль или в свою Америку, в свою Румынию, ищите себе

землю и народ, который вы не будете оплевывать и который вы станете защищать! Защищать так, как те мальчики в Бендерах, о которых только что рассказал Николай Захарыч, залезавшие в брошенные бегущей румынской сволочью бэтээры, гнавшие вослед отступающим, стреляя из пулеметов, и кричавшие взрослым бойцам:

- Дяденьки, дайте нам еще патронов!

Как были потеряны и вновь отбиты Бендеры, об этом речь еще впереди.

IV

Президент республики

Сегодня мы должны встретиться с Игорем Николаевичем Смирновым. (Скоро выборы, и никто из тех, кто создавал и оборонял республику, не видит иной кандидатуры.) Но Смирнов задерживается. Приехала комиссия из Москвы, выводят 14-ую армию, вывозят склады оружия. Не мытьем так катаньем Москва пытается исполнить приказ дяди Сэма, для которого костью в горле стоит этот кусок земли. И – ежели бы мы все понимали, что существование Приднестровья, этого плацдарма великой страны на юго-западе, для России еще нужнее, чем для самих приднестровцев!

Пока же едем домой, ждать. Завтра Бендеры, и Николай Захарыч толкует мне, чтобы я не забыл упомянуть про славного мужика, что сгорел в танке, штурмуя захваченный город. За столом с нами генерал-майор Штефан Кицак, ныне советник президента по военным делам, а в прежние годы – начальник управления обороны Приднестровской республики (т. е. глава всех ее вооруженных сил в 1992 году. Впрочем, еще не сведенных воедино, что значительно осложняло оборону). Четыре человека представляют собою три нации, ибо генерал Штефан Кицак – румын, и его родной брат дрался на той стороне, против него же. Пятидесятилетний генерал невысок, еще крепок, только что перекапывал свой дачный участок, у него там 28 соток, и сменил семь рубах во время копки земли, о чем говорит, улыбаясь, с законной

гордостью человека, выполнившего тяжелую физическую работу. У него там сладкие тыквы, которыми он тут же предлагает поделиться с Николаем Захаровичем, цукини, картошка – довольно капризный овощ в здешнем климате. Он воевал четыре года в Афгане, год – в Закарпатье, с бандеровцами, воевал на Кавказе, в Чечне и иных местах, и хочет одного – мира, рассказывает о героизме народа Южной Осетий, о людях, всячески утесненных, но не сломленных, и не забывших старинных обычаев гостеприимства.

Утесненное Приднестровье протягивало руку всем утесняемым, будь то Абхазия, Осетия или Крым. Меж советами, как запаривать ту самую сладкую тыкву, сообщает, что националист Снегур плохо знает молдавский язык (а кто-то из его окружения и совсем не знает), что молдавский, по сути, не отличен от румынского, за исключением шипящих, мягкого «л», и некоторых иных окончаний, но в целом де, отличия меньше, чем между белорусским и русским. Но что как раз государственность в Молдавии явилась на несколько веков ранее, в XIV столетии в 1359 году, а в Румынии лишь в XVIII столетии с распадом Австро-Венгерской империи, и поэтому еще поглядеть, кто и к кому должен бы присоединяться, и какие права на Великую Румынию у деятелей из Бухареста. Что, вместе с тем, перевод грамоты в Молдове на латиницу ударит по православию, ибо разорвет письменную речь с церковно-славянским языком церкви (вопрос о церкви и нынешних судьбах православия – это вообще особый вопрос, о коем и писать надо особо).

Мы пьем, чокаемся, спорим до хрипоты о терминах коммунизм, Советская власть, об утерянном величии великой страны, о националистах и патриотах, о Ленине, имя которого здесь нерушимо (и Кицак спросит потом Андрееву: - «Кого ты к нам привезла?») о Лебеде, которого взапуски ругают почти все (хотя кто-то и хвалит) и уже прощаемся, когда вдруг звонят, и сообщают, что поздно вечером освободившийся Смирнов готов нас принять.

Я помнил Игоря Николаевича по 1992 году, и опять решаюсь

предоставить слово самому себе, тогдашнему, ибо, как кажется, сумел отразить напряженную атмосферу тех предгрозовых месяцев.

«Тирасполь основан Суворовым двести лет назад. Это нарядный и чистый до неправдоподобия город, летом, видимо, утопающий в зелени, город с массой гуляющей молодежи, с парочками, с торгующими семечками бабами, с чугунным лобастым Ильичем у дома правительства. (Бюст этот не дает покоя нашим демократам, озабоченным, как кажется, сменой вывесок и свержением памятников более, чем-либо иным.) Прохладная после уличной и дорожной жары гостиница. В Москве – холода, а здесь уже лопаются почки, и примолкшие сады вот-вот оденутся белым цветом. И только ополченцы в серо-зеленой маскировочной форме с автоматами в руках разрушают впечатление покоя и мира. Они не суетливы, не агрессивны, но и лени той, обычной лени штатных охранников (солдат спит – служба идет!) нету в них. Настороженные лица. Оружие держат так, как держат именно оружие, которым вот-вот придется начать пользоваться. Нас молча рассматривают. Слишком много из Москвы приезжают, чтобы потом написать о приднестровцах эдак сверху вниз, «блюдя объективность», при которой и убийца и жертва оказываются равно правы или же равно виноваты в глазах газетного обывателя. Здесь устали от обещаний. Приезжал Руцкой, с трибуны обещал защиту. Многие плакали, его чуть ли не понесли на руках. Уехав, поговорил на съезде, но о всех своих обещаниях защитить республику – позабыл. А Старовойтова, на том же съезде, исходя из того, что «гои не люди», объявила, что приднестровцы не могут считаться русскими, ибо у них нет удостоверяющих это бумажек – клейма на скотину не поставили! И это заявляет человек, осуществляющий межнациональную политику в России! Борис Николаевич Ельцин, опомнитесь, пока еще не поздно!

Льется кровь. Идет почти война. На днях обещают генеральное наступление (Снегур подтягивает резервы), а демократическим болтунам в Верховном Совете, озабоченным борьбой за кресла, да тем, кто сколько украд и сколько еще может украсть в бесхозно расхищаемой России, и дела

нет до того, что судьба страны решается именно тут, в Приднестровье, и решится в ту или иную сторону в зависимости от двух – только двух! – факторов: выстоит ли Приднестровье – и это будет значить, что Великая Россия еще жива, - и помогут ли ей другие грады и веси? Ибо, повторим, ежели страна не помогает своей части, попавшей в беду, значит, страны этой нет. Представьте себе вражеский десант в каком-нибудь Глазго: жители, как могут, сопротивляются, а парламент, во главе с Тэтчер, запрещает подвозить в Глазго оружие, и армия «хранит нейтралитет», безучастно стоя в казармах... Такого не может быть? Да, в Англии, Германии, Штатах, в любой уважающей себя стране такого быть не может. Вспомним, как настойчиво Буш выцарапывал всех американцев, застрявших в Ираке (не четырнадцать ли, кажется, человек?), прежде, чем начать войну с Хусейном. И как спокойно правительство Ельцина бросило на произвол судьбы двадцать пять миллионов русских в отделившихся окраинах, не заботясь ни о них, ни о тех, кто, как те же гагаузы или осетины, отчаянно умоляют парламент России о помощи! Сколь предельно, сколь ужасающе цинизм этого правительства! На какие темные глубины подсознания опирается он, к каким преступно эгоистическим чувствам он апеллирует! Но эгоизм всегда близорук. Отдать друзей, отдать своих граждан на поток и разорение – это значит завтра погибнуть самому. Погибнуть гнусно, бесславно, сопровождаемому проклятиями преданных тобою людей и народов.

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,

Потомок оскорбит презрительным стихом...

...В номер гостиницы заходит походный казачий атаман. Знакомимся. Речь все о том же: нет оружия, нет артиллерии, нет бронетехники... Тирасполь открыт для военного вторжения с любой стороны. Поезда из Кишинева в Москву останавливаются в Тирасполе. Достаточно посадить два полка в товарный состав и захватить центр города. За время короткого перемирия не создана система обороны по Днестру, не собрано ополчение, не вооружены добровольцы, казаки уже собираются уезжать. В Тирасполе до

двадцати пяти террористических групп, которых, однако, никто не спешит арестовывать и обезвреживать. Сейчас подписан протокол о сдаче оружия в Бендерах, по сути это протокол о капитуляции города, расположенного сразу за Тирасполем, на той стороне Днестра. Руководство республики все чего-то ждет, по принципу «худой мир лучше доброй ссоры», не понимая, что капитуляция приведет к гораздо большим жертвам, чем сопротивление... Каждую ночь, невзирая на перемирие, идет обстрел наших позиций, идет война, настоящая война, а тут – «разговоры». Казаки не понимают поведения правительства, армии. (Президента Приднестровья очень многие бранят за нерешительность.)

Атаман тактичен, он не занимает больше трех-четырёх минут. Встает, прощаясь, высокий, стройный, подтянутый, уходит. Но он из тех, кто могли бы спасти Россию! Дай им оружие Великая (некогда Великая!) страна, дай им оружие, пока не поздно, пока волны потока не сомкнулись над твоею головой!

Встреча с президентом республики назначена на завтра. Томимся, ждем. Наконец, нас приглашают.

Игорь Николаевич Смирнов – хозяйственник, вышел из директоров предприятия. Он – талантливый организатор производства и талантливый экономист, таково же и его окружение, в котором «чистых» партаппаратчиков почти нет. Напротив, правительство Молдовы, начиная с самого Мирчо Снегура, почти сплошь состоит из недавних функционеров высшего руководства компартии Молдавии, в новом облике сохранившие свои посты и кормушки. Это очень важно отметить, потому что и прочие столпы демократии у нас в стране почему-то являются высшей партийной номенклатурой (Ельцин, Шушкевич, Кравчук, Алиев, Шеварднадзе, все члены ЦК КПСС). При желании можно даже сказать, что «перестройка» была формой захвата этими людьми политической и экономической власти в стране, с целью личной наживы им уничтожения советского (русского!) государства, чего от них требовали их международные покровители. А все

слова, направленные против партийного диктата в нашей стране. И, кстати, против Приднестровья, обвиняемого в пособничестве ГКЧП, в том, что здесь противятся реформам, защищая партийную диктатуру, произносились по тому же принципу, по которому вор громче всех кричит: «держи вора!»

У Смирнова хорошо вылепленное, в крепких морщинах лицо, умные глаза, небольшая бородка. В этом лице есть и воля, и ум, - осторожность? Да, и осторожность тоже! Он кратко, немногословно излагает программу республики:

- «Мы имели свою государственность, Молдова – не имела. При развале Союза мы свою государственность потеряли. Молдова, не имевшая ее, - получила. Необходимо, прежде всего, признание нашей республики правительством России.

Мы предложили Молдове федеративное устройство, она его отвергла. Там создается точно такой же тоталитарный режим, какой был в СССР. И нам нужна гарантия, что мы, проснувшись утром, не окажемся в Румынии. У нас большие экономические связи и с Россией, и с Украиной. Мы бы очень продвинулись в области рыночной экономики, если бы не военный конфликт. От России мы ждем и военной помощи, прежде всего от четырнадцатой армии, которая могла бы стать разделительной силой в этом конфликте. Нам нужны хозяйственные связи с Россией, у нас мощная промышленность. Молдова же попросту хочет решить дело силой. Переговоры с участием Румынии, но без Приднестровья, ни к чему хорошему не приведут. Здесь будет попросту новый Карабах, не надо забывать, что здесь живут славяне.

Молдова отвергает федерацию потому, что ей тогда не уйти в Румынию. А уйдя в Румынию без нас, она теряет свой самый богатый район. Мы пока только сопротивляемся, и все людские потери происходят здесь, на нашей стороне.

Где Хельсинские соглашения, защита личности, где она? Пусть нас, наконец, признают в России! У нас общий рубль, общие банки, общее

экономическое пространство! Если бы Россия высказалась более настойчиво, кровопролития не было бы!»

Мы говорили все по очереди. Академик Игорь Ростиславович Шафаревич – о стыде за наше государство. Члены редакции «Дня» - о распаде страны, об армии, о Шапошникове... Как можно было передавать оружие Молдове!

- А вы можете сами забрать склады четырнадцатой армии – не выдерживаю и я, - если уж она не хочет воевать? И потом, оборона на столь растянутом фронте, это почти верный проигрыш!

Президент смотрит на меня внимательно, тяжело и спокойно. Отвечает вопросом на вопрос:

- Что же нам, идти на Бухарест? А что касается складов, если начнется генеральное наступление, мы вынуждены будем это сделать! Но сейчас, с передачей армии под юрисдикцию Ельцина, положение очень и очень усложнилось. Мы не можем допустить конфликта с Россией ни в коем случае! И затем, у нас до сих пор общий бюджет с Молдовой, банковские расчеты идут через Кишинев, и там постоянно задерживают для нас выделение кредитов. Я вообще сторонник парламентской формы правления. У нас слишком много президентов, и они уже развалили страну.

Заметьте, у нас в республике нет ни одного случая увольнения по национальному признаку. Мы сумели сохранить прежний уровень производства, мы не меняем кадры...

Он пускается в объяснения о малых предприятиях, биржах, совместных предприятиях, акционировании и прочем, предприятия, как я понял, могут распоряжаться 75 процентами своих прибылей, это немало. Есть трудности с жильем (негде строить). Есть перебои с горюче-смазочными материалами (Украина разгружает у себя составы, предназначенные Приднестровью, - опять Кравчук!).

- Вам нужна военная помощь?

- Нам нужно оружие! – возражает он. – У нас хватает добровольцев, их

нечем вооружить. Но мы могли бы взять на свой бюджет всю четырнадцатую армию!

Быть может, я и напутал что, бегло записывая этот разговор, особенно в области терминологии. Но главное, как кажется, понял, у Смирнова нет растерянности. Нет и капитулянтства. Но у него крепко связаны руки. Он зависим от хозяйственных отношений с Россией, зависим от банков, от налаженного оборота средств и сбыта промышленной продукции, выпуск которой ухитряется поддерживать на должном уровне даже в этом состоянии необъявленной, но ведущейся войны. Возможно, действительно Бухарест взять было бы легче, чем делать то, что делает он.

На прощанье говорим о средствах массовой информации, о телевидении, радио (радио Молдовы на днях объединилась с румынским). Республике требуется, чтобы о том, что происходит здесь, сообщали правду, только правду, а не ложь, густым потоком текущую по всем каналам связи с того берега и повторяемую в Москве.

Успеют ли только они вооружиться, ежели румынско-молдавская сторона попытается покончить с ними одним ударом, за пять-восемь часов?»

Вот то, что я писал в 1992 году. С тех пор произошла жестокая бойня в Бендерах, в которой приднестровцы все-таки победили, и четыре года экономической и правовой блокады республики. Останавливаются заводы, беднеет население, когда-то жившее втрое лучше соседей. Интересный план экономической интеграции с Николаевской областью (возрождающий идею Новороссии!) не получился, из-за упорного противодействия украинских властей.

Смирнов произносит всего несколько слов, улыбается и тотчас возникает та, прежняя симпатия к этому до предела измученному, постаревшему и усталому человеку. Только что он провел тяжкие переговоры, убеждая москвичей, что необходимо восстанавливать старые хозяйственные связи, что нелепо строить новые заводы, когда такие же точно простаивают в Тирасполе, что нельзя убирать отсюда остатки четырнадцатой

армии...

Идет какая-то странная игра с обещаниями и изменою этим самым обещаниям, игра уверток и болтовни, за которой зримо встают контуры того, о чем никто из членов московской делегации не может сказать прямо, - о том, что дядя Сэм гневается, что очередные кредиты обещаны лишь под ликвидацию Приднестровской республики. Заокеанские господа упорны, и по-прежнему добиваются своего (да и вопрос о Крыме, как я узнал в Москве «завис», ибо дядя Сэм в союзе с МВФ потребовал условием очередного кредита, закрепить потерю Крыма Россией).

Идет крупная игра. Международные шулера тасуют карты, сдавая на кону целые государства, взрезая ножом тайной дипломатии тела Великой России, и костью в горле, острой соринкой в глазу стоит у них маленький кусочек земли, где за столом из шести душ собираются пять национальностей, где кто-то из начальства болгарин, а кто-то – венгр, где генерал румын, а в те грозовые годы возглавил приднестровскую армию, борющуюся против румынизации, а процент молдаван в республиканской армии был чуть не вдвое выше, чем в молдавской армии Снегура, на три четверти состоящей из наемников, уголовников, полицаев и насильно мобилизованных русских. Здесь многое выглядит совсем не так, как в Москве, здесь слово коммунизм означает Великую Россию, а «принципы коммунизма» - патриотическое единство многонациональной страны, социальную справедливость и независимость...

Все, надо спать! Завтра – Бендеры, которых я не видел в свой первый приезд, завтра тот самый мост, что брали штурмом гвардейцы республики и казаки, завтра город, из которого о-сю пору не убрана молдавская полиция, город, который несколько потишевшие с того, давнего, разгрома молдавские горе-националисты и сейчас требуют отдать им, и опять собирают силы для нового наступления. Мне предстоят еще и еще встречи: с начальством, ветеранами, казаками, от меня требуют написать не статью, а книгу. Я еще не знаю и сейчас, когда пишу эти строки, получится ли у меня? Ибо о героизме

народа надо писать или хорошо, или не писать вовсе. Предстоят встречи, поездки. Но главное, что мы должны понять все, всю нацию: что бы тут ни совершалось теперь, какие бы несбывшиеся надежды ни тревожили эту землю, - Приднестровье не эпизод, не местный пограничный конфликт где-то там, за горами за лесами. Приднестровье – урок для всех нас, и это живой, делящийся урок, это призыв, и дай Бог, чтобы этот призыв был, наконец, услышан Россией.

V

Рельсовая война

Жестокий, но сильный противник, в конце концов, может вызвать к себе уважение. Противник злобный, но трусливый не может вызвать к себе уважения никогда.

Во время прошедшей войны румынские солдаты отличались воровством и отменной трусостью. У храброго генерала Антонеску была отнюдь не храбрая армия. Немцы кричали нашим в окопах под Севастополем:

- Эй. Рус! Давай менять тала-бала на румын! – мирные дехкане из глубинки азиатских республик, оглушенные ревом техники и грохотом рвущихся снарядов, да, сверх того, недавно мобилизованные, воевали в самом деле плохо, точнее, попросту еще не умели воевать. Румыния – единственная из православных стран не пустила отступающих белогвардейцев на свою территорию. Раздевши и ограбив, их выталкивали назад, обрекая на смерть. Я могу согласиться с тем, что румынам не так-то и хотелось воевать за Гитлера, но как быть с тем, что творилось в 1918-м году?

Бессарабию, отбитую русскими полками у турок, Румыния получила в 1918 году без боя, по мирному договору. Измученная большевистская республика спешила окончить гражданскую войну, и о том, кто и под какие обещания добился от правительства СССР согласия на потерю Бессарабии, Галиции и Прибалтики, а также значительных районов Закавказья, и кто конкретно отдавал эти земли, мы узнаем еще не скоро, ибо все извывы

тайной дипломатии начала века до сих пор скрыты от нас.

В разговорах с приднестровцами я порою тщетно пытался выяснить, за что же местное население так дружно не любит, точнее сказать, ненавидит румын? Не забудем, что русско-молдавский город Бендеры, расположенный на правом берегу Днестра, оставался в руках румын вплоть до 1940-го года, и опять принадлежал им с 1941-го до 1946-го, на протяжении всей войны. – «Что они тут творили!» - вот самое вразумительное, что мне удалось услышать от тех, кого расспрашивал. И не в национальном неприятии дело, ежели армию восставшей Приднестровской республики возглавлял, как-никак, чистокровный румын Кицак, а его сын, офицер, мужественно дрался с агрессорами в Дубоссарах. В одном, впрочем, Кицак в застольном разговоре о языке слукавил. Не так-то уж молдавский и румынский языки реально близки, ибо, например, белоруса я пойму сразу, украинца, пусть и с некоторым трудом, тоже, но бедные молдаване, и слышал я это не от одного, от многих, собственно от всех, с кем приходилось говорить, не понимали вовсе румынской речи, ни письменной, (ну, тут еще и латиница!) ни устной, по радио. Документы на румынском языке в Молдавии никто понять не мог, так что румынизация грозила потерей языка далеко не одним русским.

...Написал это вот о румынах, и задумался. Строго говоря, любой народ действует на арене истории не «сам по себе», не как группа физических лиц. Но как организация спаянная какими-то социальными, клановыми или государственными скрепами. «Группа лиц», толпа, активно действовать вообще не может, но всегда будучи так или иначе кем-то организованной. И, кстати, очень трудно разделить, где кончается то, что мы называем национальными свойствами, и начинается эффект организующей направляющей, хотя разделить правителей и народ, ежели это люди одной нации, всегда достаточно сложно, ибо и правители суть члены своего народа, и иногда кажется, например, а что, ежели на место наших проворовавшихся демократов поставить любую набранную прямо с улицы кучку московских обывателей, не станут ли они творить то же самое, так же воровать и так же

распродавать страну? Но, с другой стороны, являются же откуда-то и Менделеевы, и Столыпины, и Скобелевы в том самом народе?

Жестокость румын, о которой так много говорят, не является ли результатом двух слагаемых, неспособностью нации к многонациональному сожительству (свойственную, например, немцам) и тогда тем более румынам нельзя стремиться к созданию Великой Румынии, и невыработанностью, неразвитостью румынской интеллигенции, саму себя загнавшей в людей второго сорта, откуда и спесь, и похвальба, и ярость, и воинственные клики, и все прочее, чем прикрывается обычно внутренняя пустота.

Жестокость жестокостью (один из бендерчан мудро сказал, что румынские полицейские как бы не имеют обратной связи: кровь и слезы избиваемых совершенно не действуют на них), но вопрос языка был главным стержнем румынизации за все время оккупации Бессарабии Румынией. (Аннексия Бессарабии признавалась правительством Ленина лишь как временное явление, что и послужило юридической основой возвращения Бессарабии в лоно России в 1940 году.)

За русскую или украинскую речь на базаре довоенных Бендер «виновных» лупили нагайками и облагали штрафом. Кто не знал румынского, боялись и нос высунуть из дому. Так, во всяком случае, говорят. Со своими, по ту сторону границы, сносились тайно, переплывая Днестр и ежеминутно рискуя головой.

С языка все началось и на этот раз. Можно сказать даже так, что кишиневские националисты сами заставили приднестровцев создать свою республику.

Просматривая хронологию событий в книге, изданной Тирасполем в 1995 году «Пять лет ПМР», видишь, что все действия приднестровцев происходили в ответ на действия кишиневских националистов, являясь естественным ответом на тамошний беспредел.

Об условности понятия «националист» в наши дни я уже говорил выше. Но, как патриот своей страны, не в силах понять и доселе, как могут

называть себя националистами люди, основная цель которых – отдать свою родину под чужой диктат? Этому они у Гитлера никак научиться не могли! Но не будем пока об этом.

Итак, деструктивные процессы начались в стране, ослабленной целенаправленной деятельностью американского резидента Горбачева, проведенного тайными силами на пост главы государства и партии, что сделать было легко именно потому, что в высшем эшелоне партии, сложенном по образцу масонской организации, полностью отсутствовала так называемая обратная связь. Важнейшие вопросы государственного строительства не решались, а декларировались волею избранных, то есть временных лиц. Об этой ахиллесовой пяте всей нашей советской государственной системы мы как-то и доселе не очень задумываемся. Воспитанные на вере в абсолютную власть монарха, мы эту веру (далеко не всегда оправдывавшуюся и в монархические-то времена!) перенесли на личность «вождя», что и позволило историческим противникам России, подменив это вот, абсолютное для нас, высшее звено власти, развалить всю пирамиду государственного механизма СССР как карточный домик.

Но вернемся к Приднестровью!

11 августа 1989 года в Тирасполе создается объединенный совет трудовых коллективов для организации борьбы трудящихся за свои права против надвигающегося национализма. «Советы трудовых коллективов» были разрешены Горбачевым, и вряд ли его хозяева планировали через них спасти единую Россию! Планировалось нечто противоположное... Но в Кишиневе уже поднял голову «Народный фронт» с требованием изгнания русских и присоединения к Румынии (напомним, что эта как раз акция была непременным звеном разработанного Пентагоном плана разрушения СССР), и первое же требование «Народного фронта» - ввести румынский язык, как единственный язык Молдавии, общеобязательный для всего населения Бессарабии, где национальная пестрота была большей, чем где бы то ни было. Скажем так: в едином государстве должен быть единый язык

межнационального общения. Это истина, с которой ничего поделать нельзя. То есть введение иного языка как единственного возможно только с отделением носителей этого языка в особый государственный организм, что сразу требует: а) выяснения этнических границ проживания; б) решения межнациональных вопросов, ежели таковые имеются; в) решения хозяйственных проблем, ибо далеко не всякий народ имеет возможности экономически самостоятельно существовать. По подсчетам западных социологов из всех республик бывшего СССР самостоятельно существовать могли только четыре: Россия, Белоруссия, Украина и Казахстан. Добавим: существовать, как оказалось, втрое хуже, чем до разделения. А что уж тут говорить о прочих! Та же Грузия недели не прожила бы, кабы «русские угнетатели» не продолжали ее кормить, поить и снабжать 34етто34ок34ых34ами!

В конце 1980~х годов в Молдавию устремились прибалтийские ораторы народного фронта, один из которых так заявил на митинге: - «Прошу простить меня за то, что я буду говорить на языке угнетателей». – Ну и говорил бы по-латышски, мигрант хренов! Чего стоит вся эта блажь, ежели эстонцы, латыши и литовцы, встречаясь друг с другом, разговаривают по-русски! Иначе-то им друг друга не понять!

Но вот что удивительно! В Приднестровье славянского населения 35%. Это и русские, и украинцы. В Прибалтике – почти половина. (Чуть меньше в Литве), и там все они – русские. Так почему в Прибалтике не возмутился никто? Почему там эта русская половина сама себя стала загонять в «мигрантов», в людей второго сорта. Почему там не явились советы трудовых коллективов, тем паче, что рабочие-то в Эстонии и Латвии, почитай, все – русские! Почему смолчали, согнулись? Какой помощи ждут они теперь и от кого? Сего здесь, в Приднестровье, никто понять не может, и я не могу им этого объяснить, когда меня спрашивали в Бендерах, - что же творится у вас в России, почему молчите? Неужели ваше правительство не видит, что мы тут защищаем геополитические интересы России, что рухнем

мы, и рухнет все, прервутся связи с Балканскими странами, окончательно будут потеряны Черное море и флот, закроются торговые выходы в Средиземное море. Кто-то и то припомнил, что, получая Крым из рук Турции, Россия подписала обязательство владеть Крымом, не передавая его «третьей стороне». То есть, с передачей Украине, Крым должен быть, согласно договору, возвращен Турции. И Турция уже требует Крым себе, и Черновилы его, естественно, отдадут! А четырехвековые усилия России, миллионы отданных жизней, окажутся зряшною тратой сил.

16 августа происходит двухчасовая предупредительная забастовка по вопросу о государственном языке. Но Верховный Совет новоявленной Молдовы уже закусил удила, отвергнув требование (вполне разумное!) принять русский язык вторым государственным языком для удобства межнационального общения. Нет, только румынский!

21 августа началась забастовка с требованием принять русский язык вторым языком, продолжавшая целый месяц (до 22 сентября). Парламент Молдовы оказался глух и упорен. И вот, в самом конце 1989 года, в декабре, сперва в Рыбнице (3-го) потом в Тирасполе начался референдум с требованием создания своей Приднестровской республики ПАССР, пока еще даже не отделенной от Молдовы! На референдуме 91 процент голосов был подан за ее создание. Это был первый подобный референдум в СССР. Напомним, что русских и украинцев вместе тут 35%! Кстати, тираспольский референдум по этому же вопросу, проведенный 28 января 1990 года дал 96 процентов голосов за вхождение в республику в случае ее создания. Причем это были подлинные голоса, без подтасовки.

В феврале проходят выборы в Верховный Совет Молдовы, где, разумеется, все то же и все те же, а в конце апреля сессия горсоветов Тирасполя, Бендер и Рыбницы отказалась принять румынский флаг «триколор», утвержденный парламентом Молдовы. И, наконец, 19 мая на третьей конференции объединенного совета трудовых коллективов (ОСТК) принимается решение о создании государственности Приднестровья.

В поисках участников сорокадневной войны я столкнулся с рабочим средних лет, крупным мужчиной с характерными для полнеющего сильного человека как бы «облитыми» чертами лица. «Интервью давать» он категорически отказался, но высказался совершенно откровенно: «Я считал так: раз парламент Молдовы мог народным волеизъявлением проголосовать за отделение от Союза, то и мы имели право, путем референдума, высказаться за отделение от них». Кстати, референдум о вхождении в Приднестровскую республику дал в Рыбницком районе 98,6 процента «за», в Дубоссарах – 97 процента «за», и в Бендерах – 97,4 процента «за». Комментировать излишне. Тем паче, что в данных условиях возможности подтасовок или государственного давления на избирателя исключались сами собой.

Надо сказать, что наше бурное освоение окраины зачастую вредное для России, ибо ослабляло центр страны и провоцировало идею отделения. Здесь дало прямо противоположный результат. В тех же Бендерах, где при румынах был всего один, кажется, обувной заводик, возникают больницы, школы, промышленные предприятия. Оперный и драматический театры, национальный молдавский и т. д. Приднестровье, в частности Бендеры, в считанные послевоенные годы стали промышленной зоной республики. Возможности местной промышленности и сейчас чрезвычайно велика и республика хочет, и, главное, может на взаимовыгодной основе существенно улучшить бюджет России.

Очень многие защитники и патриоты Бендер переехали сюда на постоянное жительство из того же Ленинграда и прочих городов России и Сибири еще в конце сороковых – или в пятидесятые годы. Осенью 1990 года уже начались стычки, пролилась кровь, явились первые жертвы. И в те же месяцы идет бурное законотворческое создание республики и всех органов законодательной и исполнительной власти. Кстати, возникает и свой государственный университет в Тирасполе. Та же лихорадочная работа по созданию государственных органов занимает всю первую половину 1991 года.

2 сентября 1990 года съезд депутатов всех уровней Приднестровья в Тирасполе провозглашает Приднестровскую Молдавскую Советскую Социалистическую Республику и выбирает Временный Верховный Совет. Принята декларация о суверенитете.

22 сентября этот Верховный Совет издает постановление об образовании Госуниверситета.

28 сентября создается Приднестровская федерация профсоюзов.

25 октября рабочие Приднестровья организуют поход в Комрат, на помощь Гагаузской республике, куда Молдовой уже посланы волонтеры, дабы уничтожить Гагаузскую Республику, затопив ее в крови.

25 ноября происходят выборы в Верховный Совет ПМССР первого созыва.

29 ноября – 1 сессия Верховного Совета ПМССР первого созыва, сформированы комитеты и комиссии, созданы палата национальностей и палата республики.

25 декабря начались занятия в новом университете в Тирасполе.

1991 год

20 января – III съезд депутатов всех уровней Приднестровья. Решено ускорить формирование органов исполнительной власти.

16 февраля – IV конференция ОСТК.

26 марта – Закон ПМССР о правительстве ПМССР.

25 мая – I съезд ОСТК ПМССР.

25 августа – Декларация о независимости ПМССР. Запомним эту дату!

Меж тем можно понять, что заокеанский дядюшка начал гневаться, и партийные перевертыши Ельцин с Кравчуком тотчас берут под козырек.

- На Съезжую, и выпороть! – звучит приказ.

Депутатов Приднестровья, ранее избитых в Верховном Совете Молдовы, начинают хватать, приписав им поддержку ГКЧП, и засовывать в тюрьмы, где их суют к уголовникам, избивают, помают ребра, травят хлоркой и т. д. все делается в лучших традициях недавнего прошлого. И эти

люди смеют болтать о демократии? Самого И. Н. Смирнова, будущего бессменного президента республики, арестовывают в Киеве 29 августа 1991 года.

В ответ на это, первого сентября создается женский забастком во главе с Галиной Степановной Андреевой.

Видали вы когда-нибудь, как женщины растаскивают своих мужиков, увязших в пьяной драке? Как ведут домой, плача и награждая затрещинами, чтобы обмыть, перевязать и уложить в постель, предварительно еще раз выругав? А здесь уже и не драка затеивалась - война.

Я все добивался: ну, как это выглядело? Как вы к этому пришли? Как и когда слово, мысль переходят в действие?

- Ну как? Сперва разговоры вели, там и собираться стали, а когда наших депутатов приезжий из Кишинева прокурор стал хватать – женщины набежали к прокуратуре, милицию смяли (напомним, что «органы порядка» в республике все еще принадлежали Молдове!) Что тут было! Скажем, в те годы еще руки не подымались избивать женщин. Не было того, чтобы подогнать тюремные воронки, бить резиновыми дубинками, волочить по земле и кидать как дрова в нутро машин. Не было еще. Первым высказался тут, в Приднестровье, что он при нужде будет стрелять и в женщин, и в детей, только генерал Лебедь. И то через год после описываемых событий. На этом, собственно, и строился расчет женского забасткома. Там где-то были «наши мальчики» с арматурными прутами в руках (иного оружия, увы, у них еще не было!), а у женщин не было и того, но они шли на автоматы, что называется, грудью, и автоматы опускались. Стрелять в женщин пока не решался никто.

Рассказывает Ангелина Ивановна Огли, нынешний депутат от Бендер, с 1956 года работавшая на текстильно-ткацкой фабрике в Бендерах, там ставшая мастером, там ставшая председателем профкома: «Какая-то была смелость! Нас никто не агитировал – в Тирасполе начал завод Кирова, итак по цепочке и пошло. И профсоюз пошел за рабочих, и управлять стали

своими силами – надо на час остановить завод – делали сами, никого не спрашивая. Тогда еще, в 1989 году, был Союз, были и депутаты Верховного Совета от нас – Костишин Анатолий, он же нам и помог. Когда мы, 28 женщин, организовали поездку в Москву, деньги дал рабочий комитет, да и директора давали! Там как раз была сессия Верховного Совета, Костишин нас проводил, и мы каждому депутату вручили, положили на стол, нашу газету «Днестровская правда» - наша задача была рассказать, что здесь у нас происходит. А как ехали! Проводница в вагоне была националистка, так она нас обратно в вагон не пускала, когда мы выходили на станциях листовки расклеивать. Мы и на поезде написали «Женщины Приднестровья». И Народный фронт из Кишинева, мужчины поехали за нами – да в Москве нас потеряли. А мы остановись на Рижском вокзале. В вагончике ни воды, ничего – и тут разбились на группы по 3-4 человека и стали ездить, агитировать».

Она показывает ветхие бумажки с торопливо записанными адресами и телефонами – ах, как это знакомо! Ведь и я когда-то ездил – «подписи собирал»! И эта урчащая бесконечно огромная Москва, и давка в метро, и толпы, толпы, толпы, мало в чем, кроме наживы, заинтересованных обывателей.

«Кто в «Правду», кто в «Индустрию», кто в «Работницу» - где мы только не были! Вот тут редактор «Социалистической индустрии» -Наумов – как бы хотелось их всех заново повидать!

На этой сессии Верховного Совета мы просили, чтобы было два языка. Но депутаты этого не сделали! С Овчаренко разговаривали, с корреспондентами «Советской России», «Комсомольской правды». На телевидении была встреча в программе «Время», в журнале «Смена», «Московские новости». Комитет защиты материнства и детства, производственное объединение «Колос», издательство «Правда», «Работница», «Труд», «Вечерняя Москва», на швейной фабрике, на фабрике «Салют», на часовом заводе «Слава». В Совете Национальностей, в журнале «Советская

женщина». В комиссии по языкам нас спрашивали там: почему мы не знаем румынского языка?

- Потому что мы прожили со своим языком и мы русские!

Нас не поняла газета «Московская правда». Корреспондент оттуда к нам пришел: «Чего мы ездим! Чего добиваемся»? – Спорили с ним. Мы и в горкоме комсомола были и на заводе «Москабель», и на заводе «Красная Пресня».

Бандероль послали в Свердловскую область в газету «Уральский рабочий». И в Якутск, и в Херсон, и в Киев, и в КГБ, и на Люберецком вертолетном заводе побывали – короче националисты с Молдовы с ума посходили!»

Ангелина Ивановна маленькая жгуче-черная женщина (она сама из Ивановской области, в Приднестровье – с 11 лет, с 1951 года). Но в ней и посейчас такой нерастроченный запас энергии огня, убежденности какой не часто встречали в московских кабинетах и уже не ведаю, как и насколько соглашались с нею (закон о разумном двуязычии Верховным Советом, так и не был принят), но уступали ей, по-видимому, почти всегда, Двадцать восемь бендерчанок, костяк будущего женского забасткома.

29 августа 1991 года, когда взяли Смирнова в Киеве, в Бендеры приехал прокурор из Кишинева и начал вызывать к себе депутатов и «выкручивать им руки». Женщины во главе с Огли, побежали к прокуратуре – «Уезжайте, оставьте город! Когда они стали наглеть – мы скамейкой закрыли дверь. Те – «У нас есть ящик тушенки!», «Мы вам туалет перекроем!» Уже вечер был – вызвали полицию. Пришли человек пятнадцать полицаев, стали на другой стороне улицы. А как раз сессия была, и им обещали квартиры, комнаты в общежитии. Мы кричим: - Только троньте нас, и квартир не получите!

В этот же день решили сесть на рельсы. Я поговорила с мужем и порешили взять отпуск. Работали мы там под руководством Андреевой».

Наверно, сейчас Бендеры – более тихий город, чем был прежде. Сказался

отток беженцев, всех тех, кто перебрался в Россию или на Украину и уже не возвратился назад. Переезжая через мост, почти сразу же погружаешься в тишину и пустынную улиц. Город, расположенный на пологих холмах, в основном состоит из одноэтажных домов, и весь как бы распластался, приник среди голых в эту зимнюю пору деревьев, которыми обсажены чуть ли не все улицы Бендер. Белоствольные тополя, каштаны и акации, вдоль Днестра – огромные ивы с узкими и длинными, до сих пор не облетевшими желто-зелеными листьями, платаны, липы, декоративная шелковица или тутовник, с причудливо извитыми, скрюченными ветками, похожий на деревья, посаженные корнями вверх, кое-где голубые ели – зеленая трава на газонах, какие-то зеленые листочки лезут из земли. Следов войны почти уже нет, лишь кое-где проглянут избитые пулеметными очередями стены, да редкие, не подлежащие восстановлению развалины, неспешно разбираемые рабочими. Тепло, ходишь в одном костюме – и это в конце ноября! Начинает казаться, что здесь и снегу-то не бывает вовсе. Жители приречной стороны выводят пастись вдоль берега коз и редких коров. Летом город, верно, весь прячется в зелени, среди моря которой там и тут редкими островками подымаются семи- и девятиэтажки доперестроечного образца.

У самого въезда в город, на окатистом «шеломяне» высокого берега стоит тяжело врытая в землю турецкая крепость, в которой и доселе размещается войсковой гарнизон. В отверстия створки железных ворот проглядывают круглые зубчатые башни и стены, сложенные из светлого камня старой турецкой крепости, заложенной в 1538 году по плану архитектора Синана ибн Абдул Менана на месте сожженной турками молдавской крепости Тигины, существовавшей тут (под различными названиями.) еще с конца XIV столетия. Турецкая крепость позднее была опоясана кольцом бастионов, засыпанных целыми холмами земли и окружена изломанною линией сухого рва с обложенными тесаным камнем стенами – изобретение французских инженеров восемнадцатого столетия, когда пушки начали превращаться в серьезную пробивную силу, перед

которой уже не могли устоять средневековые каменные твердыни. Вдоль стены крепости идет, изгибаясь, дорога, на которой произошла одна из трагедий минувшей войны.

Вдоль крепости, в глубине, под горой, проходит ветка железной дороги, той самой, на которой и происходила памятная женская рельсовая война.

Мне показывают все это, а завтра покажут и фильм, снятый отчаянными операторами во время боев в городе, и все равно, трудно, почти невозможно себе представить автоматную трескотню, взрывы и удары пушек, рвущие задумчивую тишину этого города. Но было же! Вечереет. Из окна гостиницы виден смутно просвечивающий Днестр, - зеленые поля того берега, и за ними погружающиеся в сумрак едва видимые кварталы домов... Город уходит в ночь, и по окоему разгорается алмазная россыпь голубых огней Тирасполя, кое-где пронизанных брызгами желтых и оранжевых точек – широко и спокойно раскинутая по краю земли, над которой, в вышине, - редкие капли роящихся звезд.

И вот здесь все это и было? Да, здесь.

Я вновь открываю свой кондуит – хронику событий республики, и сопоставляю числа.

25 августа 1991 года является в свет декларация о независимости Приднестровья.

29 августа хватают депутатов Приднестровской республики, а в Киеве арестовывают И. Н. Смирнова.

Дядя Сэм, по-видимому, доволен. Коммунистическим вождям России заплачено достаточно щедро, - по их мнению! То, что они отчаянно продешевили, он знает отлично, но это – коммерция. Дядя Сэм не то, что презирает их, он попросту слегка презирает человечество в целом, считая, что на доллары можно купить все – страны, государства, правительства, целые континенты... Но вот в этом-то он, скажем, «слегка ошибается».

Он откидывается в кресле, кладет долгие сухие ноги на журнальный столик, обрезает сигару. Пуская ароматный сигарный дым, щурится, и,

молча, кивает секретарю, докладывающему о том, что три холуя, Ельцин, Кравчук и Снегур, выполнили его задание. Немного словно отдает приказания.

Всякое низовое движение необходимо прежде всего обезглавить. При нужде – поставить во главе движения «своих». После чего не в труд ввести события в нужное русло.

Дядя Сэм, разумеется, образ собирательный. Здесь и Пентагон, и правительство США, и банкиры, и генералы, и Международный валютный фонд, и вездесущий Сион, и, может быть, самого-то дяди Сэма, сейчас осторожно отряхивающего сигарный пепел в плоскую серебряную пепельницу, и нет в природе. Скорее всего, он выдуман Чейзом и авторами фильмов о Джеймсе Бонде, и никто не сидит в этом кресле перед цельным огромным окном с видом на расстилающийся внизу Нью-Йорк, небоскребы, маленькую, в отдалении, статую Свободы, а за ней – туманную даль Атлантики, за которой, в свою очередь, «старушка Европа» с ее дорогими отелями и доступными длинноногими девицами в кружевных бикини, а за нею, там где-то, за Альпами, за Дунаем, за борющейся, переворошенной и распаханной бомбами и снарядами Сербией, и еще далее, за Румынией, за Бухарестом, течет тихая речка Днестр, вовсе несравнимая с Миссисипи, и стоит городок, который весь без остатка уместился бы на Манхэттене, и еще место осталось, столь незначительный, что его и не на всякой-то карте найдешь. Городок, вернее, цепь городков, которые, по плану, передаются Румынии, а в тех городках... А в тех городках первого сентября возник женский забастком во главе с Галиной Степановной Андреевой. Дядя Сэм ничего не знает о ней, не слышал. Он пыхтит сигарой и удовлетворенно кивает. Он еще слышал как-то по телевизору слово «казак» (показывали выступление ансамбля песни и пляски донских казаков, приехавших на гастроли из СССР) и помнит, как они лихо отплясывали в своих фуражках с красным околышем, но большего попросту не знает. Да и в какой телескоп можно бы было увидеть кишение этих незначительных людишек, посмевающих

ослушаться приказа, немедленно превратиться в румын? Просто смешно! Смеяться, однако, оказалось рано.

Андреева – забайкальская сибирячка. В Тирасполе она уже с 1951 года, и работала юристом при горисполкоме. Люди, приходившие по делам к этой крупной осанистой женщине вряд ли подозревали (да и вопрос еще – подозревала ли она и сама?) какой неистраченный жар таится в этой строгой начальственной занудливо правильной и столь же занудливо честной даме. Да и знаем ли мы вообще, как и почему являются героини среди нас? Когда появляется это вот? Может, еще в детстве? На деревенскую улицу выскакивает бодучая корова. Дети бегут врассыпную, маленькие падают с плачем, и вдруг четырехлетний малыш (его братик и сестренка трех и двух лет лежат на земле!) останавливается и, с плачем, кидается на корову, прямо на грозно колышущиеся над ним рога, кричит, машет прутом, пытается волочить упавшего брата, не отступая ни на шаг... Может, тогда?! А то и вся жизнь пройдет, а нет повода проявить себя в героическом чине, и мы так и не догадываемся, что перед нами прошла безвестная Жанна д'Арк, Долорес Ибаррури или Марфа Борецкая. Героини являются, когда их призывает народ. Они выходят из толщи небытия, они встают и ведут за собою, и, быть может, главное в них – вот именно это умение вести за собой, намагничивать энергией окружающих, которые с ними и при них тоже становятся способны на героические деяния. О своей прежней жизни, о первом неудачном браке Андреева сообщила скупо и коротко:

- Семь месяцев жили, семь лет разбирались.

Потом появился Коляня, взваливший на себя нелегкую ношу быть мужем женщины-адмирала, как ее называли кто в шутку, кто и всерьез. Известие об аресте в Тирасполе депутатов всколыхнуло весь город. Рассказывает одна из тираспольчанок:

«Мы как узнали, что нашего Смирнова взяли, так я в чем была побежала, а и на костылях идут, и инвалиды, и заслуженные люди – к Дому Советов. Город поднялся весь. Троллейбусы шли забитые, люди и пешие

бежали. Я плакала, до того дружный народ! А эти похороны, когда деньги собирали, кто что мог – копейки, автобусные билеты даже опускали в эту урну, надо было все это выдержать, смотреть... Я внученьке своей говорю: гляди! Это все слезы людские! И с митинга мы все и пошли со знаменем прямо на железку». Несомненно одно – арест депутатов привел к всеобщему возмущению, но и к растерянности. Бастовать? Требовать освобождения депутатов? Писать петиции? Подавать проекты? Наглая сила не приемлет словесных обращений. Мы это, увы, знаем на нашем горьком семидесятилетнем опыте. И – сама ли Андреева решила, хором ли решали все, но в тот же день новоявленный забастком порешил «сесть на рельсы», везде, где республику пересекает железнодорожная магистраль. «Сели на рельсы» и в Тирасполе, но главным пунктом оказались Бендеры. Место было выбрано сперва не очень удачно, мальчишки из семей Народного Фронта Молдовы закидывали женщин камнями. Тогда они передвинулись чуть далее, оседлав пути, по которым шло все железнодорожное движение и в Молдову, и Кишинев, и в Румынию, вплоть до Бухареста, ибо именно здесь железная дорога пересекает Днестр. На рельсы положили поперек рельсы, на них – доски, и уселись, остановив всякое движение поездов.

Даю слово одной из участниц, из Тирасполя.

- Полиция эта на машинах ездила, свистеть стали, орать на нас: «Уходите!» А мы им: «Прежде приходите пообедать с нами!» – мы как раз продовольствие привезли. Так они: «Мы не свиньи! Мы привыкли за столом есть!» Ну, а мы – русские, мы можем и на земле, и при дороге... Бендерчанки просили нас – вы хоть несколько человек пришлите, а то страшно! Так Галина Степановна нам: «Десять человек, кто хочет, шаг вперед!»

А там бурьян, такие кусты, темнота страшная, а эти едут на машинах – освистывают, стреляют, а после уж дров привезли, а то мы в первую ночь эти шины жгли, утром все в саже, сами себя не узнали... А потом и палатки поставили. Варить себе стали, обжились. Раз-таки в двое суток домой подъедешь, переоденешься, и снова на позицию. Там, кто в шалашах, кто и

на земле, скрутимся там калачиком! Собаками нас собирались травить, так у нас были такие длинные палки заготовлены, с паклей, и солярка: думали, пошлют собак, так эту палку сунем в огонь и отбиваться. Как еще тепловозы на нас пускали, а мы шпалы выложили, и стали стеной... Бендерчанки боялись, что их узнают и дома им сожгут.

Дядя Сэм, верно, еще не успел докурить своей сигары. На женщин двинули паровоз, выпускавший целые облака перегретого пара – не помогло. К ним являлись с угрозами переодетые опоновцы. Но за спиной женщин были, особо не выставляясь, «наши мальчишки» с арматурой в руках, так что в драку лезть опоновцы не рисковали. Их пытались обмануть, прислав поезд якобы с фруктами от Молдовы для России. Женщины не ушли с рельс, потребовали открыть вагоны. Андреева заявила: - Давайте комиссию! В вагонах вместо ящиков с фруктами была дурно пахнущая гниль... Хотели сказать, что это из-за нас! А мы тут же вагоны вскрыли и акт составили. Гнилью были загружены! Это они старались как бы ни было настроить Россию против Приднестровья – мол, они хорошие, а мы плохие, а на деле- сами у себя фрукты сгноили, а потом и отправили; так из вагонов даже текло.

«Наши женщины 4бетто4бок брюки, спецодежду и пошли. Мужчины жгли костры и нам кланялись, - рассказывает Ангелина Ивановна – Мы сидели на железной дороге, холодно, сыро, дожди. Нас запугивали, кидали камни. Но власти помогли: сделали нам свет, телефон, радио. Когда нас хотели газами запугать, делали марлевые повязки такие. В один день скорая помощь пришла (и скорую кто-то вызвал!).

- Кто у вас главный? Где тут тяжело больной? Покажите палатки! – Врач по палаткам прошел, потом ругался. – Сволочи! Все успокоиться не могут! В один из дней слушаю по радио сессию – выступает начальник КГБ, ярый румын – про Дубоссары – мол, все там нормально! А в Дубоссарах уже бои, и женщины оттуда приехали – в нас стреляют! Я решила взять флаг и пойти в Верховный Совет. Пришли мы на сессию. Нам говорят: - Женщины, чего вы пришли? – мы стоим тут, так и так! А самой страшно: вдруг это

провокация? Но Пологов, депутат, позвонил – Женщины правы, помощь там нужна! – Я выступила: - Хоть вы тут и белые воротнички, но мы защищаем не только Смирнова, но и вас! Дайте, кто что может – у вас есть списанные матрасы, дрова, лекарства. На следующий день стали приезжать машины – дров нам привезли. Когда мы вышли с той сессии, мужчины подходили, целовали нам руки.

Сидим, а сдвигов нет. Кишинев Смирнова не отпускает. Тут и город стал давить на нас, Тирасполь и Бендеры тоже, мол, страдают, грузы для города нельзя разгружать. А в Кишиневе на нас на всех завели уголовные дела, ибо миллионные убытки на дороге – хотели нас поубивать, а нам уже все равно. Мы были как смертники – не победим – нас посадят! Едешь домой помыться, глядишь очередь стоит за дефицитом. Думаешь – Боже мой! Как это все второстепенно теперь!

Нас тут более ста человек из одних Бендер было, и Светлана Мигуля тогда была с нами. К нам приезжали корреспонденты со всего мира, только из Китая не было. Тут уже о нас заговорил весь мир. Один немецкий корреспондент, его после убили в Чечне, так тот и сидел с нами.

Мы решили подключить директоров предприятий. Потребовали – сидите с нами! Те сперва улыбались, потом поняли, что это серьезно – решили послать депутацию к Снегуру.

Составы пошли через Север, так мы с Андреевой хотели даже железную дорогу на севере взорвать – такое состояние у нас было – все одно убьют, или тюрьма!

Директора приехали – мол, Снегур де просит, чтобы мы открыли движение на три дня. А у меня был документ – сессия горсовета решила, что это правомерно мы делаем. Уголовное дело предложили приостановить. А мы, в знак доброй воли, временно снять блокаду. И я тогда Снегуру написала своей рукой.

Тяжеловесный Снегур знал хорошо одно – массам надобно «обещать», после можно забыть про обещания. Этому он выучился на партийной работе.

Он и тут поступил соответственно, не учтя, что и время уже не то, и люди давно не те.

Открыли рельсы и стали поезда ходить ровно три дня. Но мы не ушли, жили тут, палаток только добавлялось и все записывали, какие составы идут. У нас рядом крепость – там воинская часть. Пошли туда – узнать, как военные будут смотреть? Командир нас принял. Сделали собрание офицеров. Через два дня собрали человек 70, я стала рассказывать о нас (я еще плакала – все силы были на пределе уже!). Офицеры сказали, что мы за вами наблюдаем и если хоть один волосок упадет с вашей головы, мы переоденемся и станем на вашу защиту. Они нам палатку дали и котел литров на сто. Часа в три ночи мы с Андреевой обходим стан: кто спит, кто что чинит себе. К нам и из Кишинева приезжали – становились на колени – просили, чтобы мы устояли «а то и нас там задавят!» Виноград, яблоки, картошку приносили нам. И когда Смирнова не выпустили, мы заново перекрыли железную дорогу, уже на все шли!

А то едет дизель на нас. И такой дым да и угар, чтобы нас затравить! А женщины перебили стекла ему. Начальника экологической службы известили – тот ему дал штраф за травление среды. В Депо позвонили, а там СТК тоже и ему сказали – иди, становись на колени и проси прощение, а не то с работы выгоним! Так он так просил нас его извинить!

Огли рассказывает и про то, как не пропустили поезд с гнилью, и про заведенные на всех уголовные дела.

Передо мною сидят две пенсионерки – Нина Васильевна Усатенко, возглавлявшая женский забастком в Бендерах, и Доротея Яковлевна Тарновская – и рассказывают, перебивая друг друга и порою ссорясь, как девочки на открытом экзамене. И ведь всего пять лет прошло! Пять лет! А будто бы и все двадцать! Ведь там, на рельсах, это была их молодость, их звездный час! Время не течет равномерно, оно удивительно сжимается и растягивается, в зависимости от событий. Время – как река. Весело прыгающая по камням и замирающая в омутах. Теперь то, что было всего

пять лет назад, неостановимо уходит в легенду, во тьму времени, и многие из того «андреевского призыва» нынче оказались уже, вроде бы, и не у дел. Неужели им осталось, почти что только вспоминать прошлое. У них нет смены, да и нужна ли она? Вернувшись в свои берега жизнь уже не требует подобных прежним героическим усилий. Но прегради ее, и воды народного гнева вновь выйдут из берегов.

Тарновская рассказывает, как было до войны, точнее, до перестройки, мол, как дружили друг с другом, как бурно строились все новые предприятия, превращавшие Бендеры в серьезный промышленный центр, как возникали институты, театры, как развивалась и поддерживалась та самая молдавская культура, которую якобы угнетали. «В советское время никто не чувствовал себя изгоем, заключались совместные браки» (что, кстати, происходит и сейчас). Мне вновь и вновь заявляют, что румынский язык непонятен молдаванам. Женщины вспоминают, кого избили в Кишиневе до смерти, кого еще ранее пытались схватить. Вспоминают, как им всячески угрожали во время рельсовой забастовки, как явился с угрозами Красавченко (кстати, нынешний советник президента при Ельцине). «Сам веселый и хмельной».

- Учите молдавский язык! – кричал. – Никого из ваших все равно не выпустят! – Как его, пьяного, трепали женщины, обнаружив, что и рубаха под галстуком у этого славного деятеля нашей дерьмократии залита красным вином.

Вспоминают, как пели, плясали на рельсах, как разводили ночью костры (на ночь приезжала ночная смена из тех, кто днем работал), как обжились, поставили палатки, варили еду, как сами сочиняли стихи. Нина Васильевна хранит их и посейчас, целую тетрадку. Это стихи, которые теперь невозможно читать, до того они плохие, и до того наворачиваются слезы на глаза, когда начинаешь понимать, на каком душевном подъеме, на каких нотах героизма и подвижничества сочинялось все это.

С запада и востока подходили все новые составы, выстраиваясь в

долгую недвижную очередь. Поездные бригады, заражаясь их веселую дерзостью, присоединялись к бастующим. Солдаты, как уже говорилось, поставили женщинам большую армейскую палатку, чтобы обедать не под дождем.

Женщины даже и гимн сочинили, свой, «рельсовый», переиначив слова известной песни:

Вставайте все, вставайте все!

Вставайте люди доброй воли.

Горит огнем, горит в огне

Мое родное Приднестровье!

Передо мною два документа тех лет, посвященные «рельсовой войне», из книги «Женщины Приднестровья»:

Обращение Верховного Совета и Правительства Приднестровской Молдавской Республики к женщинам Тирасполя, Бендер и районов Приднестровья

Дорогие женщины!

Стойкость и мужество, с какими выступили тираспольчанки и жительницы Бендер, соседних поселков и сел на защиту наших депутатов, на защиту нашей республики, вызывают искреннее восхищение, глубокую благодарность руководства республики, граждан Приднестровья.

Дни железнодорожной блокады женскими пикетами в Бендерах, Тирасполе, Рыбнице показали, что нас не запугать, привлекли внимание мировой общественности к попранию суверенитета Приднестровской республики властями Молдовы.

Сегодня народ Молдовы расплачивается за противоправные действия своих руководителей огромными, в сотни миллионов рублей, убытками. В то же время несет убытки и Приднестровье. Расположение пикетов в Тирасполе не дает возможности разгрузить необходимые нашему региону грузы,

отгружать продукцию наших предприятий в другие регионы.

В связи с этим Верховный Совет республики просит вас, дорогие женщины, изменить расположение пикетов на участке железной дороги Тирасполь-Бендеры так, чтобы дать возможность вести в полном объеме погрузочно-разгрузочные работы на станциях Тирасполь и Бендеры.

Мы убедительно просим вас откликнуться на наше обращение, чтобы ваша самоотверженная борьба за свободу депутатов, за нашу республику сочеталась с нормальной работой железнодорожных узлов Приднестровья.

Председатель Верховного Совета

Г. С. МАРАКУЦА.

5.09.1991 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

митинга женщин Тирасполя и Бендер

Рассмотрев обращение Верховного Совета и Правительства республики к женщинам Приднестровья, участвующим в блокировании железных дорог в знак протеста против незаконно арестованных депутатов, учитывая невыполнение ранее достигнутого соглашения между руководством Приднестровской Республики и Республики Молдова об изменении меры пресечения арестованных депутатов, участники митинга решили:

1. Пикетирование железной дороги перевести с 18.00 6.09.91 г. в политическую забастовку женщин, борющихся за признание суверенной Приднестровской Молдавской Республики, ее политических и экономических прав, за свободу захваченных депутатов Приднестровья и Гагаузии.

2. Избрать женский забастовочный комитет в составе 17 человек (список прилагается).

3. С целью обеспечения доставки и разгрузки вагонов, адресованных Приднестровью, оставить в г. Тирасполе пост N 1 для проверки поступающих грузов. Остальных участниц забастовки направить на дежурство на станцию Бендеры,

4. Политическую забастовку прекратить после освобождения депутатов Приднестровья и Гагаузии.

5. Считать целесообразным открыть специальный счет в фонд помощи бастующим.

6. Данную резолюцию довести до сведения Верховного Совета СССР, союзных республик, а также до жителей Молдовы и Приднестровья,

Принято на митинге женщин 6 сентября 1991 года.

Читаю пояснения к фотографиям из альбома «Женщина Приднестровья», написанные самой Г. С. Андреевой:

«Женщины на рельсах – со стороны совершенно идиллическая картина: и созерцают, и вяжут, и мирно 'беседуют, как в вокзальном зале ожидания.

Чем-то лагерь бастующих действительно напоминал такой зал. Но только внешне – внутри он был подобен туго натянутой тетиве или готовой в любую минуту распрямиться стальной пружине. Так и было в самые тяжелые моменты.

Прибывали на «Железку» уговариватели самого высокого ранга. Например, народный депутат тогда еще СССР, глава парламентской комиссии Сергей Красавченко и иже с ними. Покрасовался два часа на встрече с приднестровцами во Дворце «Современник» после длительного пребывания в Молдове. Предложенная им позиция соглашательства с официальным Кишиневом была воспринята отрицательно. Для проформы отбыл в лагерь к бастующим. Приднестровцев лишают будущего, а он им пальчиком машет, как мелким проказникам. Только уважение к великой России позволило сохранить его внешность в «депутатской неприкосновенности».

Вновь и вновь к женщинам являлись начальники всех мастей и шерстей из Кишинева, Москвы, Киева.

- Вы все равно ничего не добьетесь!

Навалило корреспондентов едва ли не из всех европейских стран – Германии, Швеции, Франции, Польши, Австралии, даже из Японии, и все

щелкали аппаратами, брали интервью, мало что понимая в происходящем. Скандал разрастался, как раковая опухоль, и уже перепрыгивал за океан. Корреспондента из Молдовы, что отчаянно врал в своих передачах, выпихали силой и больше тамошних не пускали к себе. Один представился, было, поляком, но нашлась женщина, знавшая польский язык, и перевертыша живо разоблачили и выгнали. Словом: -Не пепши векшу пепжем, не то пжецепшешь!

И чего только не говорили про этих женщин! Как только их не позорили! – И что им привозят ежедневно по бочке вина и платят по тысяче рублей. И что, де, все они гулящие, и ни одной честной среди них нет, и кому надо переспать с бабой, приходи к ним на рельсы, сами дадут! – Это было, пожалуй, тяжелее всего. Подозреваю, что верный андреевский Колян в те дни не раз подумывал, к чьему носу, защищая женину честь, приложить ему свой, достаточно увесистый, кулак.

Но уже и такое подымалось: со всего Приднестровья шли теперь сюда, в забастком, продукты, деньги и письма, в которых их просили не сдаваться, выстоять! Даже служители церкви из Слободзеи, нарушив нейтралитет, помогали бастующим. А одна женщина из Григориополя, верующая христианка, так даже и молебны устраивала прямо на рельсах. На попытку провести поезда в обход, женщины разобрали объездные рельсы.

Было и такое, что среди арестованных депутатов нашелся один не то гад, не то трус, его специально освободили одного, и он явился к женщинам в забастком и тоже уверял, что сидят они на рельсах без пользы, и что никого более, кроме него, не выпустят. Кончался месяц непрерывной рельсовой блокады, подходил октябрь.

Молдовская армия уже дважды атаковала Дубоссары, в Кочиерах осадила русскую воинскую часть, и генерал Неткачев приказывал армии соблюдать нейтралитет, и, в крайнем случае, сдаваться в плен. Склады с армейским оружием один за другим передавались Молдове. Приднестровье приступало к созданию своих вооруженных сил, а тут продолжали сидеть на

рельсах женщины, намертво закрыв всякое движение поездов.

Дядя Сэм шваркнул на ковер очередную гаванскую сигару и сбросил ноги со стола. Секретарь, несколько трясясь (гнев хозяина порою бывал сокрушителен) докладывал, что коммунисты, они же демократы, предлагают перестрелять женщин из пушек или отравить газом, и тем самым очистить пути.

- А бросить водородную бомбу на Бендеры они еще не предлагают?! — прорычал дядя Сэм и рывкнул в побелевшее лицо секретаря: - Пускай расстреливают свой Верховный Совет! Вы что, газет не читаете? Тупари! Бездари! Вы что, русских не знаете?! Расстреляете вы эту сотню, завтра их соберется там целая тысяча! Немедленно выпустить ихних депутатов на волю! Да, да, всех! И этих, из Комрата, тоже! Выпустить, пока мы окончательно не утонули в дерьме, в котором и так сидим по уши! Голодом их надо давить, а не танками!

- Но в Приднестровье уровень жизни втрое превосходит.,,

- Вот именно! Сделайте, чтобы был втрое ниже! Установите блокаду! Ельцин с Кравчуком вам помогут! Этим ребятам заплачено долларами! А бабы эти должны не знать, чем им накормить своих детей! Должны задирать подол перед каждым, кто пообещает им, - только пообещает! – кусок хлеба!

Депутаты Приднестровья и Гагаузской республики были освобождены первого октября.

Месячная рельсовая забастовка окончилась победой. Явившегося к бастующим женщинам прямо из тюрьмы Смирнова женщины зацеловали и «раздели», сняв с него свитер, в котором он сидел в камере. Свитер этот хранится теперь в городском музее Бендер.

VI

Женский забастком в действии

Забастовка окончилась, но не окончилась работа забасткома. Да и

нелепо думать, что Андреева так вот просто сидела вместе со всеми на рельсах, более ничего не делая. Она моталась туда и сюда, устраивала, организовывала, воодушевляла. Надобно было создать армию, а для армии – добывать оружие, с арматурой против танков уже не пойдешь. Андреева проявляет замечательный организационный талант, женские забастовки появляются во всех городах республики. Но где взять оружие?

И опять Андреева предлагает вполне сумасшедший вариант: безоружным женщинам ворваться в воинскую часть и забрать оружие силой.

Брали ОМОН на шелковом комбинате. Далее – слово участницам: «Командиров держали за руки, сперва пытались уговорить, но те подчинялись Кишиневу, потом их попросту схватили и держали, пока наши мальчишки заводили моторы и выводили бронетехнику со двора. Один БТР, у которого отказал мотор, уволакивали на прицепе.

- Я прыгну в окно! – пригрозил командир части.

- Так прыгай! – сказали ему. – Там вон, под окном, Андреева!

И офицер прыгнул, и попал прямо в крепкие объятия Галины Степановны, и был водворен назад.

- Только личное оружие не отбирайте! – просили омовцы. – А то нам придется стрелять!

Ну, личное оружие мы им оставили...

А в Парканах так всех офицеров заперли в столовую. Даже и генерал Неткачев приехал, и его тоже туда заперли. Подогнали машины и брали оружие со складов: автоматы, ящики с боеприпасами. Так мы вооружали нашу армию!

- Когут не позволил нам! – вмешивается другая женщина. – А то бы мы и полицию забрали!»

Полицию в Бендерах, кстати, брали дважды, но каждый раз следовал приказ – отступить. «Так омовцы и теперь там сидят!»

Надо и то сказать, что в те поры неясного противостояния, кишиневское телевидение тоже призывало свой «народный фронт» к

действию, к защите демократии (то есть того самого полицейского управления в Бендерах). Народный фронт удерживал (и удержал) позиции в Варнице, пригороде Бендер, откуда в город поступает вода.

- Лебедь остановил казаков! – вновь уточняет одна из женщин. – А то бы и полицаев у нас не было! (- А то бы мы уже давно сидели в Кишиневе! – досказал мне потом один из казаков.)

- Лебедя на коленях встречали, а после, как стал обливаться грязью нашего Смирнова, мы ему тут обращение написали...

Следует рассказ о странной перемене позиции Лебедея, о Мигуле, попытавшейся расколоть забастком, обо всем, о чем речь пойдет ниже. Я впервые приехал в Приднестровье весной 1992 года с группой писателей, незадолго до трагической попытки Кишинева взять Бендеры. Бои тогда шли на Кошницком плацдарме и в Дубоссарах. И Андреева пыталась заставить 14-ую армию наконец-то вмешаться в конфликт, хотя бы дать технику для патрулирования премного растянутой границы. И опять я уступаю слово себе, тогдашнему:

«О Галине Степановне Андреевой рассказывают легенды. Она, по сути, второй президент республики. Ее голова оценена Молдовой в несколько миллионов (или уж, не помню, десятков миллионов) лей. Штаб Андреевой помещается этажом ниже кабинета И. Н. Смирнова, в том же правительственном здании, и здесь, наконец, я впервые почувствовал дыхание фронта.

Андреева сидела на телефоне. Это высокая черноволосая женщина, полноватая, уверенная в себе, по-видимому, храбрая без натуги, как бывают храбры именно женщины (не забудем наших санитарок времени Отечественной!), лицом и статью очень напоминающая какую-нибудь обкомовскую даму, только без того холодного безразличия в очах, которое отличает этот тип женщин. Улыбается она легко и красиво. Как-то, можно сказать, «повелительно» улыбается. И мимоходом брошенная ею фраза: «Тогда мне придется взять командование армией!» - звучит совсем не

смешно. Придется – и возьмет!

Итак, Андреева на телефоне. Вокруг негустая группа женщин, в основном пожилых, некоторые совсем крестьянского, простого вида, с лицами, навечно пропеченными местным солнцем, с руками, огрубелыми от работы на виноградниках. Иные, пожилые, помнят румынскую оккупацию. Одна из таких женщин предлагает рассказать о тогдашних зверствах румын, память о которых и поныне жива в Приднестровье. Галина Степановна руководит «осадой» казарм пятьдесят девятой мотострелковой дивизии, организует женскую помощь фронту, руководит забастовками.

- Да! – кричит она в телефон, - Да, да! Готовим запрос правительству! Пятьдесят девятая дивизия у нас в осаде! Женщины там стоят уже три дня! Мы считаем, что армия должна защищать Отечество! Приказа из Москвы нет, а в Приднестровье льется кровь! Сколько гробов надо четырнадцатой армии? У нас уже шестьдесят трупов!

- Матери написали, - обращается она к «девчатам» (недавно был убит парень, приехавший на защиту республики из Северодвинска. Сейчас женщины собирают деньги, организуют депутацию, съездить к матери убитого, передать ей собранные средства, наконец, попросту поплакать вместе с ней).

- В церкви спрашивали?

- Можно, можно и в пятницу! – отвечает одна из женщин. – Надо отсчитать девять дней, и все! (Девятины по убитому парню из Северодвинска они будут справлять все вместе, кажется, послезавтра.) Они же устраивали почетные похороны этому северянину, что не выдержал, почувал, что защита Приднестровья – это его долг, и пал в битве, как и полагается защитнику отечества.

И брань коль восстает судьбою,
Сын россиянки среди бою,
Со славой должен умереть!

- писал Гаврила Романыч Державин.

- Мы стали разменной монетой у России и Украины! – гневно говорит Андреева в телефон. – Нас предают все!

- Пусть передадут по факсу! Мы у правительства возьмем факс! Да, у нас может быть нынче интересная ночь. По протоколу разоружение, а они стягивают войска! Да, да! Мы прошлой ночью выгнали несколько бронетранспортеров из части, но вынуждены были отдать!

Она оборачивается ко мне, пояснить как было дело, но снова звонит телефон.

- Это григориопольские женщины! А что Вам не нравится? (Звонят, видимо, из части.) – И, приопустив трубку, «девочкам»: - Сейчас Маракуце пошли докладывать! – Опять в телефон: - Не надо, я все знаю! Мы свое «фэ» уже сказали и Богданову, и президенту, и всем! Дорогой мой, как это столько машин на бедных женщин Приднестровья?! Да, да, солдаты потом нас пытались выпихнуть, окружили кольцом. Все офицерье было вокруг нас... Ну ладно, прощаем! Хорошо!

- Девчата, Алла здесь?

- Она в дивизии!

- На вторую листовку! И завези, отдай в руки!

- Вертолет они собьют! – вновь кричит она в телефон. – Не будем рисковать! И так уже все знаем! Отдай в четырнадцатую армию! наших нет на переговорах в Бендерах! Там идет разоружение! Что, в Кишинев снова звонили? Нам нужны гранаты и патроны!

Положив трубку, она тут же вновь звонит, теперь в Бендеры:

- Как разоружение? Не проходит? Я приехать не могу, потому что мы в пятьдесят девятой дивизии застряли! (Девчонки, кто может печатать? Скорее сводку!) – Где вы соберетесь? По обстановке! Если что, я подскочу!

Положив трубку, она говорит уже успокоено:

- Они против разоружения. Никакого разоружения в Бендерах не происходит! (Молдовские представители в Бендерах пытаются попросту разоружить гвардию, после чего захватить город. Об этом и идет речь.)

- Для чего мы столько мучились! – взрывается одна из женщин. – С восемьдесят девятого года! Да мы сами с оружием пойдем на передовую!

- Пиши! – командует между – тем Андреева, к которой стекаются сводки как с этого, так и с того берега. – Из Румынии поступило вчера восемь эшелонов техники! Женщины видели на платформах шестьдесят танков! – и опять в телефон, - Четырнадцатая армия формируется русскими мальчиками. Значит, наши ребята должны идти в Приднестровскую армию!

- Оля, посмотри, будешь печатать!

- Все эти данные говорят о том, что вы не работаете!

- Девчонки, и список погибших тоже!

- Перевезти с помощью женщин! А кого стесняться! Да, да! С Румынии на Кишинев направляется эшелон, более двадцати бетээров! Девчата будут тут! Разберитесь потом! Там такое!

-- Ну, девчата! Берешься за дело, доведи до конца! Как бабы! Надо женщинами быть!

- Помогите с «Рафиком»! Мы тут снова пикетируем пятьдесят девятую дивизию!

- Галина Степановна, - спрашиваю я. – Ну, а если румыны начнут наступление (.здесь молдовскую сторону зовут румынами, своих – приднестровцами), вы сумеете достать оружие со складов четырнадцатой армии?

И Андреева улыбается в ответ. Улыбается не разглаживая прямой вертикальной складки лба.

- Мы **обязаны** будем это сделать!

Отвечая, подчеркивает слово «обязаны» и лицом, и голосом. Добавляет, острожево:

- До седьмого марта мы верили нашей четырнадцатой армии. Но седьмого офицеры сказали нам прямо, что они сейчас – российская армия, и будут подчиняться приказам из Москвы. Сегодня ночью объявили, что никто никуда не выступит... Врали они и России! Всегда офицеры защищали свое

Отечество! И на каком основании военное имущество во Флорештах, Бендерах, Кагуле и Шалдонештах передано Молдове?! В Кошнице и в Кочиерах, на плотине, уже русское оружие стреляет в нас! А у солдат четырнадцатой армии нет объективной информации! Нашу армию называют отребьем и босяками! А это отребье вывозило офицерских жен из Кочиер! И за рулем машины сидел раненый казак!

Я не видел молдавских женщин, что лежали на рельсах, требуя освободить своего президента, когда все это происходило. Но я видел женщин, возвратившихся в Григориополь от казарм пятьдесят девятой дивизии, где они три дня стояли на коленях, требуя прислать бэтэры для защиты местного населения.

Радостные, возбужденные высыпали они из автобуса. Смех, рукоплескания, слезы:

- Бэтэры идут! Шесть машин! Вышел к нам полковник, я уж не знаю какой, только увидела, что красивый! Нам обещал! А уж как мы ехали, и они обогнали нас, и тут мы в ладоши хлопали, и кричали, и плакали даже!

Женщины в большинстве пожилые, коренастые, некрасивые наверно, ежели их увидеть на рынке или в очереди, но как полнятся светом, как становятся прекрасны эти лица, эти люди, когда они защищают Родину! Женщины не ели, не спали уже очень давно. И все-таки все это – не главное для них сейчас. Жадно расхватывают газету «День». Фотография старого казака на позициях у Кошицкого разъезда пленяет решительно всех. Казаков любят. Казаки делом доказали, что они и воины, и защитники.

- Приезжайте осенью! – Кричат на прощанье. – Тогда поспеет виноград! Пить будем, гулять будем!

Нас просят: «Вы поедете, спросите там, на разъезде, прошли бэтэры, или еще нет?» Мы спрашиваем. Бэтэры прошли, патрулировали ночью по окружной дороге, но назавтра их отозвали назад, в часть. Армия упорно не хочет защищать эту землю, готовую, кстати, их и содержать, и кормить, да и квартиры многих офицеров находятся здесь, в Тирасполе, Бендерах,

Дубоссарах... Где, все-таки, кончается приказ и начинается простая шкурная трусость? Неужели господа демократы сумели так разложить русскую армию? Или она постепенно сдыхала сама и теперь «кипит червями», по образному выражению наших предков? В Григориополе мы обедаем в столовой, где еда выставлена на столах: домашнее лечо, домашнее сало, яйца... Все это натащили сами жители, вернее, жительницы Григориополя. Здесь кормят своих защитников, кормят широко. Добровольные бригады женщин, сменяясь, круглосуточно обслуживают столовую. Нас, в частности, кормила бригада учительниц, которые после подходили к писателям, кое-кто просил автограф на память, хотя автографы впору брать у них самих. На глазах творится то великое и священное, что позволяет произносить с гордостью слово «народ».

В Григориопольском районе 68 процентов населения молдаване, а вообще в республике живут молдаване, украинцы и русские. С юга почти примыкает к ним земля гагаузов. Много болгар, есть евреи, есть венгры и немцы. И все они – одна страна, все – приднестровцы, а те, на том берегу – румыны (не молдаване, нет!)

- Мы не хотели и не хотим войны! – Вновь и вновь повторяют женщины на прощанье. – Но нас разделила кровь! Теперь мы не хотим с ними! И будем драться за каждый дом! Они сюда не придут! Дай им, Господи! И дай России немного ума, дабы понять, что священный огонь межнационального братства, вновь загоревшийся тут, нельзя позволить погасить! В нем – единственное спасение Великой России!»

Тогда, в 1992 году мне было достаточно такого вот «внешнего» описания событий. Сейчас же я, прежде всего, задумываюсь о том, как же все это произошло, как возникала организация. В чем имени проявился талант Г. С. Андреевой, что за нею безоглядно пошли люди? Удивительная внимательность к людям. Это я почувствовал из брошенного ею по ходу дела замечания об одиноких женщинах, ткачихах, присланных из Иванова, которым необходимо подыскать мужей (и она подыскивает, и выдает замуж).

Андрееву боготворят до сих пор. Тот налет как бы усталости, показавшийся мне в первые дни встречи, полностью слетел с нее, как только началась избирательная кампания. Мне только позже сказали, что Андреева награждена Орденом республики, орденом «За личное мужество», медалью «Защитнику Приднестровья» (считающейся здесь самой высокой наградой), да сверх того казачьим крестом. Наград она не носит и сама, естественно, даже не упоминает о них. Но и не только! Все женщины – участницы обороны – награждены знаком «За оборону Приднестровья» имеют удостоверения участников боевых действий, дающие права на некоторые льготы. То есть вниманием никто не обойден и тут.

«Рельсовая война» кончилась и тотчас началась другая борьба – за передачу ПМР судебных и полицейских органов, а также органов КГБ, продолжавших служить Молдове.

Это был один из важнейших аспектов борьбы за независимость ПМР – пока в органах правопорядка и в карательных органах оставались сторонники Снегура, ни о какой реальной самостоятельности говорить не приходилось, а все народные выступления забастовки, работа СТК – рассматривались как «пена», которая сойдет, после чего реальная власть скажет свое реальное слово.

Кстати, Народный фронт в Кишиневе начал свою деятельность с погрома КГБ. В Приднестровье само понятие погромов естественно исключалось. Любое вооруженное действие новой власти было бы истолковано, к вящему удовольствию кишиневских «володетелей», как бандитизм и беспредел. И тут опять на арену истории, так сказать выступают женщины. Привожу здесь опять же целиком:

ЗАЯВЛЕНИЕ

координационного забастовочного комитета женщин

26 сентября сего на городской площади работники городского отдела внутренних дел в количестве 70 человек на митинге жителей Тирасполя заявили о своем переходе под юрисдикцию Приднестровской Республики.

Прошло полтора месяца, но жители города Тирасполя не могут быть спокойны за охрану общественного порядка города, за их покой, так как фактически все органы ГОВД выполняют приказы соседней Республики Молдова, а не управления внутренних дел Приднестровской Молдавской Республики.

Фактически это управление и прокуратура республики бездействуют. Народный суд, нотариальная контора заняли выжидательную позицию, а прокурор города игнорирует законы Приднестровской Молдавской Республики.

Республика Молдова продолжает экономическую блокаду Приднестровья. Все это создает напряженную обстановку в нашей республике, вызывает недоумение горожан по поводу существования полиции в столице ПМР в то время, как на окраине республики в г. Рыбнице, Рыбницком и Каменском районах ее нет.

Удивляет позиция невмешательства в эти вопросы Верховного Совета ПМР и правительства, игнорирование нашего предыдущего заявления от 15.10.91 г., на которое нам и жителям Приднестровья не даны официальные ответы.

Координационный забастовочный комитет заявляет:

1. Требуем от личного состава управления внутренних дел г. Тирасполя, перешедших под юрисдикцию ПМР, написать и подать рапорты в УВД ПМР до 2 декабря 1991 г.

2. Требуем отстранить от занимаемой должности комиссара полиции В. С. Щербатого, его заместителей, которым жители города неоднократно высказывали свое недоверие.

3. Доплата в размере 30 процентов к должностному окладу должна производиться тем работникам ГОВД, которые официально перешли под юрисдикцию республики.

4. Верховный Совет, правительство ПМР, управление внутренних дел, прокурор республики должны потребовать выполнения законов,

постановлений, указов на территории республики, в том числе перехода под юрисдикцию ПМР народного суда, нотариальной конторы, прокуратуры, полностью ГОВД, всех предприятий и организаций.

5. Городской Совет и исполком обязаны решить вопрос о передаче всего имущества ГОВД; работникам полиции предложить переехать в соседнюю Республику Молдова, в которой они служат. Создать условия для работы и. о. начальника местной милиции В. Б. Руденко.

6. Предлагаем Верховному Совету ПМР и городскому Совету приступить к формированию криминальной милиции г. Тирасполя и республики с целью объединения усилий всех служб милиции в борьбе с преступностью.

7. Депутатам городского Совета, всем жителям города, которым небезразлична судьба Приднестровья, развернуть работу по призыву в отдел милиции г. Тирасполя достойных граждан Приднестровья, т. к. решение сессии городского Совета «0 формировании местной милиции» остается на бумаге.

8. Если работникам ГОВД не будут выполнены данные горожанам обещания, женский забастовочный комитет будет вместе с горожанами пикетировать ГОВД г. Тирасполя и УВД ПМР 2 декабря 1991 г.

Г. С. АНДРЕЕВА.

12 ноября 1991 г.

Вот еще один документ, касающийся этих событий:

«Работникам городского отдела КГ г. Тирасполь

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

К вам обращаются женщины города Тирасполя. Сегодня каждый житель города должен честно определить свою гражданскую позицию по отношению к Приднестровской Республике, с которой мы связываем наше настоящее и будущее, будущее наших детей.

Тем более должны определиться люди в погонах, кому доверена защита наших очагов, наших жизней.

Мы вправе спросить – с кем вы, работники комитета государственной безопасности, - со своим народом, на верность которому вы присягали, или с правительством Молдовы, с теми, кто отрывает нас силой от России, других братских республик, с которыми нас связывают тысячи нитей?

Если с народом – мы ждем вашего решения о переходе под юрисдикцию Приднестровской Молдавской Республики. Если с правительством Молдовы – вам не место в нашем городе. В этом случае мы незамедлительно начнем пикетирование здания КГБ. Считаем также недопустимым вывоз из горотдела документации и архива.

ЖДЕМ ВАШЕГО РЕШЕНИЯ!»

Далеко не в одном Тирасполе и даже не столько даже в нем, власти Молдовы упорно пытались сохранить свои позиции и в Органах. Следующим пунктом борьбы становятся Дубоссары.

Продолжалась и агитационная война. В самый разгар Бендерских событий женщины забасткома Бендер выезжали в соседние республики.

Ездили группами по 10-12 человек по странам СНГ – Минск, Киев, Камрат, Одесса. В Минске, где они посетили множество предприятий и беседовали с начальством их принимали с тем милым белорусским гостеприимством, которое способно опрокинуть любые ухищрения политиков. Радио, Верховный Совет, парторганизация завода печатных машин и вычислительной техники, оптико-механический завод...

Снегур в те дни требовал от Минска горюче-смазочных веществ, якобы чтобы собрать урожай, и женщины сумели убедить минчан, что эта горючка будет залита в танки, и Минск, к чести республики, задержал передачу топлива Снегуру, пока не окончилась война. Какая-то белорусская семья на сутки приняла всю группу себе в гости. Во время войны немцы предупреждали население, что ежели те будут кормить партизан, то будут уничтожены. И расстреливали целые деревни, не понимая что перед ними встает древняя, более высокая, чем все запреты, мораль (голодного накорми, жаждущего напои). И крестьянки продолжали кормить тайных гостей, даже подчас

расплачиваясь жизнью. Когда силы зла со своей убогой моралью сталкиваются с иными гуманистическими силами – они делаются бессильны и могут только убивать, и на что более не способны.

Одесса принимала детей из Приднестровья, устраивая их (бесплатно, разумеется) в санатории и дома отдыха. Страна – именно страна, а не заворовавшиеся ее правители! Помогала чем могла борющемуся народу. Женщины ездили и в Кишинев, тайно провозя свои листовки и опуская их там в почтовые ящики.

Вот одна из этих листовок – прочтите ее:

«Братья и сестры!

Вот уже столько дней на земле наших предков льется кровь. Женщины и дети разных национальностей хоронят самых родных людей – сыновей, мужей, отцов. И если кровь, пролитая в Дубоссарах в ноябре 1990-го, несколько остудила пыл тех, кто пытается силой сломить волю народа к свободе, последующие трагические события лишь разжигают амбициозность националистических кругов Республики Молдова.

Братья и сестры! Каждый вечер радио, телевидение, и газеты пытаются убедить вас, что мы, живущие в Приднестровье, - враги молдавского народа. Но мы, такие же, как и вы, люди. Мы так же, как и вы, хотим жить в мире и согласии, как жили веками на этой прекрасной земле. Наши дети давно породнились, наши семьи настолько многонациональны, что порой и не определишь какой национальности внуки. Да и какое это имеет значение – главное, чтобы они были здоровы и счастливы!

Вам говорят, что мы вооружились, чтобы разделить Молдову, чтобы сделать вас рабами.

Но за эти полтора года, что существует наша республика, ни один наш гвардеец не переступил границы, не сделал ни одного выстрела первым. В первый раз наших безоружных парней расстреляли в упор. В следующий раз переодетые в форму гвардейцев ОПОНовцы напали на них в предутренней мгле. Попавшие в плен гвардейцы до сих пор томятся в тюрьме и

подвергаются издевательствам, хотя мы, верные слову, сразу же отпустили всех пленных с вашей стороны.

В упор был расстрелян в первые дни Мэрцишора начальник Дубоссарской милиции Игорь Сипченко. Защищая семьи военнослужащих Коичерского гарнизона, погибли гвардейцы Сергей Шинков, Сергей Титовский, Леонид Толстенко, Василий Воронков.

В те горькие дни потери были с обеих сторон. Но никто в Молдове не назвал ни имен, ни просто количества безвинно погибших людей, которых толкнули на штурм воинской части, которых заставили взять грех на душу и удерживать в качестве заложников жен и детей офицеров из Коичерского полка! А ведь матери, жены, дети этих парней ни в чем не виноваты. У них тоже горе. И детей их должны хоронить с почестями. В вооруженный конфликт было втянуто и мирное население. По команде высоких начальников из правительства Молдовы им раздавали захваченное в полку оружие и посылали их громить «врага». И не успели мы предать земле героев, как снова раздались выстрелы в районе Дубоссар и Григориополя, попали в засаду гражданские люди. И две ночи подряд мы теряли своих товарищей.

В ночь на 7 марта – новая террористическая акция – раздались взрывы в квартирах, где живут семьи гвардейцев из Григориополя. Таким образом, нас втягивают в братоубийственную войну, которой, уверены, никто из нас не желает.

Братья и сестры! Настал час, когда мы все должны забыть обиды и объединить свои силы против тех, кто хочет, чтобы на благословенной земле Молдовы лилась кровь, чтобы мы в пылу ненависти забыли, что жизнь непомерно дорога, что простым людям не прожить на одну зарплату. Они хотят разделить рабочий люд по национальному признаку. Они хотят лишиться молдаван родного языка, они хотят превратить вас в румын, причем румын низшего сорта.

А мы этого не хотим, мы хотим спокойно жить и работать, растить хлеб

и виноград, воспитывать детей и внуков. Мы хотим вместе с вами радоваться жизни, а не носить траур.

РАБОЧИЙ КОМИТЕТ»

Необходимо сказать и о том, что осада женщинами казарм 14-ой армии также принесла свои плоды, независимо от действий самого генерала Неткачева. Вот два документа, убедительно свидетельствующие об этом
Обращение забасткома и ответ офицеров 14-ой армии.

ОБРАЩЕНИЕ

забастовочного комитета женщин Приднестровья и народного движения «Славяне за Приднестровье» к военному совету 14-й гвардейской общевойсковой армии

Забастовочный комитет женщин Приднестровья и народное движение «Славяне за Приднестровье» обращаются к военному совету 14-й общевойсковой гвардейской армии, а также к генералам, офицерам, прапорщикам и солдатам воинских частей, дислоцированных на территории Приднестровской Молдавской Республики.

Воины, гвардейцы, развязанная 19 июня 1992 года прорумынским правительством Молдовы кровавая агрессия против мирного народа ПМР уже унесла сотни жизней, большая часть погибших приходится на гражданское население, от рук фашистов из Кишинева гибнут дети, женщины, старики. В настоящее время в городе Бендеры творится жуткий произвол захватчиков. С легкой руки клики Снегура-Косташа волонтеры и полицаи Молдовы, набранные в основном из уголовников, грабят жилища горожан, насилуют женщин, глумятся над малыми детьми. До сих пор неизвестна судьба детей, захваченных в качестве заложников полицаями в детском саду № 22 г. Бендеры. В самом городе разрушены несколько десятков домов. Имеются многочисленные жертвы среди военнослужащих частей Бендерского гарнизона и членов их семей. Вероломству профашистского правительства Молдовы нет предела. Кровь защитников Приднестровья и мирных жителей Бендер льется рекой.

Воин 14-й гвардейской, гвардеец, настал час выбора. С кем ты? С народом Приднестровья или душителями и фашистами из Кишинева? Военный совет армии в заявлении от 20 июня 1992 года сделал свой выбор, дело теперь за его выполнением.

Гвардейцы России никогда не несли на своей груди печать трусов. Так не вынуждайте женщин взять в руки автоматы павших защитников Приднестровья и вместо вас выполнять ваш священный долг, долг воина-освободителя.

Забастовочный комитет женщин Приднестровья
Народное движение «Славяне за Приднестровье»

Президенту и парламенту Республики Молдова

ЗАЯВЛЕНИЕ

военного совета 14-й общевойсковой гвардейской армии

Несмотря на принятое VIII сессией решение о мирном урегулировании военного конфликта от 19 июня, вами развязана открытая вооруженная агрессия, в ходе которой подверглись нападениям военные городки 14-й общевойсковой армии, разрушена столовая, повреждена техника и сожжена казарма для личного состава в г. Бендеры, имеются убитые и раненые среди военнослужащих. Осуществлен захват заложников из состава офицеров, прапорщиков и солдат.

Исходя из вышеизложенного, военный совет армии подвергает сомнению мирные инициативы по разрешению военного конфликта в Приднестровье, меры, принимаемые руководством Молдовы, сорвана и блокирована вся работа военных наблюдателей.

Создавшаяся ситуация, в которой оказались военнослужащие и их семьи, еще раз показала, что терпение наше не беспредельно. Мы и ранее просили не вмешивать нас в вооруженный конфликт.

Военный совет армии заявляет и требует от руководства Молдовы:

1. Немедленно прекратить развязанную агрессию.

2. Неукоснительно выполнить решение VIII сессии парламента Республики Молдова по мирному урегулированию военного конфликта.

3. Немедленно отдать распоряжение по прекращению огня в течение часа до 18 часов 30 минут добиться его выполнения.

4. В случае невыполнения этих требований оставляем за собой право применить оружие, о чем просим оповестить местное население, за спинами которого вы ведете данную агрессию, и вывести его из района боевых действий.

Ставим вас в известность, что личный состав и техника с целью защиты военных городков, семей военнослужащих после 20 часов 00 минут выводятся для выполнения задачи.

Военный совет 14-й общевойсковой армии. 20 июня 1992 г.

То есть, другими словами, не явись Лебедь спасать «нейтралитет», еще не ясно как бы повернулись события!

Но война все шла и шла, и еще до наступления на Бендеры в апреле 1992 года.

И вот тут Андреева решается на поступок, превышающий все мыслимые пределы вероятности. Призывает женщин добровольцев безоружными пойти в окопы на Кошницком и Дороцком плацдармах, фактически под расстрел, чтобы остановить войну.

Окопы

Пойти безоружными в окопы, по существу под расстрел – это была отчаянная акция и сам Смирнов был против нее. В листовке, призывающей к этой акции, Андреева предупреждала сурово – за жизни участников мы не отвечаем.

Только невероятным чудом можно объяснить, а быть может, и высшею милостью, что несколько снарядов и мин не взорвались прямо в женских окопах. В лестнице человеческих доблестей – жертвенность, готовность, бескомпромиссно идти на смерть ради своих воззрений – занимает высшее

место, выше даже подвига воина, у которого всегда все же сохраняется альтернатива – умереть или победить. Мученики и мученицы первых веков христианства шли на смерть бестрепетно, и зачастую их мужество перед лицом смерти сокрушало мучителей, которые впоследствии крестились, становясь христианами, а затем и сами шли на муки. Так протопоп Аввакум «переломил» своего мучителя воеводу Пашкова, в конце концов, тоже принявшего «старую веру» и последующую мученическую кончину.

Нам, в наши дни и в нашем хрупком благополучии с закрыванием глаз на «все худое» и с заботами о том, чтобы отменить смертную казнь для преступников – нам очень трудно поверить, что такое возможно рядом с нами. Но такое возможно.

Причем женщины не просто сидели в окопах – в Дороцком, например, сговорились с молдавскими ратниками вместе встретить и отпраздновать Пасху. Но когда пошли туда – их встретила пулеметная очередь – к счастью, никто не был убит. Оказалось, что тех ребят, с которыми они сговаривались, сменили, привезли других.

Вот так, на грани смерти все тут и происходило.

И сидели они, со смертью в обнимку, под непрекращающимся шквалом огня с 22 апреля до дня Победы 8-го мая, то есть более двух недель. Весь ход акции, к сожалению, рассчитан на ответное благородство противника. Но как быть, ежели этого благородства вовсе нет?

И что-то им все-таки удалось сделать. Недаром Молдова стала уводить «распропагандированные» военные части, заменяя их свежими. И вот еще один коротенький документ, несколько слов, но слов, полных сурового величия:

«Как-то один из московских журналистов спросил у пожилой женщины, во имя чего она пришла в окопы. «Во имя мирного будущего. Мой муж был сыном полка в Великую Отечественную. Не хочу, чтобы сыны полков были и в наше время», - ответила мать.

Но уберечь всех детей от этой горькой доли мы не смогли. Там, где

война, там убивают взрослых. Дети становятся сиротами. И тогда мальчишки берут в руки отцовские ружья».

Но вот война окончена, и, в общем, окончена победой (победой неполной, но это уже другой разговор). И вновь начинаются упорные разговоры о выводе 14-ой армии. Вновь и упрямо Приднестровье хотят поставить на колени. Я много цитировал, быть может, слишком много, но это обращение к Ельцину, подписанное Г. С. Андреевой от 5 июня 1992 года (в Бендерах еще продолжались бои) хочется привести целиком:

ЗАЯВЛЕНИЕ

женского забастовочного комитета

Президенту Российской Федерации Б. Ельцину

5 июля 1992 г.

г. Тирасполь

Женский забастовочный комитет в течение года борется за защиту и свободу своей Приднестровской республики.

Нами были использованы политические и иные способы для достижения этих целей, а именно: первая в мире экономическая блокада железнодорожных путей, митинги, обращения в различные органы государственной власти бывшего Союза и органы власти суверенных государств и к их президентам, пикетирование воинских частей, штаба армии с целью передачи приднестровцам оружия и бронетехники, сбор медикаментов, продуктов, доставка их на позиции, эвакуация беженцев. С марта сего года мы, женщины, просили командование 14-й армии стать гарантом мира, стать водоразделом между Молдовой и Приднестровьем. С целью прекращения войны, мы, безоружные женщины, находились в окопах с 22 апреля по 8 мая на дубоссарском направлении: в Кошнице и Дороцком.

В течение этих дней вооруженные формирования Республики Молдова стреляли в нас из всех видов оружия.

Бывшим командармом 14-й армии не приняты должны меры для прекращения кровавой бойни.

В результате грубой игры политиков идет преднамеренное

уничтожение многонационального народа Приднестровья, разрушение экономики нашей молодой республики. Доказательством сказанного служат трагедии Дубоссар и Бендер, надгробные плиты на кладбищах Приднестровья, горе родителей, жен, детей, всех жителей.

Мы, женщины, кричим на весь мир: «Сколько нужно еще трупов Мирче Снегуру для прекращения этой бойни?»

Приезжайте к нам, посмотрите своими глазами, прочувствуйте своим сердцем, что фашизм в Молдове наступил.

Офицеры, военный совет 14-й армии неоднократно предупреждали руководство Молдовы, глав и правительства государств о нависшей угрозе и просили поддержки, чтобы остановить бессмысленную войну.

Новый командующий 14-й общевойсковой гвардейской российской армии обоснованно информировал свое руководство и мировую общественность о фактическом положении дел в Приднестровье, чем стал не угоден президенту Молдовы. Снегур и Костах попытаются с вашей помощью отстранить нового командующего с занимаемой должности. Если это произойдет, то женщины Приднестровья, народ Приднестровья будут считать вас, Борис Николаевич, пособником фашистского режима.

Ради памяти сотен погибших жителей Приднестровья, ради жизни остальных приложите все усилия для прекращения войны. Только признание нашей республики как суверенного государства поможет прекратить кровавую расправу Молдовы с помощью Румынии над приднестровцами.

Народ Приднестровья до последней капли крови будет отстаивать свою Родину.

Создание Приднестровской Молдавской Республики – это выраженная на референдумах воля народов, которые никто никогда не сможет победить.

14-я армия должна остаться в Приднестровье как гарант мира и спокойствия.

Председатель женского забастовочного комитета Г. С. АНДРЕЕВА.
Женщины выстояли!

В сердцах осталась тревога.

В сердцах не угаснет надежда!

Как женщины в Бендерах кормили свою армию? Ну, бесплатная столовая по пути в Дубоссары – понятно, но здесь? Здесь ведь не было полевой кухни с горячей кашей, что безотрывно едет за наступающей частью! Жители не жалели ничего – «последнюю курицу резали: только не пускайте этих супостатов в город». Передо мною вновь сидят Нина Васильевна и Виктория Юрьевна Ладыгина. Говорят о снайперах, с заводской трубы обстреливавших женщин и детей, об убитом ребенке, о том, где и как варили еду для защитников, которую ночью, в термосах, разносили по позициям. «Она вот готовила первые блюда, а я – вторые и чай. Им так хотелось пить, даже есть не могли, так мы принесли банки с компотами, с соком! Они так уж нас благодарили!»

Они даже кладбище обстреливали! Мы хоронили бойца, мать плачет, а они мины кидают! Так у матери горячий осколок прямо у ноги упал!

А казаки сами себе варили, мы им только продукты носили! А в Дубоссарах, на Кошнице – там напряженная обстановка. Так мы им мыло, порошки собирали. К казакам пришли, а у них в углу вода и сардельки, сосиски зеленые все! Спрашивают: «Женщины, вы нам хлеба принесли?»

После 23-го варили в кафе Тигина и в железнодорожной столовой. Тирасполь привозил хлеб, Гагаузия – гуманитарную помощь!

- У нас там потише было! – говорит Ладынина. – Там обувная фабрика Тигина – совместное предприятие. И вот еще штришок – теперь уже к характеристике Мирчо Снегура.

Немец Брил Йоган был человеком решительным и твердым. Он позвонил Мирчо Снегуру и предупредил его, что ежели фабрике будет нанесен хоть малейший ущерб, он взыщет убытки со Снегура через международный суд в Гааге.

Опоновцы обходили после того фабрику стороной, что называется «снимая тапочки», и ни один снаряд не упал на территорию фабрики. Негры

и те не столь бывают послушны перед американским диктатом! Виктория Юрьевна рассказывает, как снаряд «Алазань» попал в окно дома, где ужинала семья. И сыну снесло снарядом голову. И тут же – о феерической зловещей красоте ночных обстрелов, когда над городом летят, похожие на раскаленные луны ракеты «Алазань», а небо прочерчивают прерывистые струи трассирующих пуль.

Обращались мы и к Ельцину, и к Снегуру – не слышат!

Очень благодарны Украине. Одесской области, за то, что приютили наших детей и женщин... А в Николаеве и власти нам помогли!»

VII

ДУБОССАРЫ

(Гвардия Днестра)

Дубоссары наша писательская организация посетила в тот, первый для меня, приезд в Приднестровье в начале 1992 года. Далее цитирую по «Приднестровскому дневнику»:

«Мужик этот, с каким-то узлами, попросился к нам в автобус на обратном пути из Григориополя. Сперва сидел отдельно, потом подсел ко мне:

- Простите, как вы ко всему этому относитесь?

Я не понял его сперва, но потом он отрекомендовался. Оказалось, переселенец с правого берега. (Здесь, на левом берегу, никого не трогают даже за инакомыслие, так что мужик мало чем рисковал.)

- Зачем это все! Молдоване жили здесь всегда. Вплоть до Одессы! У меня высшее образование!

- Простите, - ответил я, - у меня тоже высшее образование, и могу вам рассказать, с какого времени здесь жили славянские племена уличей и тиверцев. – Об оных он явно ничего не слышал, а питался брошюрками из Молдовы, где доказывается все, что угодно. И то, что Тирасполь – древний

Тирос (географическая ошибка: Тирос находился в устье Днестра, а теперь сменил свое название), и то, что румыны основали Римскую империю, хотя румынская (испорченное «римская», от слова Рома – Рим) нация произошла от смешанных брачных связей римских солдат с местными женщинами на территории завоеванной Трояном Дакии; и то, что румыны основали Данию и государство инков в Южной Америке (по всему этому можно судить о достаточно своеобразном образовательном уровне румынской так называемой интеллигенции).

- А потом, - продолжал я.- Вопрос ведь идет, собственно, о том, чтобы передать Молдову Румынии.

- Не верю! Не может быть! Не верю я этому! – взорвался он, несколько с большим пылом, чем принято у молдован. Наверняка знал, что между Румынией и Молдовой уже открыта граница, что уже объединены радио- и телеслужбы, что на той стороне вовсю идет румынизация, причем кишиневские идеологи утверждают, что говорить о румынизации в Молдове столь же нелепо, как о русификации в какой-нибудь Орловской области...

Референдума с вопросом, желают ли молдоване жить в Румынии, однако, не было, да его, видимо, и не очень хотят проводить. Похоже, что завоевание Приднестровья надобно молдовской правящей верхушке еще и для того, чтобы утвердить непререкаемость собственной власти. По вечерам Кишинев (телеканал «Месаджер») ведет передачи на русском языке, специально рассчитанные на Приднестровье, только достигают они прямо противоположных результатов, ибо все преступления своей стороны бесстыдно перекалываются на казаков или гвардию, а поскольку республика невелика и все знают, так сказать, из первых рук, то над кишиневскими передачами откровенно смеются. Нам удалось прослушать одну. Дикторша, судя по полному отсутствию акцента, русская, врала, изредка опуская глаза и называя приднестровцев мятежниками. А я все мучился вопросом: стыдно ей или нет?

Поминался, конечно, Крым, и «беспрецедентное требование России».

(Требования-то, как раз, и не состоялось на нашем горе-съезде, хотя передача Хрущевым Крыма Украине законной не может быть признана ни с какой точки зрения... Но, видимо, Молдова платит Кравчуку за помощь в удушении Приднестровья.)

Потом выступал министр обороны Молдовы, Ион Косташ. Долго и со вкусом перечислял он наказания за уклонение от воинской повинности, за симуляцию болезни, намеренное членовредительство и проч. За что год, два, три, за что десять лет тюрьмы, за что и все пятнадцать.

- Думаю, принятие этих законов отрезвит некоторые горячие головы! – с пафосом закончил он, так и не пояснив, впрочем, что это за горячие головы, которые надо отрезвлять тюрьмой, чтобы заставить их идти в бой против своих соплеменников на левом берегу Днестра?

И опять прежняя мысль: как же низко пала ты, Россия, что тебя уже клюют и подобные мелкие стервятники, мыслящие не без выгоды продать свою землю румынам, которые, вот только беда, без Приднестровья не хотят принимать Молдову себе даже в холуи!

Четырнадцатая армия, о которой постоянно заходит речь, строго говоря, уже на две трети не существует. По распоряжению маршала Шапошникова и генерал-полковника Б. Пьянкова и по соглашению с министром обороны Молдовы И. Косташем 90 процентов военного имущества четырнадцатой армии передается Молдове.

На левом берегу остались лишь штаб, 59-я Краматорская мотострелковая дивизия, ракетная бригада и отдельные части обеспечения (саперы). На той стороне остались и переходят в ведение Молдовы две дивизии, армейская артиллерия и зенитно-ракетная бригада. Сверх того, распоряжением маршала Шапошникова Молдове (читай, Румынии) передана стратегическая авиационная часть, принадлежащая Черноморскому флоту. В разоружении четырнадцатой армии горячее участие приняли генерал-полковник Б. Громов, заместитель командующего сухопутными войсками СНГ.

События развивались следующим образом. По распоряжению из Москвы был снят со своего поста командующий четырнадцатой армией, генерал-лейтенант Г. Яковлев, за его симпатии к «сепаратистам», то есть Приднестровью.

Его место занял привезенный Б. Грозовым генерал-майор Ю. Неткачев, приехавший из Беларуси. Генерал тотчас велел поставить бронированную дверь в своем номере гостиницы. Уже одно это характеризует его достаточно ярко. Затем, по приказанию Неткачева, была выведена из строя боевая техника. К саперам он приехал со своей ротой спецназа, солдат и офицеров изгнали из казармы, а спецназ заминировал все военные склады.

В начале марта в Кочиерах (пригороде Дубоссар) молдавский ОПОН захватил казармы на левом берегу и осадил помещение отдельного батальона связи, приказав разоружиться. Батальон, согласно уставу, принял бой. От Неткачева тогда поступает приказ: «Сдаться в плен. Кто не сдастся, будет отдан под трибунал». Батальон сдаться отказался, требовал помощи от 59-й дивизии. Полковник И. Мукабеков сбил колонну идти на помощь. Но из штаба последовал приказ – стоять на месте и не вмешиваться.

Связистов и офицерские семьи в Кочиерах (квартиры офицеров были разграблены) выручали из беды приднестровские гвардейцы, казаки и местные жители.

Уже вышеперечисленного хватило бы, чтобы обвинить генерала Неткачева в предательстве родины и расстрелять.

Кстати, многие солдаты из пятидесят девятой дивизии, не выдержав, перешла в гвардию и батальон «Днестр». Выбирая между приказами изменника-командующего и зовом родины, они выбрали родину.

Приднестровье предложило взять всю четырнадцатую армию на свое содержание. Российское правительство, сговорившееся с Румынией, этого не хочет. (Хотя сейчас, с четырехкратным сокращением вооруженных сил, все эти офицеры будут уволены в отставку!)

Одновременно с этим Украина установила пятидесятикилометровую «зону безопасности», и отлавливает добровольцев, что безоружными идут на выручку Приднестровью.

Напомним: в Приднестровье 150 тысяч русских и 200 тысяч украинцев.

Сейчас четырнадцатой армией переданы Молдове десятки тяжелых орудий, тридцать установок «Ураган», бронетехника, зенитные установки, десятки тысяч единиц стрелкового оружия. И оружие это уже стреляет против нас и в районе села Бычок (1 км от Тирасполя), и в Кошнице, и в Кочиерах, и в самих Дубоссарах.

Мирча Друк, лидер народного фронта Молдовы (фронта, который требует безусловного присоединения Молдовы к Румынии), пригрозил Приднестровью новым Карабахом, министр иностранных дел России Козырев, в свою очередь обещает, дарит Приднестровье Румынии, как он уже, кажется, пожарил Курилы Японии. Я думаю, говорить еще что-то излишнее. Налицо сговор правительств Украины, России и кого-то еще о том, чтобы передать Приднестровье румынам (никогда, напомним, не принадлежавшее Румынии, кроме страшных лет военной оккупации 1941-1944 гг., ужасы которой до сих пор свежи в памяти жителей) и все решительно делается для того, чтобы облегчать эту передачу, разоружить, поставить на колени Приднестровскую республику.

На кого работаете, господа? И не пора ли вас всех, скопом и кучею, посадить на скамью подсудимых с общим обвинением в измене Родине?

Я надеюсь и верю, что, несмотря на всю нынешнюю историю расхитителей, предателей и ренегатов, справедливость восторжествует, и изменники не уйдут от земного сурового суда.

Понимаю, что очень больной и очень непростой вопрос для армии – приказ высшего командования. Но нет у нас Георгия Жукова, который мог бы вновь поднять танковую дивизию и послать на Москву, дабы разогнать эту кучу воронья, слетевшегося на падаль! Поймите, нет! Никто не хочет войны, никто не хочет крушения демократических принципов, но то, что

происходит сейчас – хуже безвластия! Страна ощутимо погружается в хаос и, похоже, только армия еще может ее спасти. Твердая власть, исполнение законов, единоначалие, особенно в обстановке военных конфликтов, необходимы всегда.

Есть в чем упрекнуть и приднестровцев. Ежели воевать, то надобно взаимодействие частей, а тут: отдельно гвардия, отдельно от нее батальон «Днестр», особо – казаки. Такая армия, при любом героизме, уже не способна наступать, но только обороняться.

Повторяется, с роковой неизбежностью, испанский синдром: героизм фронта и разномыслие, разброд, измены – в тылу.

Под Кочиерами заброшена в тыл крупная диверсионная группа в 60-70 человек, из полицейских и уголовников. Известно даже имя командира. Диверсионными группами наспигован Тирасполь. В случае генерального наступления эти диверсанты ударят в спину приднестровской армии. Оружия нет! Боязнь правительства дать повод упрекнуть Приднестровье в агрессивности лишает здешнюю армию инициативы. Не стало бы поздно, вот в чем главный вопрос!

Очередной наш собеседник мрачно шутит:

- Здесь говорят, что оптимисты учат русский язык, пессимисты румынский, а реалисты изучают автомат Калашникова.

И все-таки! Здесь есть те, чего нет ни у румын, ни у нас, в России: высокий и жертвенный дух народа – войска. И наш очередной собеседник, выливший из себя всю накипевшую боль, встает и на прощанье повторяет старые, еще той войны, переиначенные строчки стихов:

Не затем мы оставили где-то
Кто жену, кто родимую мать,
Чтоб, проехав сюда пол-России,
На полшага хотя отступить!

Вооруженные конфликты в Дубоссарах начались едва ли не с первого дня образования республики.

В июле-августе 1990 года проходят референдумы о вхождении в Приднестровскую республику, 2-го сентября съезд в Тирасполе ее провозглашает, а 2 ноября в Дубоссарах полицией убиты Валерий Мицул, Олег Гелетюк, Владимир Гатка. 16 человек ранены.

25 сентября 1991 года следует второе нападение Молдовы на Дубоссары, есть раненые.

Уже действует женский забастком, а полиция Молдовы останавливает женщин, едущих из Тирасполя, кладет на асфальт, обыскивает и т. д.

XIII декабря – третье вооруженное нападение Молдовы на Дубоссары. Бой на посту ГАИ. Погибли Ю. Цуркан, А. Потергин и В. Щербатый.

2 марта 1992 г. – четвертое вооруженное нападение Молдовы на Дубоссары, бой в полку гражданской обороны в селе Кочиеры. Указ президента ПМР о введении чрезвычайного положения в г. Дубоссары и в Дубоссарском районе.

Надо сказать, что и здесь женский забастком не оставался в стороне. Женщины (еще в сентябре 1991 года!) организовали пикетирование отделов внутренних дел в городах Приднестровья, требуя их перехода под юрисдикцию правительства ПМР. Опоновцы встречали женщин, готовясь начать стрелять. В конце концов, полицию пришлось вышибать силой. Так было в Григориополе, так было и в Дубоссарах, где первого марта 1992 года после очередной провокации с убийством начальника Дубоссарского отдела милиции майора И. С. Сипченко здание райотдела полиции было окружено казаками и взято штурмом (в 4 часа 30 минут утра полицейские сложили оружие). Один из казаков, Зубков Михаил Юрьич, убит, другой ранен (после чего и последовало – «в отместье» нападение опоновцев на Кочиеры).

Мы приехали в Дубоссары уже после всех этих событий, когда молдавская полиция всюду была убрана, а на плотине и в городе образовалась линия фронта. Вот что я записал тогда:

«Если казаки – профессиональные природные воины, то гвардейцы

Приднестровья – это труженики, вставшие на защиту страны. У них и в обмундировании вид рабочих, а не солдат. Коренастые, невысокие люди, совсем разных возрастов, как никогда не бывает в армии, куда люди идут по набору. Рядом с грузным мужчиною лет пятидесяти, по крайней мере, безусый шестнадцатилетний юнец. Это мужья, братья, сыновья тех женщин, что пикетируют краматорскую дивизию, что лежали на рельсах в Бендерах, не пропуская поезда, что сейчас, по последним сообщениям, без оружия пошли на передовую, в окопы и, если надо, пойдут на пулеметы и бэтээры молдавской армии.

Гвардейцы молчаливы и немногословны. Для них это особенно трудная война. Фронт подчас разделяет семьи, и один брат через мегафон проклинает другого, с его точки зрения предателя, на противоположной стороне Днестра. В окопах под Дубоссарами я, удивляясь причудливой линии фронта, спросил: « Не проще ли натянуть колючую проволоку по склону?»

- Зачем... Тут одна земля... – пробормотал гвардеец.

Одна земля, и кто-то, пригибаясь под пулями, ходит на работу с той стороны на эту.

В Григориополе жаркое дыхание фронта уже почувствовалось вплоть. Те же беленые домики, те же затейливо разукрашенные ворота, убранные сады.

Ряды виноградников, провожавшие нас всю дорогу, еще голы и мертвы, а сады, зацветая, начинают там и тут одеваться белым кружевом. Но в боковых, ведущих к Днестру улицах – надолбы, вдали повис днями взорванный мост, а помещение полиции, которое брали штурмом, все в трещинах и следах от пуль.

Останавливаемся у райисполкома. Встречает председатель, рассказывает спокойно, внимательно разглядывая нас:

- Вот тут, за зданием, недавно шел бой. Прорвались из-за Днестра, двоих удалось захватить. Мост вы наш видали? В ноябре у нас были только трактора и прутья. Сейчас отбит один БТР, есть автоматы. Наши ребята говорят: «Мы отсюда не уйдем, и оружие у нас никто не отберет». Но ежели

начнется наступление с той стороны, с бронетехникой, продержаться сумеем час, не более. На том берегу подвозят тяжелые орудия, без помощи они нас попросту раздавят. Мы просим, пусть станет тут любая сила!

(Назавтра именно здесь женщины плясали, узнавши о бэтэрах пятьдесят девятой дивизии.)

- Из восьми погибших с нашей стороны семеро молдован. В районе молдоване составляют 68 процентов населения. Казаки? Выпивали, иногда было, но ни насилий, ни самодурств казаки не творят, да и пили не более, чем наши, местные! А нарушителей они сами отправляют назад. Наши жители за казаков горой! – С улыбкою добавляет он. Дорога далее идет почти по самому берегу. Шоферу дан приказ, ежели начнется стрельба, гнать во всю мочь.

В Дубоссарах встречает, уже издали, глухой рокот выстрелов. На ЖБИ идет бой, - сообщают нам.

Прохожие, завидев приезжих, кучками собираются на улице. Разговоры, речи все те же: мы не хотим войны, но нас разделила кровь. Поглядите, что они творят! Родственники погибших достают, показывают жуткие фотографии разрезанных, расчлененных трупов. (Трупами здесь обмениваются. При нас местный комиссар звонил по телефону на ту сторону, сговариваясь об обмене убитыми.) Захваченных в плен мирных жителей и раненных гвардейцев распиливают пилой, вырывают пальцы, выкалывают глаза, жгут паяльной лампой. В доблестном воинстве Молдовы масса выпущенных уголовников (они, почему-то преимущественно в рядах полиции Молдовы – трогательное единство душ!). Убийцы и насильники, получившие амнистию и право творить что угодно, не ведают удержу.

Здесь не надобно никого собирать, здесь горе выплеснуто прямо на улицы, спокойное, сосредоточенное горе. Вот на этого старика с молодой женщиной, невесткой, нам указали прохожие – расспросите их! Невысокая женщина, красивая. У нее удивительная линия рта, бровей. Но в глазах... В глазах – я не понимаю сразу, что ее выделяет из всех окружающих? Понимаю

только потом. В глазах молодых женщин всегда прячется улыбка, здесь улыбки нет. Совсем. И еще страшнее становится от того, что рассказывает она просто, спокойно, не повышая голоса. Старик, тот горячится, сбивчиво, многословно повествует, как молодые, невестка и сын, поехали за семенным картофелем, как трижды попадали в лапы полиции, наконец, были остановлены в Кочиерах, где начальник почему-то решил назвать их шпионами.

- Теперь я расскажу! – мягко перебивает его невестка. На ее глазах Сережу (мужа) избитого, выволокли из полиции, затолкали в машину. Ей положили гранату между грудей, и изнасиловали. Двое. Велели молчать. Недавно, когда она ходила на кладбище, две пули прошли у нее над головой, одна прошила волосы – хотят убрать свидетеля! А я все равно рассказываю! Сережи нет, и мне все равно!

Она не плачет, не бьется в истерике, она просто перестала улыбаться. Дай Бог, не на всю жизнь! А я смотрю на нее неотрывно, и меня заливают горячий стыд: это наше, мужицкое дело – защищать баб, а не прятаться за их спины!

Труп, изувеченный так, что фотографию страшно рассматривать, выцарапали много спустя, через венгерское посольство (старик по национальности венгр). Прежде того убитый был отвезен и зарыт в Кишиневе, а быть может, и добит там.

- Детки! – срываясь, кричит старик. – Выберите вы там кого-нибудь другого, кто у вас честный! Ну, этого хотя, Тулеева, что ли! Детки, нельзя же так!

К слову: смешанных семей тут масса. Украинец женился на молдованке, детей отдал в молдавскую школу. Когда полицейские с той стороны подожгли чей-то дом, бросился тушить... Жена украинца показывает его фотографию. У трупа сокрушен череп, вдавлен в плечи, все тело выжжено паяльной лампой...

Господин Кравчук, вам не стыдно?! Или совесть – слишком дорогое

удовольствие для бывшего партаппаратчика, нынешнего националиста и предателя, почетного гражданина Израиля, американского холуя, запроданного за иудины доллары. Сколько ты получил, мерзавец? За родину свою, за свой народ, за трупы украинцев в Дубоссарах, сколько ты получил иудиных 85етто85ок85ых?!

Стрельба раздается уже близко. Скоро выясняется, что гвардейский дозор, шесть человек, неосмотрительно, вместо того, чтобы отступить, двинулся вперед, на выстрелы, и попал в засаду. Отстреливались, пока подоспела помощь, три часа. Двое легко ранены, один тяжело, в голову, и умирает, едва доведенный до больницы. В кабинет председателя, где идет разговор об этом, входит, скорее врывается, молодой боец, бросает на стол удостоверение убитого и золотое кольцо. Говорит лихорадочно, почти неразборчиво:

- Наши жены – подруги, у него – на седьмом месяце... Что я ей скажу! – хватает кольцо. – Это я сам ей отдам! – И на вопрос, как же все произошло, срываясь уже в крик: - Не могу сейчас! Потом! – выскакивает из кабинета, сжимая в руках автомат, не защитивший друга в бою...

Мы рассматриваем фотографию в удостоверении, маленькую, обычную «паспортную», ничего не выражающую фотографию – завтра в штаб гвардии в Тирасполе придет за документами мужа молодая беременная женщина с белым, как мел, лицом, в черном платке.

В Дубоссарах плотина, которую молдавская полиция давно хочет взорвать, и удерживает ее, как кажется, лишь то, что без воды останется и Кишинев тоже.

Плотина в наших руках, кроме коротенького въезда с того берега, и защищает ее недавно получивший чин капитана молодой офицер, Андрей Кицак, сын генерал-майора Кицака, командующего гвардией. За все время противостояния он потерял всего двух человек (как раз второго – сегодня), отбивал многочисленные атаки противника и находится под огнем фактически каждый день. Штаб его части, ежели это можно назвать штабом,

стоит чуть в глубине улицы, в нескольких шагах от шоссе, ведущего в никуда. (Недавно к тем вон деревьям выскочил вражеский бронетранспортер, а вот тут убили мотоциклиста. Темный след от пятна крови виден на асфальте и теперь.)

Кочиеры на том вон холме, грудую крыш, а здесь, под бугром, уже вражеская территория. С крыши того вон детского садика – садик шагах в пятидесяти – ночью палят по нашим окопам. На крыльце штаба сидят бойцы, вдумчиво чистят оружие, щелкают затворами. У крыльца – миноукладчик, обшитый броней, превращенный таким образом в бронетранспортер, однако лишенный пулемета. За домом (нас ведут показывать) «крейсер Аврора», как его называют. Неуклюжее сооружение: «КрАЗ», обшитый листами толстого железа с квадратною башенкой из таких же листов наверху. Это нелепое сооружение – первая бронеединица республики, и потому, чуть насмешливо, им гордятся. Перебегаем через шоссе. (С той стороны вдоль шоссе могут открыть огонь.) Скатываемся под защиту насыпи: - «Осторожнее, тут, по сторонам мины!» Подымаемся на бетонное, кажущееся особенно циклопичным и большим тело плотины. Глухо ревет внизу, ярьсь и пенясь, наполняя воздух влажною моросью, вода. Удивительность этой войны заключается в том еще, что плотина, простреливаемая с того берега, продолжает работать и продолжает подавать электроэнергию Правобережью! Гуськом идем над пропастью. Вдали, на том берегу, фигурки. Нет, это не опоновцы, а попросту рыбаки, неустрашимые и самозабвенные, как все рыбаки в мире. Клюет тут, у плотины, удивительно. Но вот и завершение. Железная будка с круглыми отверстиями от пуль. Кирпичи, мешки с песком. Во время обстрела тяжелые пулеметы разбивают кирпичи в пыль. И впереди – ничейная полоса, кусок дороги, ведущей с плотины на берег. Рогатка из шпал, и там вон, в кустах, в груде камней, где что-то поблескивает, вражеский дот.

По-над деревьями правого берега, то появляясь, то пропадая, движется крыша автобуса, везущего очередную смену молдовского ОПОНа на

позиции. Удивительно!

Тишина. Только ревет вода в створах плотины. Можно выйти, пройти до той вон рогатки. И тогда, наверное, раздастся выстрел или автоматная очередь. И – все. Одна из бронебойных пуль пробила железную, чуть не в палец толщиной, стену будки, перевернулась в воздухе, и уже плашмя, пробила насквозь противоположную стену. Так и остались две дырки, круглая и продолговатая...

У Андрея Кицака, бессменного защитника плотины, очень простое лицо. Он молод, в каске, без бороды и усов. Без каски, наверное, смотрится вообще как молодой парень, какой-нибудь футболист, и ничегошеньки героического в лице!

У своего штаба-сторожки он вышел к нам немного деревянной походкою (вчера мы видели его мельком, после бессонной боевой ночи, с глазами красными, как у кролика. Он буквально засыпал на ходу). Вышел, и монотонным ровным голосом стал объяснять:

- Ребята нарушили приказ! Им следовало отойти. Надо понимать, что на той стороне люди не глупее и не трусливее нас, и только дисциплина помогает нам удерживать позиции!

Непонятно, для одних ли нас он говорил это, или (и скорее) для окружавших нас гвардейцев. Но по этой деревянной походке, по нарочитой твердости негромкого голоса видно, понятно становится, как ему тяжело.

Хорошие бойцы в Приднестровской гвардии! Эх, не писать бы, а встать с автоматом в руках, выдержать хотя одну ночь боя, чтобы утром, проходя мимо, капитан Кицак кивнул одобрительно головой. Только кивнул! Больше не надо награды!

VIII

КАЗАКИ

В Бендерах мнение всех моих нынешних корреспондентов было

единодушным: без батальона гвардии Ю. Костенко и без казачества в 1992 году город было бы не спасти. Напомним даты: Лишь 17 декабря 1991 года, то есть уже после третьего нападения Молдовы на Дубоссары, сход потомков казаков в Тирасполе принял решение о возрождении в Приднестровской Молдавской республике Черноморского казачьего войска.

А уже второго марта 1992 года последовало четвертое вооруженное нападение Молдовы на Дубоссары, осада военного городка в Кочиерах, который генерал Неткачев велел сдать, и все такое прочее. Наверно, еще до восстановления черноморского казачества, казаки местные и приезжие: с Дона, Кубани, аж из Сибири, уже участвовали в боях. В частности, казаки держали фронт на Кошницком плацдарме. Здесь Днестр делает долгую петлю, выдающуюся в сторону Запада, и в этой-то петле и сосредоточила Молдова свои ударные части, стремясь перерезать республику пополам. (Тяжелые бои тут происходили и в минувшую, Отечественную.) В 1992 году мы встретились с казаками по пути в Дубоссары. Опять позволю процитировать самого себя: «Казаки картинны, красивы, у каждого из них грудь в значках – тут и двуглавый орел, и кресты, и какие-то не то ордена, не то медали. Быть может, купленные на рынке, быть может, доставшиеся от прадедов. Вот, мол: за Шипку, за Плевну, за Бородино, за поход к Карсу, за Персию, за Афган, за тысячи великих и малых сражений, где покрывали себя славою казацкие полки. От всего этого, как и от папах, галунов, башлыков веет на современника оттенком несерьезности, эдаким «квасным патриотизмом», ибо все национально-русское давно уже воспринимается нами на уровне матрешек и «ансамблей народной самодеятельности» (а уж какая она там «народная», лучше не ворошить!). Но... Воинственная Молдова со всеми румынскими и советскими танками, пушками и авиацией истерически кричит: «Уберите казаков! Уберите казаков! Отзовите!» И казаков-то всего сотни две, но об эти две сотни разбилось, захлебнувшись, все наступление армии Молдовы на Кошницком плацдарме, где сосредоточены, с той стороны две, не то три тысячи солдат и десятки единиц

бронетехники. Бывалые особисты, военные, политики – все разводят руками. Все удивленно говорят одно и то же: «Да-а-а. Но! Они воюют! Они храбро воюют! Их любит население!»

Что же касается всего остального, то и всегда национальное возрождение начинается с возрождения обрядов, ритуала, песен, с возрождения традиционной культуры прошлого, угасших было бытовых норм и обычаев. Потому что, отстаивая свою родину, люди воюют отнюдь не за «лучше» или «хуже» - иначе так бы и бегали из страны в страну, где колбаса подешевле, - воюют за свой, привычный и отличный от иных способ существования на земле. Усиленно проповедуемая у нас американская массовая культура как раз и рассчитана на то, чтобы выбить из людей это представление о каком-то своем, особенном, глубинном своеобразии, о своей «непохожести» на других. Потерявшим это чувство уже становится не за что воевать, им нечего отстаивать в жизни, как, в общем, и получилось у нас! Постоянная, десятилетиями, явная и неявная пропаганда западного образа жизни (и даже лозунг «догоним и перегоним» работал именно в этом направлении), сопровождающаяся гонениями на все национальное во всех сферах культуры, как раз и подготовила современное безразличие миллионов к судьбам страны. Наши «рбковые» и «металлические» мальчишки отнюдь не стремятся уже защищать Россию: какая Россия, когда им Америку подавай!? Да и что защищать? Первомайские и октябрьские демонстрации? Право спать на партсобраниях? Солдаты минувшей войны пришли из деревень, и хотя паровой каток коллективизации прокатился и по ним, но всего еще десять лет назад, еще не порушив, не сломав в них корневого, древнего, воспитанного работою на своей земле чувства родины. И потому они знали, что защищать и за что драться, когда прояснело, что речь идет уже не о советском строе, но о России, о национальной неповторимости, всосанной с материнским молоком.

И казаки совершенно правы! Без возвращения культуры, традиций, быта, даже и обмундирования прежнего, не только не возродить казачества,

но и родину защищать нельзя!

...С ним мы столкнулись на улице, у гостиницы в Тирасполе. Невысокий, плотно сбитый, в ладно пригнанной форме, все с теми же значками и орденами на груди. Представился: «Походный атаман Войска Донского!» Приехал сюда, ибо его сотню отзывают приказом из Москвы.

- Почему?

- Я не обсуждаю приказы, а выполняю их! Только не знаю, где меня будут брать, в Тирасполе, Раздельной или в Одессе? Понятно, почему выводят! Моя сотня – самая боеспособная. В ней элита донского казачества! (За ним – три года афганской войны. Джелалабад. Он – офицер-вертолетчик, инструктор.)

- Отзывают, чтобы судить! – говорит атаман с невольной горечью. – Ну что ж! Моя жизнь больше, чем наполовину прожита, ребят жалко!

Рассказываем ему, что местные жители затеяли сбор серебра, чтобы отливать ордена для защитников. Он зло отмахивается:

- Да что серебро! Я, ежели надо, сам, со своего малого предприятия, сколько надо достану... Мы полтора миллиона дали на три бэтээра! Так Москва их не пропустила сюда!

- Выходить будете с оружием? – спрашиваю я.

- Я оружие получал, чтобы защищать Приднестровье, и обязан сдать его местной власти! У нас были двое, что хотели уйти с оружием, мы сами сдали их властям! У меня в сотне сухой закон! Дисциплина! Атаман, конечно, говорит с надрывом, да и как без надрыва тут!

Однако – выводят, не выводят? Разговоры о выводе казаков, что называется, висят в воздухе...

...Картина мирной жизни за Тирасполем начинает отступать. Напряжение сгущается по минутам. Шоссе пустынно. На разъездах – бетонные плиты. Гвардейцы проверяют удостоверения. Днями, четырнадцатого – пятнадцатого, шли напряженные бои.

Вот Кошницкий разъезд. Вот и первый казачий пост. Ровное поле,

уходящее за горизонт, куда-то вниз. Там – клятая петля, образованная извилистым Днестром. В петле – молдавская армия, которой, чтобы перерезать шоссе, только и надобно пройти через это поле с редкими насыпными кучками земли. Кое-где, на скрещении дорог, совсем несерьезные окопчики. Бульдозер старательно утюжит и выпихивает землю, готовя укрытие для бэтэера. Две боевых единицы отбиты у врага.

Казачьи разномастно одеты, кто в чем. Первое впечатление – живописных оборванцев, не то бородатых, не то небритых, в маскировочном тряпье, у кого-то видно голое пузо. Прифронтового путевого атамана, что заходил к нам в номер вечером первого дня, небрежно, отмахнувшись рукою:

- А! Это асфальтный казак! Ну, плясун! Хошь как назовите! – Командир трофейного бэтэера, молодой казак, рассказывает, усмехаясь (все это очень напоминает картину Репина «Запорожцы плещут письмо турецкому султану»). – Я на этом бэтэере подбил шесть ихних машин! Румыны за мой экипаж назначили цену двадцать пять миллионов лей! Много это или мало? Как подбивал? А, сам не знаю! Палишь, палишь и палишь!

(Потом нас поправляют в Тирасполе: не шесть, а три бэтэера подбил. Все равно, немало! Во всяком случае, молдавская сторона «оценила» экипаж по достоинству!)

Казачьи разбирают газеты, любуются портретами старого казака, комментируют уважительно:

- Тот-то добрый воин!

Пресса, переговоры премьеров – все тут известно хорошо, и на традиционный вопрос, за что они бьются, отвечают дружно:

- За независимость, за жителей местных, да, проще сказать, бьемся тут за всю великую Россию!

И уже подхватывая то, что у всех вертится на языке (терпеть продажное руководство страны в самом деле невыносимо!), досказывает кто-то из них с ворчливою гордостью:

- Казак не подыметя, Россия не встанет!

В самом деле! Здесь, под пулями, выковываются кадры будущей казачьей армии, как знать, возможно, будущих спасителей великой страны! Когда-то казаки последними продолжали защищать от большевиков законную государственную власть. Нынче не они ли станут во главе возрождения свободной России – быть может, советской, быть может, монархической. Не в этом суть! Суть в восстановлении поруганного великого государства, история и начала которого уходят в седые века. Казаки здесь сменяются, приезжают в отпуск, «повоевать», заменяя друг друга. Кого-то уже выгнали с работы, потому что он три месяца подряд не уходит с передовой. Представляю этого суетливого, схожего с крысой администратора, что торопится к костру со своею вязанкою хвороста. На почетную доску повесь портрет этого казака, говнюк! Он защищает родину, а тебя и тебе подобных будем судить мы, когда придет наш час!

Спрашиваем, кто откуда.

- Я с Дона, мы – черноморцы, я из Иркутска, да я и не казак! (А с виду он как раз больше всего похож на казаков, какими их привыкли представлять себе все мы по картинам и фильмам.) Рассказывают, как ехали, как пробирались сквозь украинские кордоны. И я думаю вновь, что даже в Смутное очень тяжелое время подобного сраму не видала страна! Сюда приходили бы ополчения городов, приезжали конные сотни с оружием... Да, было и тогда всякое, но нынешнего животного отупения не было! И я, теперь, должен был бы не сам с блокнотом явиться сюда, а привести вооруженную сотню новгородцев и разом выбить румын из Кочиер. А уж город Иркутск или Омск, или Новосибирск – пару дивизий прислать, с танками, и уже с теми силами выбивать сейчас предателей из Кишинева, ибо и та, правобережная Молдова не очень-то хочет превращаться в Румынию.

- Мы слышали, вас собираются отсюда отзывать?!

Казаки дружно смеются, сидя на бэтээре:

- Мы отсюда никуда не уйдем! Нас еще больше приедет! Пока тут не кончится, будем стоять насмерть!

И про смерть – тоже со смехом. Дорого обойдется победа над ними тем, на другой стороне! А, впрочем, слышал и такое: во время одной вылазки, здесь, на Кошницком разъезде, когда казаки подобрались к окопам молдавской полиции, ополченцы со стороны кричали им:

- Казаки, нас не трогайте, мы в вас стрелять не будем! – предоставляя своей полубандитской полиции защищаться от казаков самой. Так что, возможно, и очень возможно даже, что без массивной поддержки демократического правительства России, господ Ельцина и Кравчука, поднять молдаван в поход на Приднестровье Снегуру с братией и не удалось бы вообще».

Все вышесказанное, как я вижу теперь, отдает некоторым романтизмом и нуждается в пояснениях.

Появление казачества безотрывно от наших отношений с Золотой Ордой, тем паче, что и характерная организация казачьего войска и многие термины, такие, например, как «курень», «станция», «кош» - татарского происхождения. Конная казачья посадка, по-видимому, тоже заимствована от монголов (европейский всадник сидит в седле, распрямив и напружив слегка расставленные ноги, которыми он упирается в стремяна. Монгол сидит в седле, согнув колени и ближе к холке коня. От кочевников, еще до Орды, пришла к нам и кривая сабля, которая не только рубит, как меч, но и режет – подчас разрубая противника «наполю» - от плеча до седла. От ордынской конницы заимствован и обычай атаки «лавой» - рассыпным глубоким строем, при котором активно действует каждый всадник, а не только передовая цепь конных воинов. Да и само-то слово «казак» пришло к нам из Орды, означая «людей без начальства», т. е. свободных, не подчиненных ханской власти. Многие, впрочем, казаки заимствовали у горских народов – папахи, бурки, черкески с газырями, притом, что в женской одежде казачек сильнее сохранялись русские национальные мотивы, а порой и мужской казачий наряд удерживал более древние, чем в Центральной России, элементы. Например, русскую рубаху с прямым, а не косым, монгольским воротом, и

проч.

Представлять казаков потомками беглецов на Дон вряд ли верно. Конечно, активные особи, почему либо не утвердившиеся в сложившемся сословном обществе Московской Руси, постоянно бежали на Дон, в казаки, но само казачество сложилось много ранее из так называемых «бродников», русского населения лесостепной полосы с невыясненной родословной, из потомков хазар, освободившихся от еврейского диктата и принявших христианство (многие путают хазар, народ кавказской группы, с евреями – рахдонитами, что глубоко неверно). Наконец, значительная часть казачества была выходцами из той самой многонациональной Золотой Орды, а через женщин, частично добывавшихся силой, роднились они и с народами Кавказа. Как военное пограничное сословие казаки считали себя равными русскому служилому дворянству, а то, что они при этом не имели крепостных и сами обрабатывали землю, сами же ходили и в воинские набеги, - сделало их много сильнее дворян, к середине прошлого столетия уже значительно порастерявших свою былую воинственность, из военного сословия превратясь в сословие служилое, бюрократическое, способное выдвигать из своей среды писателей, художников и ученых, но уже неспособное крепко сидеть в седле.

Казаки, так или иначе, постоянно защищали степное пограничье России, однако и боролись с попытками закабалить их, и посему далеко не всегда были лояльны центральной власти. Достаточно вспомнить Смутное время, когда, по выражению А. К. Толстого: «Поляки и казаки, казаки и поляки нас паки бьют и паки, а мы себе, как раки, горюем на мели». Характерен исторический эпизод (уже из эпохи Петра I) с уходом, после разгрома Булавинского восстания, части казаков во главе с атаманом Игнатом Некрасовым в Турцию. Пробирались иногда прямо под носом у царских войск. Коням завязывали морды, чтобы те не ржали. Матери затыкали рты плачущим младенцам, дабы не выдать себя. Иные дети погибали от удушья, и обезумевшие матери несли с собою детские трупы,

не позволяя похоронить.

В Турции «некрасовцы» получили землю, и стали жить по своим законам, обещаясь султану службою (только не против России, был договор). Все заработанное сдавалось в войсковую казну, откуда казак получал треть на прожиток, треть шла на оружие и треть на школу и церковь (некрасовцы были староверами). Законы у них были достаточно суровы. Женщине за супружескую измену грозила смерть («в куль да в воду») согрешившего казака, либо поднявшего руку на жену, пороли нагайкой на кругу, после чего он должен был кланяться и благодарить: - «Спаси Христос, поучили!» За «сеченого» казака никакая жонка не вышла бы замуж (кажется, в этом случае оскорбленная женщина даже могла получить развод).

Преступника, заслужившего, по казачьим законам, смерть, объявляли вне закона (то есть каждый имел право его убить) и тот, ежели оставался жив, мгновенно сбегал.

Разумеется, жизнь многое сглаживала, во многое вносила свои коррективы. Из вернувшихся в Россию некрасовцев никто не помнил случая, чтобы чью-то жену утопили за супружескую измену, да и далеко не всякая жена шла жаловаться на круг на своего слишком буйного супруга. Бесчестье мужа, все одно, падало и на жену, да и жалели: - один мужик-то!

Часть некрасовцев вернулась в Россию уже при советской власти, после того, как турки решили лишить казаков их самоуправления. Здесь, у нас (кажется, где-то на Кубани) некрасовцы организовали два колхоза, причем, при ихней вековой привычке все делать сообща, колхозы скоро стали образцовыми.

Позднее казачество получило свой статут, были признаны казачье самоуправление, казачий, общинный, способ землепользования. Была утверждена особая форма казачьих частей, и они стали частью личной царской охраны, наряду с тяжелой кавалерией и дворянской гвардией, которая после 1824 года начинает отодвигаться в тень. Из казаков составлялись и части конной полиции.

Так сложилось, что казачество в целом, к моменту Гражданской войны, осталось верным престолу, а потому после победы Советской власти жесточайше преследовалось и уничтожалось. (По приказу Я. Свердлова из 4 млн. казаков было зверски уничтожено 2,5 млн., причем вырезали целые деревни, с женщинами и детьми.)

Некоторая «реабилитация» казачества произошла лишь незадолго до второй мировой войны. Политические противники Сталина (Орлов, Фельбин, к примеру) ставили ему в особую вину возрождение казачьих частей.

Возрождение это, впрочем, коснулось только формы войск да терминологии. Возрождения казачьего общинного землепользования и самоуправления не последовало. (В целом у казачества было отобрано несколько миллионов гектаров пахотных земель, а уральское и Семиреченское казачьи округа вовсе уничтожены и включены в Казахстан, в котором сейчас, после отделения именно потому русские и составляют более 60 процентов численности населения республики, подвергаясь меж тем, национальной дискриминации на своих же собственных землях.)

Скорострельное и автоматическое оружие, появление танков и авиации, положили конец конному войску. Все попытки применить кавалерию в годы Отечественной войны оканчивались ничем. В конном строю не поскачешь на танки, да и против автоматного огня конь бессилен. Казалось бы, история казачьих войск, последний раз проявивших себя в Гражданской войне, на этом должна была и закончиться, что и декларировалась многими борзописцами – западниками, заодно приговорившими к уничтожению и всех лошадей скопом, якобы ненужных в современном хозяйстве. К слову сказать, меня наши «западники» постоянно ставят в тупик. Расстилаясь перед той же Америкой, как не заметили они, что в высокомеханизированном хозяйстве американского фермера конь отнюдь не исчез, и занимает свое место, отнюдь не покрываемое машиной? Но это к слову.

Вернемся к казачьей истории. С первыми сполохами «перестройки»

зашевелились и наши потомки казаков. Явились книги, доказывающие, что казаки – это особая нация, а поскольку взят курс на отделение наций, то посему... Своеобразие проблемы тут было в том, что казачеству статус особого народа понадобился отнюдь не для отделения от России, а для возрождения своих традиционных прав и своей казачьей демократии. Выяснилось, что и без коня казак – все равно казак, что он во многом отличен от среднего советского обывателя. Он более активен, более храбр, более напорист, более честен в работе, более патриотичен сверх всего прочего, более наделен той самой избыточной энергией действия, которую Л. Н. Гумилев назвал «пассионарностью».

Конечно! Разумеется! И спекуляции хватало, и самонаделения высокими воинскими званиями (особенно, как говорят, во Всевеликом войске Донском) и много прочей всяческой пены. Но было и главное, корневое: возрождалось традиционное военно-служилое сословие России, возрождалась ее ударная мощь. Оказалось, что история казачества далеко не окончена, и, может быть, у нас на глазах рождается ее новый виток. Не забудем и того, что самое значительное произведение советской довоенной прозы – «Тихий Дон», посвящен именно казачеству.

Следовало лишь наделить казаков землей и правами, да снабдить оружием, чтобы вообще снять проблему южных границ, для обороны, - даже просто для охраны которых (10 тысяч километров!) никакой регулярной армии не хватит.

Но и тут у нашего псевдодемократического правительства началась «демократобоязнь». Как это так – самоуправление?! Как это так – казачий круг?! Какой – такой круг! Эдак и до Ельцина дойдет, и его на кругу скинут, как не оправдавшего доверия своих казаков атамана! Прямо последнего не говорилось, разумеется, но... «Но» это висит в воздухе и до сих пор.

Во всяком случае, возрожденное здесь, в Приднестровье, черноморское казачество, было первым казачьим войском, не только допущенным, не только признанным, но и, - чему пока аналогов нет, - официально

призванным на службу руководством Приднестровской республики. Передо мною сидит Юрий Семенович Мамонтов, войсковой старшина, начальник духовно-нравственного отдела черноморского казачьего войска.

Выясняем, что Черноморское казачество оказалось на государственной службе с момента образования, с 1991 года, а воинские звания казаков присваиваются у них строго в соответствии со званиями в Советской Армии (так, он сам – подполковник армии, чему и соответствует его звание старшины в казачьем войске.)

Устав черноморского казачества утвержден президентом республики и Верховным Советом Приднестровья. Есть казачий погранполк. Восемь казачьих застав. Боевая служба – платная. Войсковое управление содержится государством (военный и хозяйственный отделы). Служащие казаки числятся на действительной службе. Всего у черноморцев шесть казачьих округов. В каждом свои атаманы, есть свои казачьи предприятия, тут и в Новороссии, сельскохозяйственные, животноводческие, ремесленные, даже торговые. Казачье руководство выделяет вспомоществования нуждающимся, поддерживает семьи погибших казаков. Служащие казаки тут, по контракту, получают: рядовой состав (водители бэтээров и тягачей) 37-38 млн., офицеры 47-50 млн. (счет на местные деньги, по существу это очень немного. 50 млн. равны нашим 500 тыс. рублей. У нас милиция получает в несколько раз более. Кто работает, платит в войсковую казну взносы с зарплаты. Взносы невелики. За I-III кварталы 300 тыс., за IV – 500 тыс. (т. е. 3-5 тыс. нашими). Эти взносы платят и военнотружущие. Поскольку платить – решают сами казаки на своем кругу. Нуждающиеся казаки «платят» чисто символически.

Круг собирается по мере необходимости, но не реже одного раза в три месяца. Выглядит это весьма торжественно. В зале сидят казаки в форме, и в головных уборах. На сцене – атаманы казачьего войска, полукругом. Вокруг них располагаются: с левой стороны священник и войсковая икона, с правой – совет стариков. Открывая круг, назначается дежурный есаулец. Он объявляет повестку дня, регламент: сколько раз можно выступить одному и

тому же казаку. Выступающий казак снимает шапку, кланяется священнику и всему казачьему кругу, целует икону, и после того говорит. Ежели есть нужда сделать экстренное сообщение, каждый казак может снять шапку с головы и поднять ее вверх.

Для наведения порядка, чтобы не было брани на кругу, у есаульца имеется плетка и два-три пристава. Самое тяжкое наказание – когда выводят с круга, еще тяжелее – когда лишают права присутствия на кругу. Ежели есаулец поднял нагайку – все замолкают. Круг, кроме того, не может состояться без священника. Ежели священник почему-либо вышел, круг теряет свои полномочия. Совет стариков действует только на кругу. В повседневной жизни казаками руководит атаман, по принципу строго единоначалия. В старину каждому казаку выделялся атаманом земельный участок из общинных земель, «кош», сроком на один год, для посева хлебов. Уже разработан закон, предусматривающий возрождение этой старой системы. Черноморское войско было до Екатерины II и распалось после разгона Запорожской Сечи. Возродилось вновь с 1860 года, но его называли кубанским. И, собственно, как черноморское войско организовалось только в 1991 году, а кубанским ныне является то, которое на Кубани. Ставропольские казаки, приграничные с Чечней, отъединились в особое войско. В свою очередь возродилось и Донское Всевеликое войско. (Оно, по словам Мамонтова, как раз и грешит самостоятельным присвоением чинов, а тот командир казачьей сотни, которого я описывал в 1992 году, как кажется, оказался нечист на руку, увез сколько-то автоматов, а ныне произвел себя в казачьи генералы... Бог с ним! Это уже казачьи дела, в которых, надеюсь, возрожденное казачество разберется и без подсказки со стороны.)

Во всяком случае, национальному русскому правительству России, ежели оно, наконец, явится, следует накрепко запомнить, что без возрождения всех (решительно всех!) казачьих армий, от Амура и до Днестра, нам нашей южной границы никак не удержать, а ежели так, - то придется проститься и с Дальним Востоком и с Сибирью, а, следовательно,

проститься и с мечтой о Великой России. Ну, а жить в статусе Румынии нам никто не позволит, ибо великим нациям никогда не прощают их прежнего величия.

Наконец, сегодня, встречаюсь с атаманом черноморского казачества Владимиром Ивановичем Рябинским.

Передо мною – пожилой, прошедший все на свете: и войну, и Афган, и колхозное строительство, человек, с тем бесконечно добрым все понимающим лицом, которое только и может быть у русского человека... Он никого не ругает, никого не клянет, он прошел все степени советского воспитания. Он учил, что руководить в деревне должны бедняки, трудовая кость, и увидел пьянь и лодырей, людей, которые ухитрились никогда в жизни не работать и, при этом, всем руководить – с тем неизбежным результатом, к которому приводили и на юге, и на севере страны наше сельское хозяйство. Таких же вот горе-руководителей из прежних комбедовцев, «врагов собственности» (чужой, разумеется, так как своей не было, да и быть не могло).

Он хвалит Смирнова, у которого, кажется, есть понимание истинных проблем казачества, а истинные эти проблемы – не красивая форма, не оплата службы, не красочные праздники и даже не казачьи «круги», вся проблема казачества (разумеется должного быть организованным всесоюзно) заключается в одном-единственном слове – станица. Дайте казакам землю! И не просто землю! Дайте целостные массивы земель, где казаки создадут столь же целостные, свои, земельные хозяйства. Где будет станица, и где будет станичный атаман, и будет станичный полк (не на конях, а на бэтэрах и танковой броне!). Тот самый, в шесть сотен душ, поднимаемый и встающий враз, по приказу, на защиту Родины. Все прочее – паллиативы, все прочее не даст главного, не сделает казачество единым военно-хозяйственным организмом, каковым казачество являлось, и каковым оно может и хочет явиться вновь. В мирное время – организованное трудовое население, хлеборобы, которые разом избавят Россию от любых покупок хлеба за

рубежом. А в военное время – сплошная неодолимая защита всей нашей южной границы древнего Великого шелкового пути, защита Дальнего Востока и Приамурья. Защита казахских степей. (Куда очень могут вылиться китайские армии! Вспоминать об этом, когда «произойдет», станет поздно! Военное население должно быть создано, возрождено там именно сейчас!)

В условиях грязной чеченской войны казаков, оказывается, специально оттянули из Чечни, лишили оружия, отобрали и отдали чеченцам земли по Сунже, истари принадлежавшие казачеству – почему? Кому персонально все это было нужно? (Так же как кому нужна, - до сих пор, - блокада Абхазии, блокада Приднестровья?!) Россия, проснись, наконец, и пойми, что обустройство казачества, организация казачьих станиц, сплошного военного населения южного приграничья России, это вопрос – жить или умереть великой стране, жить или умереть, и не меньше! Что в истинной борьбе за истинную демократию вопрос восстановления казачества – вопрос номер один для всей России, и более серьезного вопроса сейчас, по существу, нет. Верните казачьи станицы, и вы спасете Россию, и направите ее по единственно правильному пути демократических (исторических!) преобразований, без которых мы в считанные годы изгибнем, и никакие «сникерсы» уже не помогут нам даже попросту остаться в живых.

...Мы говорим о недавней войне, о Бендерах, и меня, вдруг, до дрожи пронзает признание Рябинского, что он (боевой атаман и все такое прочее!) был более всего потрясен – когда увидел машину, везущую убитых с фронта, из Бендер. Машина шла, а из нее лилась на дорогу тоненькая непрерывная, как ручеек, лента крови... Ток крови, потрясший казачьего атамана более всего!

IX

БЕНДЕРЫ.

Июнь-июль 1992 г.

Два казака-бендерчанина, - недавно избранные атаман и кошевой,

рослые, видные мужики, один чернокудрявый, слегка разбойный видом, совсем не расположены говорить с очередным журналистом из Москвы. Скороговоркой объясняют систему управления: атаман, товарищ атамана (так сказать, первый зам.), кошевой атаман (тот, кто ведет казну казаков и все остальные хозяйственные дела) есть еще походный атаман, избираемый на случай войны. Я пытаюсь узнать у них, как происходил штурм моста через Днестр.

- Это надо Цветкова Сергея спросить – он танкист, а первым прорвался в город на броне Серега Рачинский, вот с ними и поговорите! Вы 17-го декабря к нам приезжайте, будет пятая годовщина черноморского казачества. Это мы здесь в маскировочной форме, вы там нас посмотрите, во всей красе! Да расскажут наши, и как по тылам ходили! Много крови попортили им! (Вот тут-то, кажется, и было сказано, что кабы их не сдерживали, казаки уже тогда оказались в Кишиневе.)

Событий в Бендерах мы тогда, в 1992 году, не застали. Андреева весною зря надеялась, что Бендеры не удастся разоружить. Разоружили-таки, разгородили улицы от бетонных блоков.

Рассказывает Нина Васильевна Усатенко, председатель забасткома гор. Бендеры:

«В марте-апреле были посты на дорогах, город был заблокирован. Мы, забастком, готовили кушать для наших бойцов. И так было до середины апреля. А в конце мая город разгородили, - мол, никакой опасности нет.

Действительно, была создана четырехсторонняя комиссия, которая 18-го июня торжественно заявила о заключении перемирия. (И в тот же день, 18-го, уже подтягивались войска Молдовы для штурма города. Военную повестку с датой «18-е» нашли в бумажнике одного из убитых румын. Сдали ее в музей. Но в музее появились, спустя время, трое вполне интеллигентных с виду посетителей, повернулись и ушли, и повестка исчезла вместе с ними.

То есть, все готовилось заранее под прикрытием заседательской трепотни, и Москва, и Украина, по-видимому, великолепно знали о том, что

должно воспоследовать, потому-то и отбирали заранее оружие у защитников Бендер!

Мы, группа писателей и журналистов, уже уехали в Москву, я уже написал свой «Приднестровский дневник», и, кажется, даже успел его напечатать, когда, вечером 19-го июня около 19 часов в город ворвались молдавско-румынские войска.

По газетам это выглядело как красивая, уже сложенная легенда. Румыны берут город, ополченцы из Тирасполя бросаются на штурм моста через Днестр, генерал Неткачев обещает помощь артиллерией, но обманывает, и вот приднестровская гвардия и ополченцы идут в сумасшедшую атаку, в ливень пуль (вспоминается Аркольский мост, слава Наполеона и переход через Чертов мост Суворова), атака захлебывается под убийственным огнем, захлебывается и вторая атака, мост завален трупами, собираются последние защитники, последние силы республики и идут на последний, третий штурм – мост взят, румыны бегут, бросая в панике оружие и технику, гвардия Днестра вступает в освобожденный город...

Для легенды это хорошо, даже слишком хорошо! Все было и так и не так... Или совсем не так! Начиная с того, что никто из переживших этот ужас не мог вспомнить сразу, когда же и кто взял этот пресловутый мост? Кто и когда погиб во время штурма?

19-е июня был спокойный летний день. Жара доходила до 30°, ветра не было вовсе. Город утопал в зелени, школьницы старших классов готовились к выпускным балам. Голоногие голенастые, еще не вполне сформировавшиеся девушки в накрахмаленных газовых юбках и неуклюжие, долговязые, робеющие и потеющие парни, только-только еще присматривались друг к другу. Школа осталась позади, впереди была у кого – высшая школа, у кого труд, у кого армия, у кого – будущая семья. Неясное трепетное ожидание любви, острый зов тела, вспыхивающий волнующий смех, полуулыбки на девичьих лицах... Музыка, готовая взорваться водопадом звуков... Вторжения молдавского ОПОНа не ожидал решительно

никто. Ведь еще вчера, восемнадцатого, на заседании четырехсторонней комиссии с участием представителей Румынии, Молдовы, России и Украины было постановлено, и утверждено парламентом Молдовы, что Приднестровский конфликт должен разрешаться только мирным путем. И даже услышав первые выстрелы, многие не поняли, что происходит.

Даже и намеренная провокация, устроенная молдавскими полициями днем 19-го мало кого насторожила. А провокация была продумана заранее. В шестом часу вечера (за полтора часа до вторжения!) к типографии (здание типографии от здания полиции находится меньше, чем в одном квартале) подъехали несколько гвардейцев, забрать отпечатанную накануне листовку. Их уже ждали. Двое гвардейцев были тотчас же арестованы. Прочие кинулись на выручку своим, началась стрельба, один из гвардейцев был убит выстрелом в спину. Все это ужасно напоминало вторжение немецкой армии в Польшу – помните? Переодетые в польскую форму эсэсовцы поднимают стрельбу и т. д.

Молдавско-румынские механизированные части по данному сигналу вступили в город с трех сторон, стремясь отрезать Бендеры от Днестра и сойтись вместе в центре города, у здания горисполкома. В окрестных селах, где был силен Народный фронт, спешно и насильственно собирали и вооружали людей «на выручку осажденной полиции».

С воем и грохотом мчались по цветущим улицам бэтээры, поливая все вокруг беспорядочным пулеметным огнем. Летели стекла, летела штукатурка со стен. Падали на землю подстреленные школьницы в накрахмаленных платяцах, прохожие валились ничком, заползали за выступы домов. Над крышей горисполкома завывала сирена, призывая к сопротивлению, хотя уже били прямой наводкой и по нему, высаживая оконные проемы вместе с рамами. Тяжелый прямоугольный параллелепипед горисполкома, счастливо прикрывший городской храм, весь покрылся коростою пулевых щербин. Молдоване били по крыше здания, стремясь сбить флаг, выбили глубокую яму в карнизе, но флаг, изрешеченный, пробитый во множестве мест,

продолжал стоять, а люди спустились в подвал, отстреливаясь из нижних окон. А напротив горисполкома, в начале одной из улиц, в здании, где помещался рабочий комитет, тоже шел бой. Забаррикадовавшиеся рабочкомовцы яростно отбивались. Никакой позиционной войны не было. Снегуровские вояки, сами напуганные своей победой, продолжали носиться на бэтэрах по улицам. Артиллерия непрерывно и бесцельно, «по площади», била по городу (и обстрел этот не прекращался двадцать семь часов подряд!). Там и тут загорались деревянные домишки горожан. Кое-кто перебежал улицы, пробираясь к себе домой или, напротив, на завод, торопясь влиться в рабочую дружину. Румынские бэтэры продолжали носиться и беспорядочно, безостановочно стрелять, остановиться, укрепиться где ни то они попросту боялись, не зная сил защитников города, не видя ничего в поднятом ими же дыму пожарниц и сплошной чащобе утопающего в зелени города.

Сирена над горисполкомом продолжала реветь, а когда смолкла, многие решили, что уже все кончено.

Румынская батарея противотанковых пушек «Рапира» оседлала подступы к мосту через Днестр. Напомним, что в пяти шагах от нее расположена Бендерская крепость с гарнизоном, буквально набитая бронетехникой и артиллерией, и с другой стороны въезда, за бетонным забором, располагался химполк, то есть молдавскую артиллерию можно было уничтожить единым залпом, но солдаты строго выполняли приказ Неткачева и «хранили нейтралитет», глядя, как у них на глазах опоновцы избивают граждан и защитников города, несмотря на то, что румынские снаряды залетали и к ним, несмотря даже на то, что от одного из последовавших взрывов погибло двадцать шесть ни в чем не повинных наших мальчиков.

Кто повел рано утром на прорыв из Тирасполя три учебных танка? Лишенные боекомплекта, едва шевелящиеся развалины, которые не смогли и стрелять. Ну, хоть гусеницами подавить! Быть может, тот самый офицер, о

котором рассказывал Николай Захарыч с его призывом: - «Россияне, за мной!» На беду румынской батареей командовал опытный русский офицер, Карасев, нанятый Косташем для войны с ПМР. Я пытаюсь понять, что двигало этим человеком? Ненависть ли к прежним художествам советской власти (что понять еще можно), циничный ли расчет на получение денежной mzды (что понять уже много трудней), а может быть, он так своеобразно понял наступление демократии? Русские из Кишинева воевали за право говорить на румынском языке, которого они не знали и не знают, за право подчиняться румынам... И за это надо было убивать друг друга?! Эх, россияне, россияне! Или мало вам было гражданской войны!

Но, во всяком случае, воевать полковник Карасев, как и почти всякий русский, умел. Отчаянные учебные танки были расстреляны им достаточно умело.

Кумулятивные, прожигающие снаряды проплавливают броню и взрываются внутри. В борьбе с ними на танк надевают как бы толстую рубашку – снаряд прожигает ее и взрывается на броне, не причиняя вреда экипажу. Тут защитной рубашки на машинах не было. Кумулятивный снаряд попал в триплекс ведущего танка. Последнее, что почувствовал водитель – это страшный жар, мгновенно высосавший весь воздух из легких и дальше – черная тьма.

Второй танк тоже горел, у третьего заклинило башню, и он отползал назад. Атака танков, к тому же не поддержанная пехотой, захлебнулась.

Потом будут спорить, было или не было, и что за танк все же прорвавшийся через мост, поднялся в гору и тут сгорел, а выползшего из него тяжело раненного водителя доби́ли румыны (труп долго лежал на лавке, где его видела Нина Васильевна, живущая как раз в угловой девятиэтажке, недалеко от въезда). Через пять лет и даты тех дней путаются в головах самих участников.

Прорвались через мост, уже при вторичной атаке, казаки, под прикрытием опять же танковой брони, причем из трех танков (как кажется,

буквально отбитых женским забасткомом под руководством Андреевой у 14-ой армии) один был опять же подбит, но два прошли (точнее – танк и бронетранспортер с казаками). Ворвавшиеся в город казаки смяли батарею Карасева. Впрочем – тут уже был и батальон «Днестр», и гвардия, и отряды ТСО. Все, кто только мог и был вооружен, кинувшиеся на защиту Бендер. Но, по воспоминаниям жителей, энергичнее всего действовали казаки или и это опять сложившаяся легенда, сложившаяся впоследствии? Да что сказать, не отдала бы 59-я мотострелковая дивизия свою бронетехнику Приднестровью, ежели бы у них самих не накопело в душе: - армия же мы, наконец! Меж тем, сразу же за вторжением, город наводнили снайпера, а также снайперши из латышских спортивных обществ. Расположившись на крышах высотных зданий, они обстреливали все живое, что двигалось по улицам, платили им за каждого убитого, независимо от того – военный или гражданский, мужчина или женщина, или ребенок перед ней. Какая-то из этих девиц настреляла аж тридцать три человека, и когда ее схватили, наконец, в Москве нашлись защитницы, требующие «не причинять ей зла».

Нина Васильевна рассказывала, что когда они разводили костер под стеною дома, чтобы сварить себе пищу, по ним, с крыши, вела огонь такая вот снайперша. Когда стрелка выследили, сбили наконец – оказалась девка, молодая, красивая! – сказывала Нина Васильевна, дивясь.

Я долго размышлял над этим. Понимаю забастком и Галину Степановну Андрееву, понимаю санитарок, жертвовавших жизнью, спасая раненых, понимаю разведчиц, понимаю женщин, берущих оружие, защищая свой дом. Но этих вот любительниц человечины, поехавших аж в чужую страну зарабатывать на свое приданое убийством детей и женщин, - понять не могу. То есть силюсь вообразить, как победная девица, счастливо возвратясь к себе в Латвию и вступивши в брак, заботливо раскладывает купленное приданое, объясняя счастливому супругу: - Вот это платице я купила на деньги, полученные за добитого мною раненого, а эти, что мне заплатили, за трех школьниц, переходивших улицу, мы отложим на покупку

машины, а деньги за расстрелянный детсад и старика на проспекте Ленина, давай, не будем тратить сейчас! Купим на них дачу!

Так или не так, но ежели по улицам станут ходить дамы, зарабатывающие убийством себе подобных, боюсь, что скоро мы все опустимся на четвереньки, начнем рычать и питаться человечинной. Я останавливаюсь так подробно на всех этих событиях еще и потому, что конфликт в Бендерах отнюдь не был таким уж локально «местным».

«В более широком глобальном значении на Днестре вступили в конфликт две геополитические и геокультурные ориентации, - на восточно-славянский мир украинско-русско-белорусского единства со стороны Тирасполя, и на латино-романский, враждебный России мир со стороны Кишинева, причем мир, в котором Молдавии в очередной раз отводится роль третьеразрядной державы, прикрывающей юго-восточный фланг Европы от восточного славянства»³.

И в этом вековом противостоянии город Бендеры оказался ключом к замку всей нашей юго-восточной линии обороны, центром, теряя который мы окончательно теряем и связь с Балканами.

Беда лишь в том, что ежели Запад в данном конфликте выступил во всеоружии своей традиционной политики, то с нашей-то, с восточно-славянской стороны, действовали подкупленные Западом правители, всячески пытавшиеся и тогда, и теперь, погубить этот несдавшийся кусочек русской земли, нагадить, навредить, - по существу даже и самим себе, ежели у них не было задачи немедленно бежать туда, на обожаемый запад, прихвативши наворованные леи, фунты, марки и доллары.

Я просматриваю уже сделанные записи, пытаюсь из всего этого, зачастую противоречивого, моря отдельных фактов, выудить нечто главное, слепить сколько-нибудь целостную картину штурма и обороны города.

Итак, основные звенья: 1) Вторжение молдавских воинских формирований (бронетехники, ОПОНа и добровольцев Народного фронта),

³ Цитирую по книге памяти защитников Приднестровья, изд. «Тирасполь», 1995 г, стр. 19.

19-го, с пяти и семи часов дня. 2) Отчаянные попытки переговоров с кишиневскими руководителями, которые вили и ввали, заранее зная обо всем и ожидая победных реляций. 3) Клятый штурм моста.

А быть может, сперва надо остановиться на действиях гвардии, на противоречивой фигуре Ю. Н. Костенко, организатора и командира второго батальона гвардии, расположенного в Бендерах, со всеми его метаниями, грубостью и отвагой, и с этим неполучившимся штурмом здания полиции? Или рассказать о расстреле отступающей колонны гвардейцев и ополчения своими же солдатами 14-ой армии под Бендерской крепостью? Или прежде рассказать о неизвестно чьем приказе оставить город? О бегстве жителей и защитников, о возвращении в пустой город сперва отдельных лиц, а там и всей армии? О казаках, о новом витке боев? Наконец, о поведении 14-ой армии и генерале Неткачеве? Или о том, о чем шушукаются по углам, о подозрительных действиях тираспольского коменданта, клятого майора Бергмана? Наконец, о генерале Лебеде – герое, спасителе или чрезвычайно ловком политике?

Обо всем этом надобно говорить, но – как? Я ведь не был, не знаю, не видал! Не вдыхал того горького дыма пожарищ, не прятался от пулеметных очередей за стенами домов, не выносил трупы, не держал в руках автомата...

Сегодня вечером, припозднившись, иду ужинать в «свой» ресторан, куда меня прикрепили, и где уже вовсю гуляет и веселится какая-то компания мужчин и женщин средних лет, весело отплясывая посередине зала. И пока я одиноко сижу за столиком, поглощая свой ужин, один из них, разгоряченный и выпивший, подходит ко мне, и жарко дыша, спрашивает: - «Кто вы? Зачем приехали сюда? Вы ведь все равно не напишете правды!» - «Почему?» - «Вы мне в глаза не смотрите! Мы не хотим воевать! Я уральский казак, мои родные там, и что мне, воевать с казаками, с урюками, как их у нас называют? Да меня там встречают, как своего! И что, убивать друг друга? Вы этого хотите от нас?» Подходит второй: - «Да пошел он на х...!» С третьим завязывается какой-то разговор. Он украинец, в частности бывал, и

не раз, в Румынии. Сравнивает тамошний порядок, поддерживаемый железным всевластием и жестокостью местной полиции, с нашим беспределом и повальным воровством... А я, слушая его, вспоминаю, какой идеальный порядок царит в Германии, и как несладко пришлось нам испытывать результаты этого порядка на своей шкуре в период немецкой оккупации. Но я не спорю, ибо защищать то, что творится у нас с разгулом дерьмократии и не могу, и не хочу, хотя мог бы ответить, что говоря о преимуществах чужого, мы постоянно забываем, что каких-то всеобщих, всем равно годящихся правил порядка по существу нет, и не может быть, ибо в каждом случае приходится считаться с особенностями национальной психологии и уже сложившимися традициями (что из русских классиков понимал, как кажется, только один Лесков).

- Как вы относитесь к Костенко? – спрашиваю я.

- Очень хорошо! Замечательный командир!

- Лебедь не виноват в его убийстве?

- Абсолютно не виноват!

- Тогда кто же, Бергман?

Женщина, что только что весело отплясывала, тянет его за шею:

- Пойдем! А вы – идите отсюда! Ест и пьет неизвестно за чей счет!

Нечего в ресторане сведения собирать! На улицу идите, там спрашивайте, а не здесь! Да, мы воевали, а теперь голодаем! А вам надо было в девяносто втором сюда приехать, а не теперь! Вы все равно ничего не поймете!

Потом тот, что обматерил меня, выходит за мною в прихожую, завязывается опять путанный, по-русски, разговор. Прежняя дама выскакивает за ним, пытается утянуть назад, но он уже и от нее отмахивается:

- Потом! Дед тот правильный, он дело говорит, стой!

Кончается тем, что мы взаимно извиняемся, несколько раз крепко жмем руки друг другу, и обнимаемся на прощанье. И я гляжу в его открытое, твердое, очень немолодое лицо и чувствую, что он, в сущности, прав, и права эта женщина!

Вот передо мною лежат мои записи, а вот целая книга, составленная из высказываний и рассказов участников событий июня-июля 1992 года Г. Н. Воловым: «Кровавое лето в Бендерах». Вся книга его и состоит из таких вот коротких и пространных интервью свидетелей, по которым восстанавливается жестокая картина необъявленной войны, и понимаю, что переписывать все это и невозможно, и не нужно, и что можно расспросить еще сотни людей, и каждый из них сообщит тебе все неновые и новые одинаково драгоценные сведения, и что, вместе с тем – так книги не пишут! Вернее, так не пишут книги из тех, что задумана мною, и что мне надобно что-то обобщить, извлечь главное (однако не повторяя уже сделанную, и сделанную прекрасно, работу Волового!), чтобы не утонуть во всех этих завораживающих фактах, перед которыми рушатся во прах литературные заготовки типа: - «На углу такой-то и такой-то улиц весело пылал подожженный румынский БТР, рвался, выбрасывая снопы голубых искр, боезапас, взрывною волной вышибая последние стекла из еще кое-где сохранившихся окон», - и так далее, в том же духе.

Повторим тут, что несомненно, захват города осуществлялся по заранее разработанному плану, однако зачастую плохо подготовленными солдатами.

Итак, атакующие колонны двигались к центру одновременно по трем дорогам. Одна из них, Кишиневская, что огибает крепость, выходя на мост. Опоновцы двигались по ней, обезопасив себя нейтралитетом 14-ой армии. Другая идет с запада, переходя в улицу Суворова, и разрезает город пополам, тоже, в конце концов, выходя к мосту через Днестр. Часть опоновцев сгружалась с прибывшего дизельного поезда. Ополченцы Народного фронта приходили из окрестных, поддерживающих Народный фронт, деревень. Они-то, наряду с ОПОНОм, и творили, как кажется, наибольшие безобразия над мирным населением города.

Многие подготовленные к штурму военные части уже заранее были подтянуты к городу, еще до всяких липовых соглашений о мире, и ворвались в Бендеры, как только получили приказ.

Воловой в своей книге помимо многочисленных высказываний очевидцев и участников боев, последовательно цитирует тогдашних руководителей города, председателя исполкома Бендерского горсовета В. Когута, заместителя начальника штаба гвардии Приднестровской Молдавской республики В. Атаманюка, депутата Г. Пологова и Ф. Доброва, тогдашнего председателя рабочего комитета г. Бендеры (теперь он председатель горсовета, но возглавляет и рабочком). Пологов, в частности, рассказывает о том, что происходило в Кишиневе, где депутаты Приднестровья, когда-то избитые и арестованные, решили появиться вновь, дабы попытаться погасить конфликт с Молдовой мирными средствами.

А в Кишиневе все происходило по сто раз повторенному и изрядно надоевшему сценарию. Руководство Молдовы пряталось, не подходили к телефонам, застигнутые – ввали, уверяя, что «все не так!» Не было, мол, танков, когда гусеницы танков утюжили асфальт на центральных улицах Бендер. Не было самолетов – когда бомбы падали на пригород Тирасполя, Парканы, и вообще не было вторжения, а лишь защита полиции от напавших на нее гвардейцев. И, повторяя всю эту чушь, многие из них все-таки нервничали и тряслись, мысленно торопя события, надеясь, что быстрый захват Бендер попросту прекратит всякие там перемирные разговоры.

Я пытаюсь вновь разобраться в ворохе сведений, выделить самое характерное или хоть самое яркое, что ли!

Несомненно, в первые часы город охватила паника. Не было никакого организованного отпора. Сумятицу увеличивали мечущиеся по улицам испуганные жители, и те, что искали своих или пробирались домой, и те, кто пытался достать хлеба и молока для детей в еще не разгромленных магазинах. Какое-то организованное сопротивление началось только в самом здании горисполкома, да в рабочкоме, куда прорывались отдельные группы защитников, требуя оружия, и разыскивая своих командиров. Но, как уже говорилось, еще утром 19-го никто не знал, не чуял беды. Кажется, лишь командир местного батальона республиканской гвардии, Ю. Костенко,

почуял неладное. Он даже арестовал нескольких военнослужащих Молдовы, нелегально проникших в город. Тем часом сочинили листовку, призывающую к миру и согласию. Вот за этой-то листовкой и отправились в типографию двое гвардейцев, тут же схваченных полицией.

События дальше разворачивались стремительно. Полицейские напали на автомобиль гвардейцев, кто-то вызвал милицию, началась стрельба. (Кстати, оружие полицейским завозили заранее, прикрывая его щебенкой.) В Варнице спешно созвали волонтеров Народного фронта Молдовы, идти на помощь якобы осажденным полицейским. На площади перед горисполкомом как раз в этот час столпились родители с колясками, разбиравшие своих детей из детского сада. Когда с крыши соседней фабрики «Флоричка» по ним началась стрельба. Матери стали падать грудью на коляски, своим телом прикрывая малышей от пуль. К счастью, никто не был убит. Верно, хотели только попугать. Люди, бежавшие к своим домам, осклизались на гудах битого стекла, так как из магазинов, расположенных против горисполкома, были выбиты все окна.

В. Когут в это время по радио призвал полицию и гвардейцев прекратить огонь и разойтись. Уже появились первые трупы. Далее цитирую по книге Волового:

«Стрельба разгоралась. Кто-то высказал мысль, что в Кишиневе произошел военный переворот, и к власти пришли И. Косташ и А. Плугару, они-то, мол, и развязали войну». Парадокс заключался в том, что все время продолжались телефонные переговоры Бендерского горсовета с кишиневской администрацией в лице председателя комиссии парламента Молдовы по борьбе с преступностью В. Берлинского, который, впрочем, тоже «удивлялся и не понимал». Прочие попрятались, и их было никак, ну никак невозможно найти! По-прежнему муссировался слух о необходимости помочь осажденной полиции.

А в Бендерах начинались школьные балы, начинался концерт во дворце культуры.

С Суворовской горы шла молдавская техника: бронетранспортеры, танки, КамАЗы с десантом, с белыми повязками на рукавах – чтобы различить своих, полевая форма у тех и других была одинаковая. На город все гуще падали снаряды.

Комбат Костенко в четыре часа уехал домой, а к пяти на казарму батальона устремились два бронетранспортера. Хорошо подготовленная часть не теряется и в отсутствии командира. Гвардейцам с помощью КамАЗа, обшитого бронелистами, удалось загнать бэтээры во двор и заблокировать въезд в него. Молодые опоновцы, занявшие, было, село Протягайловку, потеряв эти два бэтээра, кинулись, что называется, врассыпную, стреляя в воздух, и побежали к Гербовецкому лесу.

Любопытно сравнить официальную версию действий полиции комиссара горотдела полиции В. Гусякова, где полицаи выглядят эдакими ангелами, охраняющими детей, а погибший в бою младший лейтенант Зудин невинно пострадавшим (без оружия! В гражданской одежде!) с рассказом одного из полицейских, признававшегося в том, что их вооружили еще первого апреля, что Гусяков разрабатывал план захвата моста через Днестр, что погибший Зудин попросту перебежал под огнем на позиции, которые следовало занимать по плану обороны «Перебежал без бронежилета, его пуля и свалила».

Костенко, которого искали, чтобы прекратить стрельбу, уже вел бой с наступающими опоновцами.

Скажем сразу, по всеобщему мнению бендерчан, без Костенко город бы пал в первые же часы и даже минуты штурма.

Вступали в бой отряды МСО – местной городской самообороны, с боями отступавшие к центру. Не хватало патронов, на все ТСО было всего пятьдесят автоматов, да и многие бойцы, по случаю пятницы, ушли домой.

К вечеру тут узнали, что по Коммунистической (улица, параллельная Суворовской, поближе к центру) движутся молдавские бэтээры с десантом и БМП (боевая машина пехоты). Бойцы ТСО привязали мины к деревьям, и

когда те подошли, взорвали их. Взрывом смело десант с бэтээров.

- Я поинтересовался, а где БМП? – досказывает командир подразделения ТСО – разведка нашла машину у продовольственного магазина напротив фабрики «Флоаре». Экипаж «героически» грабил магазин.

Пьяные опоновцы с какой-то упорной дуростью стреляли даже по машинам «Скорой помощи», пытавшейся подобрать ихних же, молдовских раненых. Уже часам к семи вечера по дуге железной дороге, огибающей крепость, подошел дизельный поезд с опоновским десантом – человек сто. Часть из них побежала к мосту через Днестр, часть, ведя огонь, к станции. Регулярные войска Молдовы и волонтеры все прибывали и прибывали, с севера от Варницы, от Суворовской горы, где копилась бронетехника и батареи.

Костенко пытался сделать из пожарной машины огнемёт для штурма полиции, что оказалось технически невозможно.

С крыши строящегося общежития, и из слуховых окон в центре уже велась по городу снайперская стрельба. К вечеру к молчаливой крепости подошли со стороны Варницы молдовские волонтеры с гранатометами и опоновцы в защитной форме. Подошла техника – несколько десятков МТЛБ и бэтээров, и открыли огонь вдоль крепости, по направлению моста. В девятом часу на тягачах были подвезены сюда две артиллерийские батареи по шесть пушек (предыдущая колонна БМП и БТР ушла в город) позже подвезли минометную батарею (по-видимому, здесь и командовал полковник Карасев).

В сгущающихся сумерках по городу, со стороны Суворовской горы, полетели ракеты «Алазань»⁴ одна разорвалась прямо в крепости. Начались пожары. В наступающей темноте вспыхивали красные языки пламени, небо прочерчивали струи трассирующих пуль.

Только тут, наконец, горисполком решением исполкома и Совета

⁴ «Алазань» - эти ракеты предназначались для разгона туч над виноградниками в пору созревания урожая, и возможности прицельной стрельбы у них минимальные.

обороны города (были сам Когут, Харченко и др.) принял решение поднимать людей на защиту Бендер. (Это касалось милиции и заводских рабочих отрядов, которые надо было еще собрать.) Свидетели последующих событий уверяли меня, что наибольшую дисциплину и мужество проявили как раз эти рабочие отряды. Но им не хватало оружия! Пока в Кишиневе решали, правомерно ли, что наряду с полицией и ОПОНОм для захвата города используются части регулярной армии (меж тем они уже использовались!), а Мирчо Снегур прятался от телефонных звонков, ожидая реляции о взятии Бендер, рабочие по одному – по два пробирались к осажденному горисполкому и расположенному напротив него рабочему комитету, а через Днестр, под пулями, проскочили в город три десятка казаков, вызванных кошевым атаманом Сорокалетовым. У республиканской гвардии Тирасполя казаки получили пять гранатометов и пятнадцать снарядов к ним. В Бендерах на площади перед горисполкомом их встретило около сотни мужчин и парней, просивших оружия. Помочь им было, увы, нечем.

Казаки тотчас разбились на пятерки. Семеро поднялись на главпочтамт, а походный атаман Дриглов, взяв два гранатомета и шесть снарядов, пошел уничтожать технику, уже густо наводнившую улицы. Пользуясь тем, что у защитников не было тяжелого вооружения молдавские БТР и МТЛБ, самоходные установки «Шилка» челноками сновали по улице Суворова. Колонны шли от Суворовской горы к мосту. Были атакованы казармы гвардии и горсовет, защитники коего отвечали автоматным огнем.

Группа Дриглова расположилась во дворе магазина на углу улиц Суворова и Советской. Цитирую: «Среди них был О. Оттингер, по национальности немец, но считавший себя казаком, так как казак, - говорил он, - это не нация, а понятие интернациональное. Именно этому парню удалось подбить из гранатомета вначале один, затем другой бронетранспортеры, прорывавшиеся к исполкому. Его в это время прикрывал Дриглов. Однако, когда Оттингер пытался добить убегающий БТР, с крыши девятиэтажного дома напротив выстрелил снайпер и убил его. Затем в

Дриглова метнули две гранаты. Первую он поднял и отбросил, вторую успел поднять и замахнуться, но она разорвалась у него в руке. Дриглов упал на Оттингера, и так вместе они и лежали. Рядом находившийся казак Сорокалетов был тяжело ранен, и успел заползти в подъезд (его сумели доставить в санбат только через сутки, и Сорокалетов умер во время операции). Еще одного казака скосила очередь из промчавшегося БТР.

У защитников горисполкома не было ни гранат, ни, даже, бутылок с горючей смесью. Со стороны поликлиники прорвалась МТЛБ, расстреливали все подряд. Подбить ее было нечем. В районе ресторана «Нистру» на набережной Днестра, ополченец Владимир Шефир атаковал самоходную установку «Шилка», выстрелив по ней из гранатомета «Оса». По национальности он был немец, накануне этих событий получил визу в ФРГ. Но как только зазвучал сигнал тревоги, он сразу стал в ряды защитников города. К сожалению, выпущенная им граната только скользнула по броне. «Шилка» развернула стволы, и сразу из всех четырех расстреляла его в упор. Вот что говорит Володина девушка, готовившая чай для защитников города: «Попив воды, Володя, помню, сказал, что если до утра Бендеры выстоят, то выстоит и Приднестровье. Затем, взяв чайник, он побежал к ребятам.»

Мир праху твоему, Володя! А может быть, и не надо было тебе уезжать в чужую для тебя бюргерскую рассудочную Германию! Там бы ты скоро почувствовал себя ненужным и чужим. Ты погиб, защищая свою родину, и пусть теплый ветер с Днестра овеивает твою могилу!

...А в крепости, куда уже падали снаряды, рвались склады, горела техника, действовал один приказ: молчать и не ввязываться. И какой-то молдавский генерал Т. Добиджа имел наглость угрожать, что-де, ежели крепость будет укрывать у себя ополченцев, он откроет по крепости огонь.

Только тут генерал Неткачев позволил армии... отстреливаться в случае нападения на крепость!

День 20-е июня начался с массированного обстрела города артиллерией и ракетами «Алазань». Ночью почти непрерывно к центру города и

автомобильному мосту через Днестр подходили все новые колонны молдовской техники, БТР, орудия, минометные установки, самоходки «Шилка», грузовики с пехотой.

В предутренней темноте к исполкому пробился рабочий отряд с завода «Прибор». Они смогли получить в гвардии оружие, патроны и гранаты, и долго, окольными путями, потеряв одного из своих, пробирались к центру города. Подходили иные. Впоследствии, по спискам, защитников насчитали 96 человек.

Люди продолжали верить в помощь 14-ой армии. И когда пошла техника, кто-то подумал, что наши, бросались встречать. Но это была молдовская армия, два грузовых ЗИЛа с людьми, тянувшие две зенитные пушки, три автомобиля ГАЗ-53 и МАЗ, тащившие на прицепах зенитные пулеметы. ЗИЛы с пушками выехали на площадь, открыв стрельбу по выбежавшим ополченцам. Двоих срезало, третий, с криком: «Румыны!» - побежал назад. (Здесь тоже Снегуровскую армию называли румынами, хотя на машинах сидели, проводниками, свои же городские полицейские, а команды отдавались на русском языке.)

Однако «румыны» не знали про казаков, все еще находившихся на крыше главпочтамта. На перекрестке Лазо и Суворова на колонну обрушился огонь казаков. Автомобиль вспыхнул, начали рваться боеприпасы. В следующей машине взорвался баллон с газом. Для полного разгрома колонны одного гранатомета не хватило. Казаки начали забрасывать машины гранатами. От взрывов боезапаса летели последние стекла в окрестных домах. Останки тел ополченцев взрывами раскидывало по сторонам. Слово казачьему атаману:

«Запылал гигантский костер. Стало ясно, что мы эту колонну разгромили. Тогда ребята сели на крыше в круг и запели под грохот рвущихся боеприпасов: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...» С неба начали падать осколки, и атаман увел своих ребят на четвертый этаж.

Ю. Костенко воротился из Тирасполя 19-го часов в семь вечера.

Пытался пробиться в батальон – не удалось. Вся техника, что стояла у рабочего комитета города (УАЗики, КаМАЗ, «Нива») была расстреляна румынским БТР.

Начальник обороны Приднестровья, Кицак, по телефону из Тирасполя, звонил, узнавал, не верил происходящему, убеждал, что это провокация, что огонь скоро прекратят.

К 23 часам в рабочкоме развернули медсанбат.

В 4 часа утра двадцатого началась атака. Отбиваясь, берегли патроны. Отбили у опоновцев пулемет, стреляли из него. В 14 часов Костенко по всей линии обороны приказал стрелять одиночными. Ни бронетехники, ни боеприпасов. В рабочкоме царило состояние полной безысходности.

Но что-то начинало сдвигаться и в настроениях 14-ой армии. По очередной колонне румынских МТЛБ и БТР-80 ударили из крепости (впрочем, стреляли пробившиеся туда милиционеры). Рассказывает работник милиции:

«Мы пошли в крепость зашли в штаб, где собрались офицеры. Рассказали, что на город совершено нападение, спросили, будут ли они или нет воевать за город? В ответ прозвучало общее «да!». Я подошел к командиру, потребовал оружия. Он отказал. Тогда я передернул затвор, и говорю: «Не дашь, расстреляю!» Договорились позвонить его начальнику. Тот говорит: «Раз так, - берите всю ответственность на себя». Мы вскрыли склады, выдали офицерам гранатометы, патроны. Тут же стали подходить солдаты, - мол, ежели не дадим им оружия, они уйдут из крепости. Выделили и им. Я понимал, что в городе идет война, и что без оружия не устоим. Уже к началу нового дня (20-го) разбросали людей по позициям и приготовились к бою. Когда пошла колонна румынской техники, поразились, насколько плотно машины следуют друг за другом. Первый МТЛБ подбили сразу, БТР успел уйти по трассе. Выстрелами остановили и еще несколько бронированных машин. Автобусы, набитые солдатами, постигла та же участь. Часть техники все же успела проскочить. Четыре МТЛБ через

автомобильный мост двинулись на Парканы, но их отбили огнем, подбив одну из машин. Думаю, что это была атака для захвата моста и плацдарма на левом берегу».

У Ю. Костенко в батальоне, сообщает Воловой, было 400 человек и 500 автоматов. На самом деле (батальон только еще организовывался) у него было всего 180 бойцов (даже 177). Ждали рассвета (в ночь на 20-е), просили армию поддержать штурм моста. Опоновцы били по зданию исполкома, стараясь сбить флаг. Но флаг упорно стоял. Две девушки 19-ти лет, с медобразованим, случайно оказавшиеся в исполкоме, взяли на себя заботу о раненых. Они-то и пытались спасти Сорокалетова, принесенного, наконец, в медсанбат (до того, под огнем, невозможно было миновать площадь). Не было того, другого, третьего. Вместо катетера использовали оболочку телефонного кабеля. И шли бесконечные звонки в Кишинев, в парламент Молдовы, а там все обещали разобраться, и слали новые колонны бронетехники в упрямый город.

Горожанка Ульянова: «На рассвете началось что-то страшнее. Сначала раздавался оглушительный залиvistый свист, потом подымалась бешеная стрельба, продолжалась минут пятнадцать, и стихала до очередного свиста. А особенно жутко стало, когда полетели, - я не знаю, что это было – какие-то ярко огненные шары. Они летели, и было такое впечатление, что летят прямо в тебя, в твою квартиру. Стоишь и не знаешь, что делать и просишь только Бога, только его, потому что больше некому тебя спасти.

Когда рассвело, бояться уже не было сил. Небо заволкло дымом и гарью. Мы вскрыли подвал, жители собрались туда. В минуты затишья выходили во двор, глотнуть свежего воздуха. Но разве можно было назвать его свежим: пропитанный гарью пожаров, горький от горелого пороха, он вызывал сухой кашель. Рядом от прямого попадания снаряда загорелось несколько квартир. Мы позвонили пожарным, но нам ответили, что все пожарные машины расстреляны, тушить пожары некому и нечем.

К 9 часам утра 20-го Военными Силами Молдовы захвачены депо и

вокзал, обстрелян шелковый комбинат. Бронетранспортеры Молдовы с десантом проследовали к казармам 2-го батальона гвардии. По кишиневской трассе движется румынская бронетехника.

В это время к гвардейцам шли и шли добровольцы, просили, требовали оружия. Какая-то бабушка пришла с большой куклой, просила начинить ее взрывчаткой:

- Пойду, мол, в полицию, и взорву себя. «Я пожила при румынах, и знаю, что это такое. Мне осталось мало жить, так хоть нескольких за собой потащу».

Число раненых в медсанбате батальона перевалило уже за двести человек. Надеялись лишь на то, что, по слухам, с левого берега готовятся отбивать мост. «Это было единственной нашей надеждой». Президент МНР И. Смирнов тщетно упрашивал Неткачева вмешаться, разъединить, остановить бойню, хотя бы дать технику из заминированных Неткачевым складов. Звонили маршалу Шапошникову. Он отказывался помочь. «Мне пришлось его спросить, чего он ждет? Сколько нужно трупов в Бендерах, чтобы армия что-то предприняла?» Меж тем не дремал женский забастком. К заминированным складам подкатили бульдозеры. Только тут генерал Неткачев согласился дать три танка... Но каких! Это были учебно-боевые машины, без пулеметов, с испорченными механизмами. В Парканах царило неразбериха. Танкистам, что сели в неизученные ими машины, кричали: - «Скорей!»

- И вот эти испорченные танки пошли в атаку на мост. Непристрелянные орудия палили не туда, куда показывал прицел. Все-таки подбили один румынский БТР. Кто-то влез накоротко в танк перед самой атакой и отключил механизм заряжания. Пулемет не работал. Душила злость. Пришлось отступить. Потом румыны подвезли орудия (это был расчет Карасева). Танки не были поддержаны пехотой. Во вторичной атаке орудия Молдовы подбили и сожгли два танка. Раненый танкист уже в городе узнал, что румынские солдаты убежали от орудий и огонь вел офицерский расчет.

При исправных машинах и согласованном командовании в город можно было прорваться уже тогда.

А в парламенте Молдовы все разговаривали, и народный депутат В. Шоба уговаривал Берлинского допустить его к Мирчо Снегуру, который отказался от встречи, но заявил, что в 16 часов дня Бендеры должны сдаться и сдать оружие, иначе город будет уничтожен.

В атаку на исполком пошел опоновский десант, около 300 человек. От взрывов рушились и сдвигались бетонные перекрытия. А в помещении полиции избивали пленных гвардейцев.

Меж тем атака опоновцев на горисполком была отбита. (В ходе боя председателя исполкома Когута контузило взрывной волной.)

К вечеру радио Молдовы сообщило, что город взят, и было передано заявление Мирчо Снегура: «Граждане Бендер, будьте спокойны, в городе устанавливается конституционный порядок».

Этот деятель, сходство физиономии которого с бычьей головой, изображенной на гербе Молдовы, отмечают многие, видимо, не лишен был моментами своеобразного остроумия. Но и в остроумии его проглядывало нечто бычье.

Над Бендерами стлался едкий дым сгорающих домов. Опоновцы и солдаты армии Молдовы громили магазины, склады предприятий, до которых им удалось добраться, вывозя буквально все, вплоть до металлических труб и заводских поточных линий, а что не могли вывезти, портили и жгли (характерно, что и это все делалось не самостийно, а по указанию министра национальной безопасности Молдовы А. Плугару). На ткацкой фабрике горели тюки хлопка, тогда уже дефицитного. Опоновцы насиловали женщин и грабили квартиры. Все это, по-видимому, Снегур и понимал под «конституционным порядком».

В горячем воздухе, плохо подымаясь ввысь, горький дым стлался по улицам.

Меж тем в «захваченном» городе продолжался бой. Рассказывает казак

В. Рябинский: «Обстрел исполкома иногда смолкал, и в одну из таких минут один из ополченцев, молодой парень, у которого не было оружия, спрашивает меня: что нужно, чтобы стать казаком? Я ответил: - зарекомендовать себя. Смотрю – исчез. Чуть погодя, когда стало вечереть, со стороны церкви к нам движется МТЛБ и кто-то кричит из него. Когда разобрались, увидели этого парня. Он один пошел к мосту, и где-то в районе мебельного магазина нашел МТЛБ, который и пригнал к нам. Мы сразу приняли его в казаки, а в боевую машину посадили свой экипаж. Тогда ведь каждая бронированная машина для нас была на вес золота. Кроме нескольких БТР-ов гвардейцев, большую часть из которых подбили к этому времени, у нас ничего не было».

Наконец, к вечеру двадцатого, в 20 часов 20 минут со стороны села Парканы началась новая атака моста. Надо сказать, что опоновцы, углядев российские значки на наступающих танках, перетрусили. Они решили, что в бой наконец включилась 14-ая армия.

Первая атака захлебнулась. Офицерский расчет у орудий подбил головной танк, взорвавшийся после пожара, второй танк поломался прямо на мосту. Третий, на скорости, стреляя, прорвался и проскочил в город, но у него заклинило механизм подъема ствола. Но тут наконец-то из крепости и со стороны химбата открыли огонь по опоновцам. Минут через сорок из Паркан пошли еще два танка. Первый из них, под российским флагом, проврался в центр города и, увеча по пути молдавскую технику, подъехал к исполкому. Второй был подбит уже возле КП ГАИ, и опоновцы расстреляли весь экипаж. Но уже по железнодорожному мосту проскочило подразделение «Дельта», и засело в крепостном рву. За ним – батальон ополчения с завода «Электромаш», находившийся на отдыхе в Тирасполе, их было 180 человек. Бойцы залегли у насыпи, с другой стороны которой были опоновцы. Какой-то дурак из Паркан начал трассирующими обстреливать своих.

Атака опять была плохо подготовлена, не хватало патронов. Кто-то сказал, что город уже освобожден. Но досталось и воинству Молдовы. Весь пяточок перед выездом в центр был завален убитыми. Полковника Карасева,

раненого, вывезли свои.

Наши, в каком-то остервенении рванув в атаку, проврались в город. Национальная армия Молдовы оставила здесь до 80 трупов, 11 единиц подбитой бронетехники, были захвачены две пушки «Рапира», спаренные зенитки, пулеметы, пять автомашин. Из захваченных документов было выяснено, что часть полковника Карасева дислоцировалась во Флорештах, откуда столь быстро придти не могла, то есть выступила еще во время перемирной болтовни.

Прорвавшийся танк и бронетранспортер с казаками выскочили к исполкому, где сперва стали было стрелять по ним, а потом, когда разобрались – началась бурная радость: - «Наши пришли!» На очередной звонок из Кишинева господина Берлинского, вызывавшего депутата Пологова (ранее Берлинский, по телефону, предлагал сдать) ему ответили наконец то, что следовало ответить:

- Вы и ваши танки хотели нас здесь закопать, в городе. Теперь приехали наши танки, и погонят вас дальше, чем вы себе можете представить. А за Пологова не волнуйся, он сел на танк и сейчас разъезжает по городу, катается.

Тут бы развивать успех, армия Молдовы от этого единственного танка (!) готова была убежать, но... последовал чей-то приказ: «Всем подкреплениям вернуться на исходные позиции». Началась та серия непонятных и малопонятных действий, которая привела к панике 23-го, и к последующему расстрелу комбата Костенко.

Председатель рабочкома Добров кинулся к телефону, стал звонить, спрашивать, кто велел и почему?

Болгарин Федор Андреевич Добров – это «незаметный герой» или тот праведник, без которого, по старинному выражению, не стоят ни город, ни село, и которые обычно проходят, незамечаемые нами. У него дома течет унитаз, у него костный туберкулез, и он хромает, у него неблагополучно с легкими, но на все предложения отдохнуть, подлечиться он только машет

рукой и отвечает «непочтительно». А между тем, именно он организовал и возглавил рабочий комитет в Бендерах, он сидел и дрался там в грозные дни обороны города, он, являясь сейчас председателем горсовета, все равно руководит рабочкомом, возглавляет избирательную комиссию, тянет на себе тысячу дел, не забывая о самых сущих мелочах, у него только на себя самого и не хватает времени. Но зато Добров пользуется уважением как простых людей, так и коммерсантов, обладающих тем, что можно назвать национальной совестью.

Так вот, Добров связался с Кицаком и другими, объяснял, упрашивал. Скоро последовал по рации новый приказ. «Всем подразделениям оставаться на местах». Но техника уже снялась с позиций, момент был упущен, инициатива потеряна...

А в городе, узнав, что пришла помощь из Тирасполя, плакали, смеялись, ликовали, женщины прибежали в исполком и рабочий комитет, уговаривали:

- Ой, мальчики, держитесь! Не отдавайте город, вся надежда на вас!

До шести утра стояло затишье, та и другая стороны готовились к бою. К армии Молдовы подходили новые подкрепления, десятки – именно десятки, а не один танк! – единиц бронетехники, БТРы, самоходки, МТЛБ, орудия, установки «Алазань».

Чтобы освободить Бендеры, необходимо было выбивать полицию из города, но штурм сильно укрепленного полицейского управления без техники и артиллерийской поддержки состояться не мог, а командующий 14-й армией Неткачев, обещавший выделить технику к четырем часам, не прислал ее ни в четыре, ни в пять, ни в семь часов утра. Стали собирать в кулак все, что было в городе. Депутат Г. Пологов сам поехал к Неткачеву. Неткачев юлил: де, техника не готова, специалисты паршивые, что он-де снял командира полка... Пологов сидел, не уходил. В конце концов, Неткачев показал ему шифrogramму президента России Б. Ельцина. В ней говорилось: техники не давать, в конфликте не участвовать. «Поэтому, - заявил Неткачев,

- буду оборонять военные городки. В случае нападения на них, но не более».
- Вы русский офицер, поставлены здесь, чтобы защищать народ!
- Я военный, и подчиняюсь приказу! – отвечивал «непробиваемый» генерал.

Меж тем воинство Молдовы, только услышав о контрнаступлении, бежало, бросая технику, и тут бы нажать, додавить, но не было, не было чем! Картина разгромленного города была ужасной. Целых стекол практически не оставалось нигде. В городе начиналось мародерство. В тридцатиградусной жаре вспухали и загнивали неубранные трупы. Вот-вот могла вспыхнуть эпидемия.

Мне показывали фильм, снятый во время боев героическими местными операторами. Груда рухнувшей штукатурки, искореженные оконные проемы, выбитые полотнища дверей, переломанная мебель, разбитая посуда в квартирах, где побывали опоновцы, развалины частных домов, и бойцы, перебегающие под огнем от дома к дому, и медсанбат в рабочкоме, и подъезжающие рефрижераторы с телами погибших. Трупы голые, со следами пыток, трупы в гробах, кишашие червями гробы, до краев наполненные червями, мертвецы, по которым, точно шевелящаяся фасоль, ползают, заполняя ямы мертвых глазниц, тысячи червей... Жара! Июнь! Цветущий, в зелени, город, засыпанный обломками разбитых зданий и осколками оконного стекла.

Весь день 21-го длилось трагическое противостояние. Ф. Добров неоднократно звонил в Тирасполь Кицаку – в ответ одни обещания и настойчивые вопросы:

- Почему до сих пор не взята полиция?
- Чем брать?!

Наконец, подошли три танка, оказавшиеся, увы, опять неисправными. Похоже, и эту технику «выбивала» Г. С. Андреева со своими забасткомом, а Неткачев, в лучших традициях рыночной подлости, подсовывал ей испорченный товар, передавая те танки, механизмы которых были разлажены

им самим, обрекая, тем самым водителей на смерть, а армию Приднестровья на поражение.

Ю. Костенко попробовал танки в деле. У первого же заклинило снаряд в пушке, негодными оказались и остальные два. Костенко, выматерившись, отправил танки назад, в Тирасполь, позвонив руководству и высказав по-русски, что он об этом думает. Без техники штурмовать полицию Костенко отказался. С автоматами против бетонных дотов и танков Молдовы, в самом деле, наступать было глупо. Город продолжали обстреливать и бомбить. Милиция ловила «наводчиков», тех, кто из своих квартир вел корректировку огня молдавской армии (были и такие!). Проходил день.

22-е июня не принесло существенных изменений. Разгорались пожары. Армия Молдовы готовилась к новому штурму Бендер. Кицак вновь категорически требовал от Когута покончить с полицией. Исполком, по договоренности, посылал людей в Тирасполь на формирование, однако, оттуда бойцов отправляли назад без ничего, с голыми руками. «Они возвращались в исполком и высказывали мне все, что думают по этому поводу», - присовокупил В. Когут.

В конце концов, решили начать атаку на здание полиции в пять часов утра. Снова подошли два танка (третий поломался). Ю. Костенко получил гарантию, что наступление будет поддержано артиллерией. Тирасполь обещал помочь техникой и людьми.

К 16.00 имевшаяся техника вышла на исходные позиции. Но к 4 часам позвонили из исполкома и передали сообщение из Тирасполя: артподготовки не будет. Потом рассказывали, что какая-то московская генеральская комиссия посадила под домашний арест командира артдивизиона. Пока комиссия уехала, пока там разобрались, что к чему, было поздно. (Интересно, наградили ли Снегур Ельцина каким-нибудь орденом и грамотой почетного гражданина Румынии, или достало заокеанских наград?)

Однако комбат Костенко сказал, что менять уже нечего и уходить с позиций поздно. Атака началась, и поначалу привела к частичному успеху.

Но дальше сказались отсутствие артиллерии, порча техники (у одного танка сразу заклинило орудие) другие машины тоже оказались неисправны. Прибывший из Тирасполя БТР привез патроны не того калибра. Ф. Доброву, который по телефону требовал от Кицака обещанной подмоги, было отвечено: «Техники не будет. Обходитесь своими силами». «Кроме, как выmaterиться, что можно было сказать? Помню, говорил ему, что они специально это делают, чтобы город сдать. 19 июня не получилось, так сейчас получится». К ночи гвардия и ополченцы отошли на прежние позиции. В темноте отступающую колонну обстрелял снайпер из чердачного окна общежития, один из бойцов из подствольника автомата выстрелил гранатой в чердачный проем. Поднявшись наверх, увидели умирающего снайпера в камуфляже, но почему-то, босиком. Тот на русском языке стал просить добить его. «Сам сдохнешь!» - возразили ему,

Город продолжали бомбить с воздуха, а Ион Костах уверял по радио, что национальная армия не применяла военную авиацию в Приднестровье. МИГи-29 с румынскими летчиками пытались разбомбить мост, но бомбы упали за мостом, на село Парканы.

В Бендерах начиналась паника, беженцы шли и шли, перебираясь на ту, тираспольскую сторону. Т. Зенович, бывший в Тирасполе, кинулся к Смирнову, мол, ежели вы не примете меры и сдадите город, оставшиеся в живых наши люди вас проклянут!⁵

У нас резерва уже нет, боеприпасы кончаются, есть убитые и раненые. Смирнов вызвал министра госбезопасности МПР В. Шевцова и приказал ему: все, что есть, отправить в Бендеры. (Это «все» было – батальон «Днестр», два бронетранспортера, стрелковое оружие и боеприпасы.)

Но уже подразделения, участвовавшие в атаке на полицию, начали отходить, хотя Костенко и пытался удержать их, обещая поставить к стенке

⁵ Сейчас кое-кто прокликает Смирнова за то, что поставил Зеновича главой администрации Бендер. Он де скупает магазины и проч. Все разумеется липа. Но сколько такой липы вешают у нас едва ли не на каждого, кто пытается что-то сделать, переименовать, поправить, изменить! А сколько и верят подобным наветам!

того, кто отдал приказ об отступлении. Но приказ об отступлении все-таки был дан... И тут опять начинается нечто непонятное.

Рассказывает Ф. Добров: «К 24 часам, сняв с позиций всех гвардейцев и технику, разъяренный, с глазами навыкате, Ю. Костенко ворвался в рабочий комитет, всех повыгонял, сел на стул и подозвал меня: «Видишь, - сказал он со злостью, - как нас предали!» Потом выругался и добавил, что надо собирать всех командиров».

Начался очень нелегкий разговор: надо ли оставлять город? Против ухода были Добров и какой-то азербайджанец, уверявший командиров, мол, уйдем, останутся женщины и дети, кто их защитит! Ю. Костенко говорил последним (цитирую по книге Волового): «Помню, сказал, что ему терять нечего – квартиры нет, жены здесь нет, дочке не дали закончить школу. А Когут, мол, пьет себе кофе и жрет колбасу. Так вот, он не хочет, ради того, чтобы они там, в подвале исполкома, ели и пили, посылать людей на смерть. Потом он предложил поставить вопрос об уходе из города на голосование. В рабочем комитете было тогда человек двадцать пять, только двое или трое были против, остальные проголосовали за вывод войск. Тут же Ю. Костенко позвонил в казармы гвардии и дал команду майору Дзюбе с остатками второго батальона отправиться на базу республиканской гвардии, захватить все документы и оружие».

«Появился Лосев, который долго с помощью женщин, уговаривал Ю. Костенко не уводить часть, бесполезно. Запомнилось также, что подошли ополченцы и укоряли командиров, что они, мол, с оружием уходят, а нам что делать, голыми руками пробиваться? Тут же открыли два ящика с автоматами, которые ополченцы сразу же разобрали».

А вот тут опять начинается неясность, которую Воловой обходит, но которую обойти нельзя. Меня согласно уверяли, что приказ оставить город был передан по телефону из Тирасполя. Позднее так и не удалось добиться, кто же отдал этот приказ? Никак не Костенко, который был тут, на месте, и у которого, вследствие постоянных измен, попросту сдали нервы. И хоть и

взял он эту вину на себя, но... По приказу, отданному неизвестно кем (за протекшие годы никто так и не признался) из города ушли казаки, только что врывающиеся в исполком и угрожавшие, ежели не придет техника «всех расстрелять», ушли иные формирования, торопливо уходили жители, оставляя город пустым, пробирались берегом под опорами автомобильного моста, лезли к железнодорожному мосту, где, дабы защитить их от пуль, стояли в ряд рефрижераторы, за их защиту перебежали на левый берег. Тут их грузили в машины и везли на станцию Раздельная, там кормили, устраивали. Многие уезжали совсем, кто отправлял родных или детей и позже возвращался в город.

Рассказывает председатель исполкома В. Когут:

«Помощи не было. Я звонил Смирнову, тот просил продержаться сколько возможно, что он едет в штаб к Неткачеву. Вскоре стало известно, что и казаки уводят свои бронетранспортеры из города. Меня уговаривали ехать в Тирасполь. Я сказал, что это будет истолковано, как бегство, и послал вместо себя В. Харченко и еще двоих депутатов. Те были поражены тишиной и спокойствием, царящими в Тирасполе. И. Смирнова нашли у генерала Неткачева. Постарались объяснить всем, что бои идут уже на подступах к горисполкому. Неткачев их успокоил, сказав, что это должно скоро кончиться, так как якобы Б. Ельцин говорил по телефону с Мирчо Снегуром и достигнута договоренность о прекращении огня с 23.00.

В 23.00 огонь прекратился. И тут мы узнали, что исполком оставлен, а выходящая из города колонна гвардейцев расстреляна своими же».

Когут уходил из исполкома вместе с последними ополченцами. Слышались звуки боя. Пробираясь задом к мосту, он узнал тут о произошедшей только что трагедии.

Оказывается, колонна, состоящая из гвардейцев и ополченцев, выходящая из города, шла по дуге, огибавшей вокзал, и, приближаясь к крепости, притушила фары – ибо кто-то сказал, что в крепости уже засели опоновцы. Был второй час ночи, не видать ни зги. Во тьме прошли какие-то

машины и дежурный решил, что это как раз и прошел Ю. Костенко с гвардейцами. А тут какая-то женщина позвонила на командный пункт, сообщив, что со стороны села Притягайловки в направлении крепости идет колонна тяжелой техники, разумелось, румынской. Далее даю слово оперативному дежурному:

«Действительно, мимо нас в 2 часа 40 минут начала проходить колонна. Представьте себе абсолютно черную, безлунную ночь. Идущий впереди колонны танк, или еще что-то тяжелое, ревел очень громко. Вся техника шла с потушенными фарами. Несмотря на это, мы не начинали стрелять. Но ближе к автомобильному мосту возле крепости находились подразделения, по-моему, казаков и милиции. Первые выстрелы по колонне раздались именно оттуда. А так как на крепостном валу нервы у всех были напряжены до предела, то многие не выдержали, и тоже открывали огонь». (Да и хотелось, ох, как хотелось дать, наконец, прикурить этой снегуровской сволочи!). Из колонны ответили автоматным огнем. Стрелять по колонне начали и со стороны химвата. «Стрельба со всех сторон стояла страшная, - рассказывает один из гвардейцев, - такие ощущения, не дай Бог, никому испытать. Затем кто-то догадался осветить прожектором флаг на бронетранспортере. Раздались крики, постепенно стрельба стихла. Только были слышны стоны раненых». Продолжает дежурный: «С контрольно-пропускных пунктов в штаб стали докладывать о раненых и убитых. Звонят – двое убитых, затем – еще четверо, и т. д. Меня это поразило – такого не могло быть! Потом разобрались, и раненых, и убитых стали заносить в крепость. Позже ко мне пришел начальник штаба этого батальона, майор Дзюба. Он производил впечатление невменяемого, хотя шел, как говорит, в конце колонны. Кричал, но уже криком мертвых не оживишь. Потом от ребят, что попали под обстрел, мы узнали, что у них были сведения: в крепости ОПОН. Поэтому они и шли мимо него так «тихо», а недалеко от крепости даже остановились. Мое мнение такое: кто же так воюет! Ни разведки, ни прикрытия!»

«Огонь вели минут пять. Когда все это закончилось, и мы поняли, что расстреляли своих, многие из наших ребят вылезли из окопов, начали кидать каски под ноги и, проклиная все на свете, материться, кричать – что же мы наделали?!»

Вездесущая Нина Васильевна Усатенко оказалась рядом, и видела сама, как майор из крепости рвал на себе волосы и в прямом смысле слова бился головой об асфальт.

Вся колонна была разгромлена. На месте насчитали сорок шесть трупов (а кто говорит – семьдесят, а кто и все восемьдесят). Очень колоритен рассказ об одном эпизоде этого боя, который хочется привести целиком. Среди военных формирований Бендер был отряд некоего Полоши, кажется рэкетира, достаточно известного в городе. Отряд был примерно человек сорок, все с довольно темным прошлым. Рассказывает один из гвардейцев: «Воевали они, надо сказать, здорово и профессионально. Во многом помогали оборонять город в те тяжелые дни. И сражались прямо героически. Когда мы уходили из города, они тоже были в нашей колонне. Полоша сидел в третьей от начала колонны машине, когда нас атаковали свои. Его сразу ранило, и очень сильно. Одна рука была перебита, и держалась, очевидно, на сухожилиях. Но даже при таком тяжелом ранении он стрелял. Раненная рука, видимо, ему мешала и тогда он обратился ко мне – «Рви руку!» Я в первый момент опешил от неожиданности. Он начал материться и снова закричал: - «Рви руку, иначе пристрелю!» Тут я пришел в себя, схватил его за раненную руку и дернул. С первого раза ничего не получилось. Со всей силы дернул второй раз и почувствовал, что держу ее в руках. Но Полоши уже рядом не было. Стреляя одной рукой, он убежал, бой, хоть и со своими, но продолжался. Когда стрельба прекратилась, мы положили его в машину и помчались в Тирасполь, в госпиталь. Но было поздно, от большой потери крови он скончался». Рассказывает водитель машины В. Когута. Как раз к нему подошла мать убитого гвардейца, и Когут распорядился посадить ее в машину, а сам пошел пешком. «Перед мостом мы остановились. Из города

шли ополченцы. Моя пассажирка вышла и стала уговаривать их вернуться, те огрызались. Скажу честно, тут я почувствовал унижение и страх. Поехал в штаб, разыскал наших депутатов. Они сразу решили, что надо убедить защитников не покидать города. Я отправился на машине за Андреевой, которая по общему мнению пользовалась авторитетом у Ю. Костенко и могла повлиять на него. Привез ее в Парканы. В это время уже произошел расстрел колонны. Андреева пошла пешком на мост, уговаривала гвардейцев не покидать город. Светало. По мосту шла колонна грузовых и санитарных машин, везли расстрелянных у крепости. Многие упрашивали Костенко оставить технику на мосту, чтобы не отвоевывать потом его еще раз. Но он отвечал, что пока не будет танков, назад никто не пойдет. Потом комбат сел в свою машину и с бронетехникой, всей колонной, уехал в Тирасполь».

Председатель рабочего комитета города Ф.Добров рассказывает, что когда вышли к Парканам, он удивился количеству техники, которой как раз не хватало в Бендерах. На наши упреки ополченцы отвечали, что ждут команды двинуться в Бендеры уже с 11 часов дня. Тут мне припомнилось, как Ш. Кицак говорил: обходитесь своими силами! В ярости помчался в Верховный Совет ПМР. Маракуцы не было, говорю заму: - Ну что, сдали город? – Он меня начал успокаивать. В это время Костенко прислал своих гвардейцев с техникой к Дому Советов. Там уже готовились к обороне. Подъехала Андреева. Гвардеец Танька начала кричать: - «Не слушайте эту бабу!» - подъехал комбат. Т. Зенович предложил Костенко отправиться в штаб 14-й армии к Неткачеву. Приехали с угрозой атаковать штаб. Неткачев отказался выйти. Вышли депутаты и Смирнов. Долго успокаивали комбата».

В. Когут из крепости позвонил Смирнову. После Смирнова трубку взял Г. Воловой и стал его убеждать вернуться в город, так как достигнуто соглашение и атака молдавских частей маловероятна. Тут зашел А. Нажимов, бывший начальник 1-го отдела Бендерского военкомата, говорит: «Чего вы здесь? Ведь в городе никого нет, пошли в город!»

Оказалось, что армия Молдовы тоже отошла, по неизвестным

причинам и город целую ночь стоял пустой.

Спускаясь с моста, Когут с Нажимовым увидели двух гвардейцев. Когут предложил их взять с собой. В окружении пятнадцати-двадцати человек там уже стоял Костенко. «Гвардейцы сразу кинулись ко мне, - рассказывает Когут. - Спросили, кто отдал приказ покинуть город. Я отвечал, что не отдавал такого приказа. Стал уговаривать их вернуться назад. Какой там! Шум и крики усиливались. Костенко начал кричать: - А кто завел на меня уголовное дело? - кто-то из гвардейцев вскинул автомат и ударил меня прикладом. Затем передернул затвор и нажал курок. Чуть раньше его майор С. кинулся между нами и направил ствол вниз. Пули прошли асфальт у самых ног. Я посмотрел на них всех и сказал, что Бог им судья. Почти сразу после этого подъехала машина с бойцами ТСО из Тирасполя. Предложил и им идти в город, те ответили, что их задача охранять мост. Я повернулся и пошел в исполком. Позади раздались два выстрела и следом громкий мат». «Что ему несло вслед, - досказывает один из бойцов, - нетрудно представить. Такое вряд ли больше где услышишь».

Когут шел по улице, обходя брошенную румынами искореженную бронетехнику, обходя гниющие, смрадные трупы и не думая о возможных снайперах. В такие минуты у человека в душе наступает удивительная пустота. Но на подходе к исполкому увидел, что флаг ПМР на прежнем месте. «Не удержался и побежал. Возле базара меня остановили две старушки, спрашивает, как там у нас? Я их успокоил, и у самого на душе стало легче». Вошел в исполком, а там никого нет, хрустела под ногами рухнувшая штукатурка, гулко отдавались шаги в пустых лестничных пролетах. Когут походил по этажам, нашел оставленный гранатомет и шесть гранат. «Вытащил все это в коридор, и там соорудил укрепление, чтобы отбиваться хотя одному. Было ощущение дикой обиды от людской подлости. Обида на Костенко, на гвардейцев, на всех. Телефонные кабели были перерублены, но, как оказалось, не все. В одной из комнат поднятая трубка ответила протяжным гудком. Позвонил по телефону Загрядскому в

Тирасполь. Тот посоветовал сидеть в исполкоме и ждать. Вдруг слышу чьи-то шаги. Смотрю, подымается по лестнице мужчина в майке и каске. Чуть ли не одновременно спросили друг друга – ты кто? Он ответил, что из ТСО, и что неподалеку есть еще несколько человек. Вскоре подъехали еще бойцы. Исполком опять заполнялся людьми. Город жил».

Оказывается, не все ушли. Кто-то остался в окопах, пили, прощались с девушками, но стояли. Рано утром 23-го гвардейцы начали возвращаться на позиции. Костенко вернулся тоже. И уже 24 июня в военных действиях начался перелом. Еще шли сильные уличные бои, шли обстрелы и атаки, поскольку в город прибыли ветераны уличных боев ОПОНа из Дубоссар и Кочиер. По-прежнему город бомбили, а небо утюжили десятки самолетов и вертолетов.

Однако 23 июня днем в Приднестровье прибыл новый командующий 14-ой армией, генерал-лейтенант А. И. Лебедь. Несколько дней он присматривался, соблюдая инкогнито. Но 28-го прошел в штаб 14-ой армии и предъявил мандат. Он сразу потребовал единоначалия, потребовал отстранить Ш. Кицака и навести порядок у Костенко, который «по глупому бросался в атаку на полицию». Рассказывали, что позднее Лебедь и в полицию зашел, повелев им «сидеть тихо». Провокации продолжались еще и 29-го и 30-го июня, и еще до 7 июля шли перестрелки. Еще 12 июля по рассказу командира взвода гвардии, фарланданские волонтеры на его глазах ограбили и изнасиловали женщину. Стрелять было нельзя, но когда женщину, наконец, отпустили из окопа: «Ну тут мы им и дали».

24 июля объявили день прекращения огня, но еще и тогда убивали людей.

В том же июле, 16-го, бежал и был задержан Ю. Костенко, о чем, впрочем, пойдет речь ниже, поскольку тут неясности уже превращаются в какую-то всесоюзную компанию и выходят за рамки Приднестровья. Статья о «кровавом комбате» Костенко появилась аж в «Известиях».

Но сначала о генерале Лебеде и лице, которое мало известно за

пределами МНР – начальнике Тираспольского гарнизона, Михаиле Бергмане, которого чаще зовут не Михаилом, а Мoneй, что будем делать и мы, дабы не нарушать традицию.

Х

Моня Бергман и генерал Лебедь

Слава Лебеда началась в Приднестровье, и наиболее отрицательное отношение к нему теперь я встретил именно здесь.

Рассказывают, что сперва он приехал под именем полковника Гусева, и лишь потом, осмотревшись, явился в штаб и предъявил свой мандат нового командующего 14-ой армией.

Лебедь теперь, что бы с ним не происходило, одна из альтернативных фигур на пост руководителя России. Я и сам, в свое время, пережил увлечение им и пору надежд, когда казалось, что вот, наконец, появился тот, который, и можно воззвать: «Иди, спасай!» Все устали от беспредела мафиозных структур. Все жаждали твердой руки, искали генерала, способного навести порядок в несчастной, разоряемой стране. В лице Лебеда почуялась та искомая фигура нового Наполеона, который, как Бонапарт после проворовавшейся Директории, возьмет власть и наведет порядок в России. Многие думают так и до сих пор. Моню Бергмана, военного коменданта Тирасполя, нигде, кроме Приднестровья, не знают, точнее, его не знает широкая публика. Его, конечно, знает израильская разведка, поскольку ныне доказано, что он работал (и работает) на нее (однако, кто в наши дни на нее не работает? Козырев,, разве?), его знают в Кишиневе (тоже в специфических кругах, разумеется), поскольку в комендантском взводе, численность которого Бергман в ту пору довел до двухсот душ (не забудем, что второй батальон гвардии Днестра, оборонявший Бендеры, имел около 180 человек, а в территориальном ополчении ТСО тех же Бендер не набиралось и ста пятидесяти.)... Так вот, в комендантском взводе (роте, батальоне, называть можно по-всякому), задача которого сводилась к тому, чтобы следить за поведением солдат, находящихся в тылу на отдыхе, во взводе этом

у многих бойцов было двойное, молдовско-приднестровское, гражданство, то есть, это было военное формирование, силами которого Бергман мог надеяться захватить Тирасполь в момент подхода основных сил армии Молдовы и опоновцев.

Оговоримся. Двойное гражданство тут отнюдь не криминал. Люди выезжают в ту же Молдову или на Украину по торговым делам, русские, как правило, обзаводятся вторым гражданством – России и т. д. Не криминал и то. Что. Скажем, на тот момент в гарнизоне остались военнослужащие прежнего, молдовского подчинения, да ведь и от отделов полиции, осаждаемых тем же забасткомом, требовали одного – перейти под юрисдикцию МПР. А отнюдь не – «выметайтесь в свою Молдову!» Здесь, в отличие от Кишинева, где националистическая истерия Народного фронта доходила до геркулесовых столпов, «национальных преследований» вовсе не было, ни со стороны правительства МНР. Ни тем более со стороны народа республики, искони многонационального и достаточно дружного.

Вряд ли поэтому Меня Бергман, тираспольский комендант, работая разом на Кишинев и Израиль, считал себя двурушником. Тем более что такая игра на два фронта была частью его натуры, как бы вторым дыханием. Наверняка, бравый комендант втайне гордился тем, какие великие силы тайной дипломатии используют его или, иначе сказать, пользуются его помощью.

Думается, однако, что Моня Бергман незаслуженно обделен более широкой известностью. Родина должна помнить не только своих героев, но и своих предателей, и последнее иногда нужнее первого, тем паче, когда последние живут и благоденствуют рядом с нами. Свидетельствует майор Сухинин:

«Когда город не удалось захватить сходу, началась затяжная позиционная война. Части ТСО держали активную оборону недалеко от центра, а батальон гвардии, рабочее ополчение и казаки медленно вытесняли противника из города, как бы клещами обходя молдовскую армию со

стороны Днестра и со стороны пригородного села Гиска. Подавляя отдельные опорные пункты опоновцев». Майор Сухинин, в частности, рассказывает, что ежели у него почти не было потерь, раз в два дня кого-нибудь заденет, то, по радиоперехвату узналось – молдавская сторона ежедневно отправляла в тыл на грузовиках по семь-десять трупов (то есть дело клонилось к явной победе;).

Своих раненых, особенно раненых тяжело, сотоварищи отвозили в Тирасполь, где им оказывали квалифицированную медицинскую помощь. (Прослышав о местной беде, молодые хирурги примчались аж из Москвы, со всем необходимым медоборудованием, работали день и ночь и спасли множество жизней, чего также на забудем, когда придет черед неизбежного суда истории!)

Так вот, бойцы, только что сдавшие сотоварища своего в санбат, у порога встречали направленные на них автоматы Бергмановских молодчиков: - «Сдать оружие! С оружием в Тирасполе находиться запрещено!»

Со своими, вроде бы, драться не будешь, и бойцы возвращались на позиции с голыми руками. Так, по два – по три, Сухинин потерял двенадцать стволов, после чего сам, на машине, помчался к Бергману. Майор Сухинин человек небольшого роста, не «видный», да тут еще приехал прямо с позиции, в трехдневной щетине, в пыли и извести, две недели не мылся, спали на позициях, не раздеваясь.

«Бергман вышел ко мне весь начищенный, в новом мундире с нашитыми на китель генеральскими пуговицами (от кого, интересно, чаял он получать сей вождеденный чин?) Смерил, кривясь, презрительным взглядом:

- Вы, товарищ майор, сперва приведите себя в порядок!

А на замечание о стволах последовало высокомерное:

- Я с тобой разговаривать не буду!

Ну, я к помощнику:

- У меня же люди на позициях, идет бой!

Тот мне:

- Я вам сейчас выдам!»

Десять стволов удалось вернуть, а два автомата (номера которых Сухинин хранит до сих пор) Бергман ему так и не возвратил.

«Так не у меня одного отбирал оружие! Продал, поди! Теперь трехэтажную дачу себе построил, не на эти ли деньги?!» Пошли ли автоматы «налево», и кто получил мзду за них, это другой вопрос, но отбирать стволы у боевой армии, когда идет война и дорог каждый автомат, каждый рожок патронов – согласитесь, тут уже не наведением порядка пахнет, а чем-то другим.

Бойцов ТСО (территориально спасательный отряд, позже – территориальный сводный отряд) иначе, как бандитами, «бандформированием», по терминологии кишиневских газет, Бергман не называл и уже после войны, когда отряд сдал оружие и был отведен на переформирование за Слободзею, сделал «набег», пытаясь обвинить бойцов ТСО (вступившихся за женщину, которую пытались изнасиловать!) в «бандитских действиях». Видимо, отображенные назад стволы не давали ему покоя...

Но это все так – оспинки, черточки для характеристики человека... Да и то сказать – в те бурные дни образования и защиты новой республики, далеко не один Бергман работал на Молдову, и порою нерешительность и трусость желание мира любой ценой трудно было отличить от предательства... Да и о «стволах» не все так просто. Пришлось слышать мне и похвалы Бергману от местных жителей! «Он хорошо почистил город! А то тут оружия было навалом – сосед на соседа с гранатометом лез, мужик кидал любовнику жены гранату в окно – не почисти город – тут бы у нас поубивали друг друга!»

Да и вспомним вновь, что творилось в тылу революционной Испании? В якобинском Париже? В тылах Белой армии? Так что в тогдашних поступках Бергмана особой, своей, целенаправленности мало кто и замечал.

Но вот на арену истории, так сказать, явился дотолле малоизвестный

генерал-майор Лебедь, которым и ранее «затыкали дыры» межнациональных конфликтов. Явился сперва инкогнито, как полковник Гусев. Но Бергман, пронюхавший, а скорее всего предупрежденный, тут же пригласил неизвестного полковника к себе на пир по случаю свадьбы дочери, всячески обласкав и ублажив.

Однако, не надо думать, что так вот, попировав. Лебедь пошел на поводу у Бергмана, вернее, у его покровителей, к генералу присматривались.

Измученный город встретил Лебеда с восторгом. «Площадь чуть не на коленях стояла», - вспоминает Нина Васильевна Усатенко.

Генерал опубликовал мужественное заявление о том, что творилось в Бендерах, и я хочу привести его тут целиком:

Трагедия на Днестре

Заявление командующего 14-й общевойсковой гвардейской российской армией

Прежде чем излагать суть заявления, хочу сделать три оговорки.

1. Официально фиксирую, что нахожусь в здравом уме, в доброй памяти. Практически здоров и отвечаю за каждое свое слово.

2. Хотел бы сразу отмести возможные обвинения в том, что я, генерал, человек военный, вмешиваюсь в политику. Я категорически отвергаю такие обвинения и заявляю вам, что буду говорить, как русский офицер, у которого есть совесть.

3. Пресс-конференции в обычном смысле сегодня не будет. Говорить буду я, вы будете слушать, если вам это интересно, на вопросы сегодня отвечать не буду.

Я обращаюсь прежде всего к Вам, первый Президент свободной России, Борис Николаевич Ельцин. Я обращаюсь также к президентам суверенных республик, к народам, правительствам и парламентам, ко всем, кому будет интересно меня слушать.

Товарищ главнокомандующий, я, командующий 14-й общевойсковой армией генерал-майор Лебедь, вам докладываю.

На границе Приднестровской Молдавской Республики и Республики Молдова нет межнационального конфликта. 39 процентов населения Приднестровья – молдаване, 26 – украинцы, 24 – русские. Эти люди всегда жили между собой в мире. Здесь они родились, выросли, здесь могилы их предков. Здесь имеет место геноцид, развернутый против собственного народа. Я подтверждаю это некоторыми фактами. Только с приднестровской стороны, по состоянию на сегодняшний день, количество убитых достигает 650 человек, раненых – до четырех тысяч. Подавляющее большинство убитых и раненых – до двух третей – это мирное население, это женщины, старики, дети. Это не военнослужащие, не военнообязанные, это люди, не состоящие в военизированных формированиях. Если в Бендерах идет «восстановление конституционного порядка», тогда всему мировому сообществу надлежит пересмотреть понятие «оккупация».

По самым последним данным, в городе Бендеры консервный завод разграблен, вывезена готовая продукция, завод сгорел. Маслоэкстракционный завод – вывезена готовая продукция, завод сожжен, заминирован. Пивзавод – вывезена готовая продукция. Биохимзавод – вывезена часть оборудования, разграблен, сожжен. Молочный комбинат – частично выведен из строя. Хлебокомбинат – разграблен. Обувная фабрика – разграблена. Магазины практически все разграблены. Детская поликлиника, СЭО, горполиклиника, женская консультация, гинекологическое отделение – разграблены. Полностью выведено из строя освещение города. Варницкий водозабор выведен из строя. Центральная телефонная подстанция разрушена. Разрушено до 50 процентов жилого фонда. Выведены из строя путем разрушения, подрыва практически все школы, детские сады, лечебные учреждения. Население города Бендеры, которое там еще осталось, даже если допустить, что завтра там воцарится мир, - это обреченные на нищету люди. Им негде заработать кусок хлеба. Все те предприятия, на которых это можно было бы сделать, разрушены, разграблены, развалены, взорваны складские помещения и производственные помещения.

Постоянно наращивается диверсионная деятельность. Основные усилия направлены на выведение из строя энергетических мощностей, линий электропередачи. По состоянию на 4 июля выведены из строя ЛЭП – 330 киловольт Днестровск – Кишинев, ЛЭП – 110 киловольт Днестровск – Тирасполь – Бендеры, ЛЭП Тирасполь – Кицканы – Толмазы – Чобручи, подстанция Бендеры Южная. Вчера я получил информацию, что на территории Украины взорваны опоры линий электропередачи Могилев – Каменец-Подольский. Таким образом, энергоснабжение народного хозяйства Приднестровья сильнейшим образом нарушено. Количество беженцев, по разным данным, исчисляется от 120 до 150 тысяч человек. Сосчитать более точно невозможно.

Я официально докладываю, что здесь, на территории Приднестровья, нет ни посткоммунистического, ни прокоммунистического, ни некоммунистического, никакого другого режима. Здесь просто живут люди, которых систематически, иезуитски, зверски уничтожают. Причем уничтожают таким образом, что эсэсовцы образца 50-летней давности просто сопляки.

Военный совет армии располагает обширными кинофотовидеоматериалами и готов представить их для рассмотрения любой комиссии, назначенной международным сообществом.

Я докладываю, что систематический обстрел плотины в Дубоссарах создал реальную предпосылку колоссальной экологической катастрофы. В случае разрушения тела плотины находящиеся в водохранилище 465 миллионов кубометров воды устремятся вниз по руслу Днестра. Волной высотой непосредственно у Дубоссар 20 метров и к Чобручам – до 6 метров будет снесено все, в том числе 31 населенный пункт на правом и 26 на левом берегах Днестра, уничтожены все низководные мосты, водозаборы и очистные сооружения...

Я уже не говорю о том, что на территории Бендер имеется множество мест складирования отравляющих веществ типа аммиачной воды, хлора,

сжиженного газа. Вчера только усилиями военнослужащих релейно-кабельного батальона была предотвращена большая катастрофа. Пулями были пробиты резервуары со сжиженным газом, и этот газ начал вытекать и расстилаться по земле. Была создана реальная предпосылка к взрыву колоссальной силы. Воины заслонили собой город. Я считаю необходимым довести до сведения всех, что ведущиеся сейчас переговоры на самом высшем уровне – есть не что иное, как попытка выиграть время, обеспечить себе время для создания наступательной группировки. Народ молдавский воевать не кочет. Это добрый и мирный народ, когда-то был веселым и жизнерадостным. Министерству обороны Молдовы не остается ничего иного, как задействовать наемников.

Факты. На протяжении последних 1-2 суток в районы Кошницкого и Кочиерского плацдармов срочно перебрасываются артиллерийские системы большой мощности с целью обстрела Тирасполя, Дубоссар, Бендер. На Маркулешты, аэродром под Бельцами, переброшены 32 румынских легчика-добровольца – для тех МИГ-29, которые там базируются. В ближайшие дни должны прибыть, а может быть, уже прибыли, 10 МИГ-25. Пилоты – румынские, опознавательные знаки Республики Молдова. На бывшем учебном центре воздушно-десантных войск в Бульбоках, 50 километров восточнее Кишинева, завершается формирование и боевое сколачивание отряда спецназначения. Инструкторы – румынские, экипажи БМП и БМД формируются за счет румынских офицеров и рядового состава. Резко увеличился приток снайперов из Литвы и Латвии, едут преимущественно женщины. С помощью установок «Ураган» спланированы нанесения ударов по единственному на территории Приднестровья Тираспольскому аэродрому и по отдельным объектам и городкам 59-1 мотострелковой дивизии.

Некоторые выводы.

На эту благодатную землю легла тень фашизма. Я считаю, что бывшая огромная страна должна об этом знать. И должна вспомнить, чего ей стоило 47 лет назад сломать фашизму хребет. И должна пошевелить в своей исторической

памяти. И должна вспомнить о том, чем оборачиваются уступки фашизму. И должна принять все меры к тому, чтобы фашисты заняли надлежащие места на столбе. Желательно на Кочиерском плацдарме, земля которого до сих пор набита осколками, и каждый метр которой полит кровью освободительной армии в 1944-1945 годах.

Второе. То, что я увидел, услышал и наблюдал, дает мне моральное право заявить (как бы это парадоксально ни звучало, а может быть, и смешно, не берусь судить), что я не могу более рассматривать законно, подчеркиваю, законно избранного президента Молдовы Снегура как президента. Да, избран законно, на волне эйфории роста национального самосознания, самоуважения, но вместо державного руководства организовал фашистское государство, и клика у него фашистская. Министр обороны, генерал, а точнее не генерал, а людоед от ДОСААФ, бригадный генерал Косташ с вечера отмобилизовывает людей, а утром бросает их в бой... У меня по отношению к фашистам однозначная, четкая, вполне определенная позиция. И я хотел бы обратить на это обстоятельство внимание народа древней Молдовы. Пусть он задумается, кто им правит, и куда его ведут.

Третье. Наверное, нам всем, вместе взятым, жителям Земли (я манией величия не страдаю, можете зафиксировать и этот факт) нужно объединить усилия в том, чтобы мы заняли вполне определенную позицию. Настало такое время – занять определенную позицию. Пора прекратить болтаться в болоте малопонятной, маловразумительной политики. Что же касается державы, которую я имею честь здесь представлять, могу добавить еще то, что хватит ходить по миру с сумой. Как козлы за морковкой. Хватит. Пора за дело браться, державность блюсти, возьмемся – у нас занимать будут.

И самое последнее. Я завершаю свое заявление тем, с чего начал. Я говорил, как русский офицер, у которого есть совесть, по крайней мере, я это твердо знаю. Я говорил это для того, чтобы все задумались. Подчеркиваю, я сказал, а вы, товарищи-господа политики и ты. Господин Народ, думайте. Я

благодарю вас за внимание.

А. И. ЛЕБЕДЬ, командующий 14-й армией.

4 июля 1992 года. Г. Тирасполь.

Привожу это заявление еще и потому, что многие действия Лебеда в 1993-м и 1994-м годах, вплоть до ухода с поста, прямо противоречат вышесказанному.

Да, вооруженный нейтралитет, объявленный Лебедем, дал свои плоды. Привыкнув к Неткачевской бесхребетности, снегуровские вояки, на приказ Лебеда отвести технику и военные формирования от Бендер просто никак не прореагировали.

Один из моих корреспондентов, в прошлом артиллерист, наблюдал из Паркан ночной обстрел Гербовецкого леса. Обстрел, о котором доселе не принято говорить. Небо посвечивало, снаряды, с характерным не то шипением, не то свистом проходили в вышине, а там, за Днестром, за недвижною громадою крепости за холмами, тоже вспыхивало, перемещаясь, короткое зарево – били по площади. Он насчитал не то 69, не то 79 залпов. Это работал артиллерийский дивизион 14-ой армии. «Я смотрел, - присовокупил он, - и у меня слезы на глазах: наконец-то!»

Без приказа со стороны главнокомандующего, разумеется, артдивизион открыть огня не мог.

Рассказывают, что у армии Молдовы там было целое скопление техники, и хотя по условиям перемирия они должны были ее убрать, но не убрали, затеяв ту же свою прежнюю игру, после чего Лебедь и отдал приказ об обстреле.

Кто-то рассказывал мне что там, после обстрела, куски разорванных тел висели аж на деревьях, и было разгромлено все, что только было можно разгромить (тотчас начались крики по телефону: - Прекратите огонь! Убираем! Уходим!)

Второй обстрел был на Каушанском направлении, третий, предупредительный, кажется на Суворовой горе. Русский медведь наконец-то

слегка шевельнул лапой, - только слегка! И как стая крыс, как шелуха, посыпалось врозь хваленое молдовское воинство. Не потребовалось уже ни особого бесшабашного героизма казаков, ни стойкости гвардии, ни отчаянной решимости женщин.

Любопытно, что бы осталось от всей армии Молдовы, да и от румынской тоже, ежели бы русская армия выступила всерьез, не ограничиваясь несколькими десятками залпов? И еще спросим: чего стоит вся эта гнусная игра в национализм, все эти многочисленные предательства, измены и уступки перед лицом открытой силы вооруженного государства, встающего на защиту своих границ?

Передают, что самые большие потери (до двух тысяч душ) румынско-молдавская армия понесла именно в момент этого артобстрела. Да, приказ о нанесении огненного удара мог отдать только новый командующий, так что поставим это в заслугу Лебедею, как и введение миротворческих сил (наконец-то!) для развода враждующих сторон и установления мира, Миротворцы вступали в город 29-го (28-го?) июля. Бендерчане встречали русскую армию с хлебом – солью, забрасывали цветами. «Тогда мы на Лебеде молились!» - присовокупляла Нина Васильевна.

Но есть и другое мнение, и оно также основательно. К моменту приезда Лебедея обстановка в 14-ой армии была накалена до предела. Многие офицеры и солдаты, переодеваясь казаками, уходили воевать. Всерьез встал вопрос о переходе 14-ой армии под юрисдикцию правительства ПМР (напомним, что тогда еще все предприятия работали, и Приднестровье было достаточно богатой республикой, чтобы взять на себя заботы об армии). И что, с этой точки зрения, задача Лебедея была не столько защитить Приднестровье, сколько сохранить 14-ую армию в составе вооруженных сил России (точнее СНГ). Этому тоже можно очень поверить. Напомним и то, что Лебеде был, несомненно, замечательным организатором армии, и солдаты его боготворили. (Как, впрочем, боготворили Ю. Костенко его гвардейцы!)

И есть третье мнение, женского забасткома, что еще в апреле (22-го) уйдя, безоружными, в окопы на Кошницком плацдарме и у Дороцкого, под прямой огонь армии Молдовы, перенеся идеологическую войну в июле 1992 года на территорию России, Украины и Белоруссии, распространяя листовки с призывами к миру аж в самом Кишиневе, именно они, женщины, сумели остановить войну.

Гак или иначе, но Лебедь стал немедленно героем всего Приднестровья, да, как ни странно, и героем Молдовы, вовсе не хотевшей – помимо горстки вожаков Народного фронта, - никакой войны, да и присоединения к Румынии тоже. Миссию Лебеда они восприняли, как благодеяние (слышал о том от приезжавших в Новгород молдавских торговцев, сообщивших, кстати, что уровень жизни у них после отделения понизился ровно втрое).

Но вот молдовскую полицию из Бендер Лебедь так и не убрал, хотя сделать это ему ничего не стоило. Ушли бы без выстрела, да еще и благодарили. Лебедь попросту зашел к ним туда, и сказал: «Сидите, ребята? Ну и сидите, только тихо! Без стрельбы!» - тем все и кончилось. И они сидят в центре города аж до сих пор, как тот ядовитый зуб убитого дьявола из сказки, который приносит постоянные несчастья живым. И даже ходили, после боев, по квартирам местных казаков, устраивали обыски, искали оружие, хотя, по условиям четырехстороннего соглашения, делать это в отсутствие представителей прочих сторон не имели права.

Кстати, полицию Молдовы можно было убрать из города еще в январе 1992 года, и они были готовы сами уйти и сдать оружие, но тогда вмешался Когут, запретив их трогать. Вряд ли Когута можно обвинить в пособничестве кишиневскому режиму. Скорее всего сказалось обычное «миротворческое» настроение, побоялись политических осложнений, надеялись на договор. Хотя никогда в истории политика уступок не приводила к добру, с каждой уступкой противник попросту наглеет. Вспомним, как выкармливали многочисленными уступками гитлеровский режим европейские политики!

Дальше – больше. При разводе границ Лебедь отдал территорию

военного городка на Варнице Кукунеску (Молдове), барственно заявив, что ему незачем разбираться, кто там и за кого. Лебедь начал, никого не оповещая об этом широко, вывозить вооружение 14-ой армии из пределов республики, в частности, попытался угнать четыре вертолета, которые, опять же, отстояли женщины, вовремя узнавшие, что машины собираются перебросить в Россию.

Начались совершенно непонятные выступления с критикой в адрес Шевцова (нынешнего министра внутренних дел республики) и Смирнова, в адрес всего Приднестровья: - это, де, криминальная зона, бандитская республика и т. д. Со Смирновым, с которым некогда фотографировались вместе, они рассорились. Лебедь стал поддерживать и охранять фирму частного телевидения «Аскет», которая постоянно лила грязь на Приднестровскую республику. Попытался расколоть и женское движение с помощью Мигули (той самой, о которой мне говорила попутчица в поезде). Впрочем, женщины на раскол не дались. У Мигули осталось не более десятка сторонниц, и Лебедь, уезжая, увез ее собою в Москву, где, кажется, выхлопотал для нее квартиру. «Лебедь уехал, и «Аскет» пропал, и нету Мигули!» - присовокупила рассказчица. Обвинение И. Смирнову Маракуце в пьянстве опять же было брошено Лебедем, и фактами подтверждено быть не могло.

При штурме Белого Дома Лебедь, размахивая каким-то листком, кричал: что приднестровцы обороняют Белый Дом. Листок оказался номером «Комсомольской правды», где, в сослагательном наклонении, приднестровцы обвинялись якобы в участии в обороне. И генерал-лейтенант Лебедь берет газетную утку как аргумент?

В конце концов, женский забастком и общественность обратились к Лебедю с посланиями, которые я тут тоже привожу целиком, ничего не сокращая:

«Уважаемый Александр Иванович!

Мы. Союз женщин города Бендеры, долго молчали и терпеливо все

ждали, когда у Вас пропадет желание устраивать всякого рода пресс-конференции и регулярно посещать коммерческую студию «Аскет», где Вы уличаете наше правительство во лжи, воровстве и еще Бог знает в каких грехах. Да, возможно, в нашем правительстве есть упущения, возможно, среди них есть и такие, которые злоупотребляют данной им властью, но, позвольте, нам самим во всем разобраться, и уверяем Вас, что мы (Общественные организации Приднестровья) сумеем отличить: кто есть кто. Неужели Вам, боевому командарму, нечем больше заняться? Вы обратите внимание – кто Вас окружает, старается использовать Ваш высокий авторитет у народа Приднестровья и на этом авторитете и с Вашей помощью прийти к власти. И такие, с позволения сказать, люди, как Бергман, Мигуля и та кучка отщепенцев, взяв от Вас все, что можно, тут же предадут Вас, как это они делают с нашей республикой. Ведь, поддерживая их и идя у них на поводу, Вы прежде всего наносите огромный вред нашему городу Бендеры, и за все это Вам рукоплещут в Кишиневе те, которые в унисон с Вами последнее время постоянно предрекают и назначают даже дату гибели нашей молодой республики. Мы бы хотели, чтобы Вы, Александр Иванович, вспомнили день, когда Вас на площади у горсовета встречали наши жители; женщины и дети, закидав Вас цветами, встали на колени, и вся площадь звенела: «Слава, Лебедь!», «Спаси, Лебедь!», «Лебедь, Лебедь...» - неслось со всех концов, и у Вас на глазах были слезы (мы их видели), увидя все это, Вы тогда поклялись остановить кровопролитие, и спасибо Вам земное, Вы сделали это. Бендерчане не остались в долгу: все почести были Вам отданы, ибо Вы это действительно заслужили. И сегодня, вместо того, чтобы все делать для признания нашей республики, чтобы помочь нам в этот тяжелейший экономический час, все Ваши действия и помощь этой группе идут на уничтожение нашего народа, т. е. жителей г. Бендеры. Многие жители нашего города, помня Ваш Великий подвиг, Ваше мужество в июле 1992 года, не могут поверить, что может произойти такое с человеком, которого буквально боготворили.

Александр Иванович! Мы Вас очень просим – отбросьте всю эту нечисть от себя, прекратите заниматься шельмованием нашего Президента и Правительства. У нас очень маленькая республика, и мы своего Президента выбирали демократическим путем, всем народом и так же всем народом будем его защищать, ибо он служит нам, своему народу и вместе с нами учится жить независимо, не сгибаясь ни перед кем.

Союз женщин г. Бендеры.

2 февраля 1994 года »

«Уважаемый Александр Иванович!

Ваше письмо, адресованное председателю горсовета города Бендеры В. В. Когуту (а значит и всем бендерчанам), редакциям газет «Днестровская правда» и «Новое время» удивило и возмутило нас. Удивило потому, что женщины Бендер, несмотря ни на что помнят А.И. Лебеда июля, августа 1992 года, помнят Вашу пламенную речь при вручении Вам атрибутов Почетного гражданина города.

За прошедшее время многое изменилось, в том числе и Ваше отношение к ПМР и нашему городу. Чем это объяснить, о какой корысти с нашей стороны Вы ведете речь? Каждый объясняет по-своему. Однако Ваши упреки в адрес защитников Бендер и Приднестровья, Рабочего Комитета нашего города – побудили нас ответить Вам.

Александр Иванович, Тирасполь и Бендеры практически один город и совершенно неясно, какие торжественные приглашения нужны гражданину города, чтоб пройти по улицам, встретиться с его людьми, с молодым рабочим коллективом рабочих и никто не против этого. Видит Бог, никто!

Но Вы сами, очевидно, не хотите этого общения. Одна из причин с нашей точки зрения, в том, что многие Ваши обещания, данные горожанам, нам женщинам, остались неотоваренными векселями. Примеры вот они:

XIII Обещание ввести мотострелков в крепость, по выводу бригады. А взамен разоренные руками выводимых военнослужащих помещения.

2. Обещание не трогать батальон химиков – а на деле?
3. Территория радиолинейного подразделения вместо города передана удельному князю Кукунеску – почему?
4. Обещание – 14-я армия не уйдет из ПМР, в крайнем случае, с почетом – Знамя и печать, а нынче грозите расстрелом каждому, кто приблизится к технике. Но ведь азбучно, что народ ПМР имеет на нее все права.
5. Вы забыли, Вас приглашали в наш краеведческий музей, но видно не те масштабы, и Вы не прибыли, несмотря на обещание, а люди ждали. Думаем, не стоит продолжать этот не очень приятный для Вас перечень. Вы правы, Вы не домогались звания Почетный гражданин, но израненный город, его измученные люди отблагодарили Вас так, как могли наиболее правильно. И Вы в те горькие дни, купаясь в лучах славы, человеческой любви и признательности, не отказались от этих почестей – не входило в задачу.

Теперь же перед Вами иные задачи и их надо решать. Вот только в чьих это интересах?

Александр Иванович, можно обмануть избирателей (это теперь модно) и после избрания бросить им в лицо мандат, за который тоже не очень-то пришлось бороться, благодаря ореолу славы 1992 года. Но звание «Почетный гражданин» - прежде всего символическая, моральная награда, она дается один раз и на всю жизнь. Это звание нельзя бросить, как ставшие короткими штанишки, ставшую тесной курсантскую форму, ставший обременительным депутатский мандат, как любую ненужную вещь.

Ответьте честно – кто Вы – генерал-лейтенант Российской Армии, чей заказ выполняете? Наберитесь настоящего мужества нести тяжелое бремя военачальника, решая воинские задачи, и не вмешивайтесь в политику, не мешайте нам самим решать свои проблемы. И еще. Поверьте уж не так безграмотны и слепы защитники Приднестровья, как это кажется Вам, Вам, который взошел на свой воинский Олимп благодаря тому, что они и такие, как они создавали условия Вашему поколению для претворения в жизнь

юношеской мечты. Поймите, что нет худшего, чем быть Иваном, не помнящим родства в своем Отечестве.

А мы, мы сумеем отстоять свои жизненные принципы, свою Республику и жить так, как считаем возможным и достойным, и достойным нашего народа.

Принято на собрании «Союза женщин» города Бендеры.

Присутствовало – 42 человека.

По поручению собрания подписали:

Лохматова Л. В.

Усатенко Н. В.

Сучкова А. М,

Ладыгина В. П.

Краковская Ч. С.

Конькова Е. М.

Тарновская Д. Я.

Горобцова Р.Вл.

(всего 42 человека).

Депутат горсовета 114 округ

А.И. Огли (подпись)»

Объяснение странной метаморфозы Лебеда может быть только одно. Он жаждал власти.

Мне и такое доводилось слышать о нем: мол, у него чрезмерное тщеславие. Ради власти он пойдет с кем угодно и продаст кого угодно. Он шел к власти, а Приднестровье оказалось для него удобным трамплином. Не так давно небезызвестный Боровой выболтал в газетном интервью, что это он, де, «сделал» Лебеда. Посидел с ним вечер на кухне и сделал из Лебеда политика.

Разумеется, не с кухонного разговора все началось. Всякие подобные «разговоры» дают плоды только тогда, когда оппонент сам готов принять сказанное ему и только ищет пути воплощения. Но борьба за высшую власть

требует огромных средств. Средств, которых у генерала Лебеда, естественно, не было.

Моня Бергман свел Лебеда с банком «Мост» (банком Гусинского), как уверяют источники специальной секретной информации, и тем положил начало его восхождению по ступеням власти.

Здесь необходимо сделать небольшое «информационное отступление». Владимир Александрович Гусинский, московский еврей. Дед его казнен в 1937 году, а бабушка отсидела 9 лет в сталинских лагерях. Окончил ГИТИС, факультет режиссуры (полученные там знания пригодились ему в совсем другой области). Ему еще нет пятидесяти, он не курит, почти не пьет, энергичен, коммерцией стал заниматься с 1986 года. Торговал антиквариатом, подкупал чиновников, очень быстро стал банкиром. Он – одна из фигур МОССАДа в России.

Капитал возглавленного им банка «Мост» оценивается в 400 млн. долларов. «Мост» - один из наименее «проницаемых» банков страны, у него внушительная охрана, большой пропагандистский аппарат для создания нужного общественного мнения в сферах печати и телевидения. Сам Гусинский как-то заявил в печати, что у финансового лобби в России есть возможности влиять на структуры власти и очень большие, чего сама власть даже не осознает.

Финансовый взлет «Моста» пришелся на 1992 год, далее начались трудности, в силу конкуренции с «Аэрофлотом» и другими организациями (сам Гусинский говорит, что в финансовой деятельности нет друзей, а есть только партнеры). Опускаю малопонятные мне финансовые операции «Моста» по продаже золотых сертификатов, захвату магазинов, получении льготных кредитов и проч. На парламентских выборах 1993 года «Мост» поддержал Явлинского. В те же годы у Гусинского резко обострились отношения с Березовским, которого уже в наши дни он же провел на место уволенного Лебеда (хотя прежде отношения Гусинского с Березовским доходили до попытки взаимных убийств). Подозрительна, как пишут,

чрезмерная прозападная ориентировка руководства «Мост-банка».

«Мост-банк» постоянно ввязывается в политику, он вошел в штаб по поддержке Ельцина (хотя присматривался одно время и к Зюганову). Когда потребовалось «убрать» Лебеда, заменив его Березовским (кстати, гражданином Израиля) информационные средства, подчиненные «Мост-банку», очень тому помогли.

Гусинский создал «Всероссийский еврейский конгресс», задача которого разорить банки СНГ и ликвидировать национального производителя. В чем Гусинского поддерживают западные сионистские круги.

Итак, Бергман свел Лебеда с банком «Мост». Банк мог дать деньги на «перспективного» генерала.

Бергман оказался хорошим связистом в этом достаточно темном деле (не забудем и о его связях с израильской разведкой).

Запланированный развал России, отторжение от нее юга страны, застопорившееся тут в результате отчаянной обороны, сбивало все планы международной мафии. И вот чем можно лишь и объяснить такой поворот Лебединой политики.

Оговариваюсь: все сказанное лишь моя мысленная конструкция. Под столом у Бергмана не сидел, и разговоров не слушал. Но несколько человек, знающих Лебеда, согласно сказали мне, что к власти он будет идти по трупам, не останавливаясь ни перед чем.

Мы все видели, какие повороты в своих симпатиях совершал Лебедь до, во время и после выборов. Можно думать, что его, вышвырнув из Ельцинского правительства, все-таки переиграли – но для Лебеда это далеко не конец.

Сумеет ли он достичь высшей власти? А ежели сумеет, как воспользуется ею?

Наполеон, совершая свой государственный переворот, едва не упал в обморок. Не от трусости. Трусом назвать человека, бросавшегося со

знаменем на Аркольский мост, назвать нельзя. Скорее – от волнения, от осознания огромности того, за что он берется. Ну и порядок во Франции Наполеон навел, «Кодекс Наполеона» переживший несколько революций, составил, наукам удачно покровительствовал. В военных планах его, увы, занесло. Но это в истории государств не редкость. Лебедь, пожалуй, перед тронem в обморок не упадет. И сумеет ли понять, что власть – прежде всего бремя, ответственность? – это тоже большой вопрос. Во всяком случае, на нем уже висит несмываемым пятном непроясненная до сих пор история с убийством Ю. Костенко – комбата гвардии, без которого, по общему мнению, Бендеры уже 19-го были бы в румынских руках, да так, видимо и остались за Молдовой. В книге Волового, судя по приводимым отзывам, знаменитый комбат постепенно из героя превращается в эдакого гауляйтера. Рассказывали и мне, что уже после того, как фронт более или менее установился, он устроил в местном музее склад ворованного: «Награбил сахар, постное масло; постельное белье, ковры затащил сюда. Сколько коробок с обувью было!»

Но с этим складом ситуацию прояснил прежний директор музея Евгений Александрович Лобанев: «Да какой там склад! Несколько десятков мешков сахара и коробки с кроссовками, 60-70 штук. Сахар этот он выдавал гвардейцам, каждому по мешку, и кроссовки им же. Я потом видел на некоторых эти кроссовки. На сахар, запасенный Костенко, находилось много любителей, но все боялись комбата. А когда его взяли, *забрать* остатки сахара не хотел никто. Кому я только не предлагал.' В конце концов, забрало общество милосердия. А до этого у нас было два ящика колбасы, колбасой этой женщины кормили бойцов».

Поставим вопрос – откуда доставал сахар и обувь комбат? В городе были десятки разгромленных магазинов, товары и продукты часто валялись прямо на земле. Никто же не обвиняет забастком, что они продовольствием из разгромленного магазина кормили защитников города?

Армии в старину (а румынская и в XX веке) жили грабежом, что,

кстати, обременяя воинов добычей, очень затрудняло военные действия. Поэтому в армиях нового времени за мародерство стали строго наказывать.

Но одно дело – мародерство, другое – реквизиции, осуществляемые организованно военным руководством. Наполеоновская армия в той же Италии снабжалась за счет реквизиций. «Война кормила войну». Стремление Костенко как-то вознаградить своих бойцов, - опять же организованным порядком! – вряд ли можно ставить ему в виду. Вообще все рассказы о якобы «махинациях» Костенко разбиваются об отсутствие реальных фактов.

- Не было! Да, до войны он возглавлял фирму, в которой, на вполне законных основаниях, ездил в Волгоград, покупал дешевые там запчасти и привозил в Бендеры, т. е. занимался разрешенной нашим правительством торговлей. Рассказы о жестокостях Костенко пусть остаются на совести журналистской братии. У нас до того, кстати, верят печатному слову, что одна женщина в Бендерах, у которой три сына служили у Костенко в гвардии, до сих пор убеждена, что в казармах гвардии была устроена камера пыток, и дети никак не могут убедить мать, что ничего такого не было у них и быть не могло. Обвинять боевого офицера во время войны в «убийствах» солдат противника вообще нелепо. Мне рассказывали так: «Берут снайпера, у которого на прикладе двадцать пять зарубок, - столько он наших убил. Что с ним делать? Костенко посылает в расход. А на него тотчас Бергман заводит уголовное дело. Вот и считайте, на кого он работал!» Выше уже говорилось о том, что многие государственные органы республики, в частности, Тираспольская прокуратура и органы КГБ, принеся формальную присягу ПМР, продолжали работать на Кишиневский режим. Ситуации возникали воистину фантастические. В ту пору, как в Бендерах шли яростные бои, а республика уже давно, в момент своего образования, отказалась от румынского флага, в городской тюрьме Бендер сидел человек, посаженный туда за то, что сорвал триколор! (румынско-молдавский флаг). И майору Сухинину, чтобы его вызволить, пришлось добиваться прежде, чтобы суд изменил ему меру пресечения. Просто выпущенного парня могли забрать

после войны, как не отсидевшего своего срока. Были, как уже говорилось, заведены уголовные дела и на женщин, сидевших на рельсах. Вот и на Костенко тот же Бергман заводил уголовное дело при каждом очередном расстреле пойманного диверсанта или снайпера. Одна же из женщин-участниц высказалась и еще определеннее: Лебедь с Бергманом вершили суд над нашими бойцами!

Рассказывает майор Сухинин:

«Да, Костенко не ангел! Как-то прихожу к нему, а у него на дворе казармы офицер моет танк. Оказывается, пришел на пост пьяный, и Костенко заставил его вымыть танк – впредь будет думать, когда можно пить!

Дисциплина в батальоне была отменной». (Сухинин, кстати, с Костенко был знаком, и когда-то даже предлагал ему стать командующим ТСО. Но потом Костенко ушел организовывать батальон гвардии.)

О злосчастном штурме полиции, когда Костенко не получил ни техники, ни артиллерийской поддержки, я тоже расспрашивал многих. И пришлось усомниться даже и в том, что именно Костенко был инициатором отхода в Тирасполь (одному из командиров он велел держаться до утра, и только потом прислал приказ – «отходит»). Выше уже говорилось, что, будучи в Бендерах, приказа по телефону из Тирасполя об отходе он отдать никак не мог. История этого злосчастливого звонка так о сю пору и не прояснилась.

Какие были у Костенко отношения с Лебедем? Недавно в прессе появилось сообщение, что Костенко и Лебедь вместе служили в Афганистане, и Лебедь совершил нечестный поступок, нарушил слово, данное афганцам, и, якобы, произошла драка Костенко с Лебедем. Так это или не так – неизвестно, тем паче, что современной прессе верить нельзя, прежней проверки фактов до их напечатания, как и ответственности за публикацию не существует.

Но вот в Приднестровьи пути этих двух людей скрестились вновь, хотя и славою и чинами Лебедь теперь премного обогнал давнего сослуживца.

Ясным днем шестнадцатого июля вдруг по площади от собора мимо музея пополз танк. За ним второй. Примчались машины с армейским спецназом. Иные танки, бойцы с автоматами, стали окружать штаб гвардии, где в это время был комбат. В публике, как искра, пробежала весть, что приехали брат Костенко. Громко послышалось через радиорупор: «Сдавайтесь, сдавайтесь! Гарантируем жизнь!» От штаба гвардии в ответ простучал пулемет. Потом все стихло. Гвардейцы стали выходить по-одному, с оружием, они подходили к исполкому, и здесь садились на землю, держа автоматы у ног. Их окружал спецназ. Потом, после еще какой-то проволоочки, из штаба стали выходить гвардейцы и строится в колонну, со знаменем. Так, со знаменем, они тоже прошли к исполкому. В тот момент без Лебеда задержать Костенко не решился бы никто. Костенко, как рассказывают, в это время вышел из штаба, пошел по улице в обратную сторону, и исчез. Его никто не задерживал и не остановил.

Захватили Костенко позже, в машине, на границе Одесской области. У него была с собой обойма с патронами (оружия не было) и офицерский аттестат. Его тут же увезли в следственный изолятор в Тирасполь. Потом... Потом тело нашли, якобы, на границе с Украиной. По более точным сведениям он был сожжен недалеко от села Владимировка.

Говорили о том, что Костенко жив и даже появлялся в Бендерах.

Кстати, это известие проскочило в газеты «Труд» со слов... Бергмана! В газете «Известия» №179 за 8 августа 1992 года появилась большая статья Валерия Янова «Кровавый комбат». (Было даже две статьи, и во второй автор уверял, что его в Бендерах «хотели убрать» и он «прятался»).

Статья в «Известиях» начинается с биографических данных. Костенко родился в 1952 году, за войну в Афганистане имел орден и медали, русский, образование высшее.

О незаконных расстрелах, совершенных Костенко в Афганистане, в Тирасполе скрывали, не без помощи тогдашнего командующего 14-ой армией Ю. Сергеева, у которого комбат служил еще в Афганистане.

Сам генерал Куликов дважды (то есть уже тогда), в 1984 и 1985 годах прилетал в Тирасполь, чтобы поучаствовать в организованной Ю. Костенко охоте. (Сервилизм!)

К осени 1989 года его увольняют в запас, выдав медсправку №714, где говорилось следующее:

«Юрий Александрович Костенко освидетельствован. Диагноз – последствия повторных закрытых травм головного мозга с астено-невротическим синдромом. Годен к службе вне строя в мирное время. К военной службе ограниченно годен». (То есть – псих!)

Теперь де руководство ПМР жалеет, что они «пошли на поводу общественности в лице СТК и женского забастовочного комитета, которые настаивали на кандидатуре Костенко. (Все общественные организации ПМР виноваты!)

Далее льются слезы по случаю расстрела полицейского и вновь повторяется байка о пытках и избиениях (комбат де имел две резиновых дубинки и т. д.).

(Кстати, - удвоение образа – известный фольклорный прием. Причем автор не сорвался, не сказал три! Было бы уж слишком сказочно.)

Разумеется, кооператоры выплачивали дань Костенко, а он сбрасывал трупы непокорных в Днестр, как царица Тамара. (А женский забастком, Горисполком его защищали!) Ибо... жена председателя СТК Доброва числилась в штабе батальона и получала там зарплату. (Подкуп должностных лиц!)

Зам. Председателя Харченко... не упускал случая крепко поддать с комбатом и подписать ему любую бумагу!

10-го апреля старший помощник прокурора республики Валерий Беркун подписал протокол задержания Юрия Костенко, но исполнять его никто не торопился. Комбат зло предупредил Беркуна, что приговорил его к смерти. (Ужас-то какой!)

29 апреля прокурор республики передает Смирнову информацию о

всех злодеяниях комбата.

Генерал Штефан Кицак, начальник управления обороны ПИР дважды отдает приказ об отстранении Костенко от должности. (А потом приказывает ему же взять штурмом полицию? Что за чудеса!)

...Несмотря на то, что в декабре 1991-го и весной 1992 г. Костенко посылает его по телефону куда подальше. (То есть сосал, сосал Яков из пальца, аж палец побелел.)

По словам все того же Бергмана, Кицаку из Москвы звонить генерал Сухоруков и рекомендует оставить Костенко в покое.

В Одессе Костенко отливают по знакомству сколько надо горючего.

Когда Беркун задерживает одного из телохранителей комбата, Костенко требует его освободить, грозя открыть огонь в городе. Телохранителя отпускают, а Беркун «уходит в подполье».

(Любопытно, что когда задержали одного из проштрафившихся вояк Бергмана, тот явился освобождать своего аж со всею воинской командой и – ничего! Никому на дно залегать не пришлось!)

Новый командарм 14-ой армии генерал Лебедь получает от прокурора ПМР Бориса Лучана ходатайство о задержании Ю. Костенко, и его помещения в одну из камер военной комендатуры ПМР (т. е. подчиненной Бергману!)

«Костенко коварен, опасен, более 20 человек лишил жизни, и может сорвать переговоры о мире между ПМР и республикой Молдова». (А, вот где собака зарыта! Снегур до него добирается!)

16 июля спецназ 14-й армии блокирует Костенко с его гвардией. (На что понадобилось десять танков, которых почему-то не оказалось в момент штурма полиции!)

Комбат чувствовал себя спокойно, надеясь на помощь сверху. (Охоту то устраивал даром ли!)

Средь ясного дня Костенко вышел «и растворился в городе». Позднее генерал Лебедь скажет: «К задержанию Костенко я имею непосредственное

отношение. Но к стыду моих людей и моего лично, мы не смогли его удержать. Ко всему остальному я и моя армия отношения не имеет».

Начальник ГОВД Богданов в 16.30 доставил Костенко в городской следственный изолятор. В 2 часа ночи к горотделу подъехала группа спецназа (т. е. 14-ой армии?), и по приказу Богданова Костенко был передан ей, о чем прокурор ПМР «узнал только утром» и тут же послал жалобу генералу Лебедю, требуя вернуть Костенко, ибо никто не имеет права, кроме следователя. А следователем по делу был тот самый Беркун, который, вы помните, «залегал на дно».

Прокурор Лучик потребовал отставки Богданова, а еще через сутки, 18-го июля, недалеко от села Владимировка в 3 км от железной дороги и в 15 км от Тирасполя была обнаружена горящая машина УАЗ, принадлежащая штабу 14-ой армии. На заднем сиденье – остатки трупа, который тоже продолжал гореть. На нем – остатки военной одежды. Голова покрыта капюшоном, кисти рук отсутствуют. (Кисти рук, как полагают, отрезали, чтобы нельзя было добыть отпечатки пальцев и идентифицировать труп.)

Протокол был проведен откровенно небрежно, предложена версия, что Костенко убили издали (застрелили), после чего подожгли машину. Однако Одесская повторная экспертиза установила, что убит он с близкого расстояния из пистолета Макарова. Один выстрел произвели в глаз, а четыре других – в затылок, что данные первой экспертизы опровергает полностью. Позднейшая версия гласила, что, де, Костенко забрали из изолятора, получили сведения, что его ночью собираются отбить или убрать(?). Что молодой оперативник, поверив Костенко, повез его показывать, где у Костенко тайный склад оружия, и т. д. Все это уже из детективов самого дурного и неправдоподобного сорта. О темном деле Костенко постарались забыть поскорее. Весьма информированный товарищ из окружения командарма заявил приезжему корреспонденту: «Лебедь вам ничего не скажет, потому что не может. Ищите концы у себя, в Москве».

Вячеслав Когут в кабинете полуразрушенного здания Горисполкома

сказал: «Думаю, нас всех используют в большой и грязной политической игре».

Новый командующий 14-ой армией, Евневич, снял, было, Бергмана с должности, но тот съездил в Москву, в военную прокуратуру и сумел восстановиться на работе.

Статья в «Известиях» вызывает множество неразрешенных проблем. Во-первых, - почему в «Известиях»? Вроде бы мелкий эпизод этой «окраинной» войны довольно скупо освещаемой центральной прессой, и вдруг такое пристальное внимание? Потом – концы с концами не сходятся! Преступник – но его не судят. Тайное убийство с сокрытием следов, отнюдь не похожее на казнь, и т. д. Совершенно явно, что статья достаточно неуклюже пытается скрыть нечто, более похожее на преступление, чем на суд. И почему скрыть? Чего боялись?

«Тут, как понаехало к нам после победы всякого народу, и проходимцы, и всякие, а Костенко по Афгану всех их знал! Вот его и убрали!»

«Генералу Лебедю надо было стать единственным защитником Приднестровья, а Костенко ему мешал!»

Война окончилась. И вот наступило то, о чем сегодня трудно говорить. Приезжие казаки собирались разъезжаться по домам. Как провожают победителей? Ну, ну! Смелее! Да, именно! С цветами с музыкой, с вручением памятных подарков (а как воину после оконченной войны нужен этот цветочек, тот скромный знак благодарной памяти! Как обижались те же черноморские казаки, что их, в отличие от миротворческих сил, не чествовали, не провожали с цветами.

Итак – как провожают защитников?

«Якуту (маленький такой), - рассказчица показывает на метр от земли, - что был охотник на снайперов – он их и побил множество! Можно сказать, очистил город. А потом его контузило, и когда уезжал, - благодарность ему написали и только ни ордена никакого, ничего. Ну - хоть благодарность!

С казаками же было еще проще. В номер врывались «черные маски»

(кто такие – поди, знай! В масках они!), наставят автоматы – оружие у кого – на стол! И теперь марш – немедленно на вокзал! Помогли – и нечего вам больше тут делать!»

Вот так провожали защитников в Тирасполе. Рассказчица это наблюдала сама.

Вопрос – опять Моня Бергман? Или и Лебедь тоже. И еще вопрос – приедут ли эти казаки сюда во второй раз?

Ну, а генералу Лебедю что сказать! Он, не первый из тех, кто продавали душу дьяволу в стремлении достигнуть земного величия и надеющихся впоследствии, при расчете, самим обмануть сатану. Однако последнее у подавляющего большинства из них получалось плохо. Духа тьмы обмануть чрезвычайно трудно.

Не окажется ли мертвый, расстрелянный и сожженный, с отрубленными кистями рук Ю. Костенко для генерала Лебеда той самой тенью отца Гамлета, потребовавшей мести за совершенное злодеяние? Даже и так спросим: не безопаснее ли был бы для убийц славного комбата живой Костенко, стареющий, копающийся на своем дачном огороде, выращивая какие-нибудь там гладиолусы или розы, и приглашаемый иногда на заседания того же рабочкома, дабы сказать свое веское слово старого ветерана и героя непокоренной республики? Разумеется, всяким там подлецам, пролазам и приспособленцам было бы труднее при новом комбате вершить свои грязные делишки! Ну, а тогда спросим: - Кому нужны подлецы!

Мы все помним, как тайная мафия шла к власти в молодой советской республике, избавляясь от одного за другим, от героев Гражданской войны. Не воскресает ли, в случае с Костенко, то самое неистребленное доселе начало торжества тайных, связанных с международным капиталом сил (сионизма, масонского заговора, Мирового Валютного фонда, Пентагона – суть одна!) И что должны мы противопоставить этой ползучей заразе, чтобы опять не потерять завоеванную, было, свободу мыслить, трудиться и жить?

Все это было в 1992 году, а сейчас кончается 1996-ой, и что ожидает Россию впереди – не ясно.

Я сижу в помещении рабочкома, беседую с казаками, с тем самым Сергеем Рачинским, что прорывался в Бендеры на броню, и с его троюродным братом, Владимиром Казаковым. Оба черноволосые, стройные, молодые. Лицо у Сергея тонкое, грива волос, изогнутые усики, беспокойные, жгучие глаза, взгляд которых порою трудно выдерживать. Когда он поворачивается профилем, я так и вижу – Григорий Мелехов передо мной!

Я пытаюсь расспросить, а они пытаются рассказать, как это было, и, главное, чем объясняется их безумная, какая-то «старопрежняя» храбрость.

- У нас трусить не принято! – Казаки, это вообще ненормальные люди. Казачья вольница – я с атаманом могу на «ты», а в деле – дисциплина: сказали – сделай, не обсуждай!

Умереть в бою почетно! Кого не взяли в разведку – обижались, спорили: - у тебя, мол, дети! А тебе еще детей надо заиметь! Мне в деле никогда не было страшно – иногда от пули как ветер пройдет в волосах, а даже удовольствие испытываешь! Считаешь, что дойдешь, ничего тебе не будет! Да про смерть никто не думает! А уже после боя сядешь в уголке, вспоминаешь – тут и становится страшно.

Мы-то на Кошницком плацдарме стояли 19-го, пятница, как раз должна была быть смена у нас, услышали, ну и рванули сюда. А там, за мостом – плечо в плечо пушки стояли – шли на скорости, кто раненый падал - не останавливали, подобьют! Первый танк подбили, второй обогнал, а мы за третьим шли – так и домчали до Ленина – кто убит, ранен, у одного руки нет. Полный бэтээр оружия привезли и патронов. Мы приехали у них уже ни гранат, ни патронов. Их расстреливают в упор. После нас в прорыв пошли тоже казаки. Пушку ту видели? На двух тягачах ее везли к исполкому, чтобы его расстрелять – так мы же и отбили. Еще надпись сделали на ней.

Меня потом уже зацепило, так Володя стал вместо меня. А потом мы в разведку ходили по тылам – у нас лучшее разведотделение было. Там вон, где

село Гиска, ходили. В принципе в Бендерах батальон гвардии и казаки воевали нормально. Мы без замены все время на позициях. Въезжаешь в город, а не знаешь, что с родными. Когда возрождали казачество, я как раз с армии пришел. Двадцать один год был мне. А в разведку интересно ходить!

- Весело возвращаться с трофеями! – поддерживает Владимир,- У нас парень приехал с Якутска, Сергей Соколов, 25-го уже был на позиции. С оружием. Отличный парень, снайпер.

Создали диверсионную группу. Один парень у меня знал молдавский и румынский языки, так давали им по радио ложные ориентиры. У румын не зазорно бросить автоматы и бежать. Да вон, Володька забрал однажды четверых, видит, следы от ремня, а оружия нет. Спросили. «Мы не хотим воевать!»

- Я отпустил, присовокупляет Владимир, - были бы с автоматами. Другое дело. Одному так, в бою, прострелили башку, а документы смотрим – шестеро детей у него. Последние две доченьки Екатерина и Елизавета. В 90-м году родились.

- А ту старуху помнишь? – Да совсем и не старуха она! Несла патроны в двух рюкзаках, шестеро полицаев у нее в доме было. Мы ей ноги прострелили. Бабку в больницу я свез, а этих шестерых прикончили.

А этот ночной бой, на девятиэтажке! – Был у меня гранатомет, а нас трое сидели на доме. А там 32 человека, чистейший ОПОН – я их пропустил, дал им хвоста. Вовка отстреливался – землей его завалило, оглох аж на четыре дня – а у меня после боя осталось всего полтора рожка патронов. Все же их трое ушло. Серегу-то якута ранило, высунулся посмотреть – так грудь задело и ноги посекло – бой закончен, а якут лазит по полу, даже не мог выбраться из комнаты.

- Опоновцы грамотные, хорошие солдаты, огонь у них плотный. При каждом гранатометчике снайпер есть, трассиром показывает, куда стрелять, а тот – из гранатомета. Грамотно поставлено! Меня как засыпало землей, ну думаю, пожалуй, конец! Они от Гербовецкого леса шли оттуда.

«А то и ножами! В микрорайоне у переезда мы шестерых зарезали – у меня два ножа в них осталось. Некогда было вынимать!» (Гляжу на Володю – ну никак не похож он на эдакого убийцу-мясника – ему бы в трамвае женщинам место уступать! А потом понял – для казака бой – работа, как было для наших предков дворян. Тут можно и отпустить кого, и похвалить опытного противника, сказать с уважением о доблести врага, ежели таковая проявлена. Древние, полузабытые воспоминания прежних веков – конные сшибки, сабельный блеск – Куликово поле.)

- А в апреле они почему замирилась? Мы вырезали ихний расчет, семнадцать человек, ну, те, сразу и пошли на мир!

- Костенко был грамотным офицером! – объясняют казаки. – У нас был старший лейтенант – погиб, возле крепости. Прислали другого, а он выстроил нас – буду знакомиться с личным составом! А молдоване постреливают, пули летят, я забрал автомат, дал этому по лицу, и отправился к Костенко: - Юра, если ты присылаешь нам командира, то присылай нормального! Объяснил. Костенко все понял и больше этого командира к нам не присылал. Без Костенко девятнадцатого город уже бы взяли.

С теми, кто находился на постах в нетрезвом виде, не церемонился, сразу выгонял. Его до сих пор старые гвардейцы, как соберутся, так – «Юрий Александрович» - и первую чару за него. Таких, как он, мало у нас было, да не было таких!

В атаку ходил в общей цепи со всеми, когда «Дружбу» брали. А потом спецназ нагнали, восемь танков, БМП, - гвардейцев как преступников выводили, под автоматами. Руцкой договор о перемирии заключил тут до приезда Лебеда.

Потом уж, с первого августа этих встречали и цветы, и все, а наши пошли, как бандиты, ни спасибо, ничего. И начался шмон по квартирам – оружие искали. – У меня дома квартиру перевернули! Одна их полиция и ходила, без наших! А Бергман в Тирасполе пацанов бил раненых.

Костенко был им неудобен, нравный командир. Как его убрали, многие

ушли и из гвардии.

Нужен был главный миротворец, а всю кухню тут варил Костенко – а им нужно было высветить одного Лебеда.

Ну-и, в заключение хочу привести тут еще одно мнение простой женщины молдованки. Толковала она со своими уже после войны, с теми, кто был в ополчении:

- Мы и не хотели воевать! У нас на русских зла нет! А как! – к нам приехали от Народного Фронта. – Идите! Кто не пойдет – расстрел! Всех забрали, всю молодежь, у нас всего двенадцать человек и в деревню вернулось. Ну, пошли, стреляем – кто куда. В эту фабрику зашли. Флоаре – это по-русски цветок, тапочки там делали. В директорский кабинет зашли, а там нашли канистру спирта. Пить боимся, а вдруг отравя'? Ну, один у нас был врач. Он говорит, вот в ложечке зажжем, если без остатка сгорит, значит, чистый спирт! Ну и, все чисто сгорело. Тут уж мы двери забаррикадировали, и четыре дня так и сидели, пили. Вышли, когда уже война закончилась, набрали по мешку тапочек, и – домой. А за тех, кто убит был, из нашей деревни ничего не дали нам, ни пенсии никакой.

Эта война не национальная, а мафиозная! – Заключила рассказчица. – Разграбили банк, тем все и кончилось, и больше им и делать нечего в городе стало!

XI.

Удушение

Говоря о послевоенной судьбе Приднестровья, а конкретнее о судьбе Бендер, подчеркнем еще раз, что размер города Бендеры не имеет никакого значения. Вспомним, велик ли был кусок земли в Сталинграде, который мы защищали с таким упорством, после того, как отдали тысячи километров пространства! И, отстояв, именно после Сталинграда неудержимо двинулись на Запад, аж до Берлина самого.

Мне и такое приходилось слышать, что юго-западная граница СССР –

граница противостояния враждебного нам венгеро-румынского мира дружественному России сербо-болгарскому. Почему, мол, и первая мировая началась именно здесь, в скрещении противостоящих сил (выстрел в Сараево, героическая оборона Сербии), да и Вторая континентальная война именно здесь проявилась в особом обличье состязания двух противоположных систем.

Дуга этого противостояния распростерла крылья от Чечни до Югославии, замок, центр этой дуги – Приднестровье, а ключом к замку является город Бендеры. Именно отстоявши Бендеры, мы помешали Молдове уйти в Румынию, ибо здесь был, есть и будет узел всех, приграничных с Балканами (с западным и мусульманским миром) проблем. Так это или не так, но необходимо признать, что геополитическое значение этого маленького города на этом куске земли несравненно больше его истинных размеров. И каким-то странным образом он, этот кусок земли, обратным порядком воздействует на те процессы, которые происходят во всей России.

По-видимому, именно этим определяется пристальное внимание к этому городу коррумпированных деструктивных сил, пытающихся не мытьем, так катаньем расправиться с Бендерами, теперь уже не военными, а экономическими способами добиться своего.

В Бендерах, в единственном из городов Приднестровья, сохранена прорумынская полиция. Полиция, которая год за годом продолжает облавы и аресты, продолжает избивать и похищать граждан, то есть делает все возможное для создания в городе криминогенной обстановки. Характерен эпизод с румынской школой, в которой образование задумали давать на румынском языке и по румынским напечатанным на латинице учебникам. Учились там дети богатенькие, прорумынски настроенных родителей (школьников привозили на особом автобусе и т. д.).

И это сразу после страшной изуверской войны, после растерзанных детских трупов и убитых женщин. И пусть московские дамочки не падают в обморок. Женский забастком Бендер решил пикетировать школу, пока там

такое творится. При том, что школу финансировала ПМР – то есть людям предложили принять то, против чего они только что бились с оружием в руках – румынский язык и румынизацию.

Женщины собрались под стенами школы, загородили двери. Как над ними издевались, какой грязью поливали их румынские учителя, как галились и потешались над забасткомом!

Кстати, почему-то заявления с просьбой принять ребенка в эту школу все были написаны одной рукой (прорумынски настроенные родители, как оказалось, румынским-то и не владели!) Учителей почему-то оказалось больше нормы – были привезенные со стороны, и т. д. Прибыли вызванные из-за города народнофронтовцы, якобы родители детей, - истинных родителей было очень мало. Перед дверьми школы началась драка, и вот тут опять вмешалась молдавская полиция, новым комиссарам которой, к нашему стыду и позору, оказался русский Валерий Прудников. Полицай раскидывали женщин как дрова, хватали за руки и швыряли в стороны, одной из участниц забастовки проломили голову. «Я вам устрою Чечню! Да и Чечня это цветочки. Я вам такое тут устрою!» - кричал Прудников, сей зарвавшийся русский холуй при кишиневских и румынских господах.

Забастком все-таки выстоял. Вызвали комиссию из Министерства образования, удалось добиться запрещения румынских учебников, запрета обучения на румынском языке, хотя кое-кто из преподавателей, оставшихся в школе, и в дальнейшем продолжал тайно, нет, нет, да и приучать детей к румынской письменной речи... Вторично прошу московских дамочек, отдающих детей в школы с английским языком, не кудахтать по этому поводу. Вы учите своих детей языкам, чтобы они стали культурными людьми или для того, чтобы они могли уехать в Америку? Вот и уезжайте туда. Скорее! Вместе со своими потомками! А языки – что ж! Русская дореволюционная гимназия давала знание аж шести языков (греческий, латынь, церковнославянский, французский, немецкий и английский по желанию). В ту пору никто почему-то не начинал учебный процесс с

артиллерийского обстрела школ и насилий над десятиклассницами. И никто не лупил дубинками русских, дерзающих разговаривать на русском языке.

Но не мытьем, так катаньем! Жизнь здесь нынче трудна и становится труднее день ото дня. Причин к тому много. Стоят предприятия, рассчитанные некогда на Всесоюзный и даже зарубежный рынок. Ткани, изготавливаемые на шелкоткацком предприятии продавались аж в Эфиопии. Стоит, по сути, ткацкая фабрика, стоят десятки других, стоят военные заводы, стоят и предприятия легкой и перерабатывающей (той же консервной) промышленности...

Россия собирается строить у себя предприятия, аналогичные местным, вместо того, чтобы воспользоваться уже готовыми мощностями, уже имеющейся квалифицированной рабочей силой.

Сейчас (в декабре 1996 г.) идут об этом переговоры местного руководства с Черномырдиным.

Малы пенсии, а пенсионеров тут особенно много. Ибо здесь, на этой благодатной земле, в благодатном климате (почти субтропики!) оставались и уходившие в отставку офицеры, оставались, выходя на пенсию люди из России, проработавшие тут несколько десятков лет и уже ставшие аборигенами. Кто же думал тогда, что наступит такое время, когда наша юная, но чрезвычайно хищная, демократия путем инфляции мгновенно, в один глоток, съест многолетние накопления стариков и старух, а размер пенсий станет просто смешным (ни жить, ни умереть!) и это тогда, когда уже нет сил что-либо начинать заново, когда жизнь прошла и «все в прошлом», и когда нет детей, способных, а, главное, желающих помочь своим родителям! Отношение к старости есть пробный оселок всякого общества. Да, грубо-то говоря, выживший из ума старик умрет, и кому он, такой нужен? Да никому! Собранные вместе пенсионеры, даже украшенные орденами и медалями ветераны вызывают грустное чувство (и очень хорошо, что на празднестве, посвященном ветеранам в концерте выступали совсем юные девочки и девушки. Старости легче глядеть на юность, чем на самое себя).

Но вот о чем следует помыслить. Старость и смерть предстоят каждому. Это то, от чего не ускачешь ни на каком волшебном коне. И каждый, глядя на стариков, безотчетно прикидывает на себя, - а со мною, когда, также?! И становится очень невесело жить. И уже другими глазами озираешь сущее, и уже чужим и враждебным становится привычное бытие.

Я уже не повторяю тут того, что опыт, знания, да просто память о прошлом – это тоже бесценное богатства, что забота о стариках воспитывает терпение и гуманизм, а уважение к старости есть, пожалуй, главное звено в воспитании нового поколения. В той, великой древности всего человечества бабушки рассказывали сказки внучатам, прививая им знание традиций, а старцы составляли совет старейшин при вожде племени. Словом, не такой он простой, этот самый пенсионный вопрос!

И когда безусловно умному и дальнзоркому новому руководителю администрации Бендер приходится говорить о том, что иные старики еще вполне могли бы прирабатывать к пенсии – это, конечно, не от хорошей жизни, да это и попросту нехорошо. Да, впрочем, вопрос этот сейчас всесоюзного значения, и здесь, быть может, только лишь несколько более обострен. Не забудем и то, что когда мы говорим, что человек зарабатывает себе пенсию, это чистая фикция. То, что нужно ему в старости – еда, одежда, тепло – невозможно заготовить заранее, за сорок лет. Фактически стариков обеспечивает подрастающее поколение, а когда рождаемость падает, возникает неустранимое противоречие: количество стариков увеличилось, а кормильцев не хватает и тут – хоть на голове стой.

И все же!

Когда семья старается избавиться от своих стариков, когда «любимая бабушка» становится обузой в доме и ее стараются куда-нибудь сбыть, когда взрослые сыновья и невестки начинают дерзить и небрежничать со стариком-отцом, - все это говорит об огромном неблагополучии в семье, о кризисе, продолжение которого закономерно приводит к гибели нации.

Когда общество спешит засунуть своих стариков в дома презрения,

скрыть их, убрать с глаз, создав им «счастливую старость» где-то там, в отдалении и на стороне – это говорит о серьезном заболевании общества.

Когда государство разоряет и сажит на голодный паек своих пенсионеров, это значит, что такое государство приблизилась к гибели.

Неконвертируемость местной валюты ведет к тому, что расчеты совершаются то в румынских лаях, то в американских долларах. Например, секретарша в Горсовете получает 28 долларов (17 млн. = 170 тыс. наших рублей), а сапоги купить – сто долларов.

- Как вы живете? – спрашиваю.

- «Работала на базе, база закрылась. Поступила на военный завод – закрылся. Стала торговать в ларьке: рэкетеры приходят, полная незащищенность! Простудилась там, заболела, пролежала в больнице. С трудом (подруга помогла, освободилось место) устроилась сюда. С работой справляюсь, потому и держат. Дом у нас свой, огородик. Отец умер в 1993-ем, у него была военная пенсия. Продали вдвоем с сестрой отцову машину, теперь проедаем.

А рэкетиров этих не прижать. Это международная мафия. Тут прижмут их – уедут на Украину, оттуда зубы скалят. Начали бы их прижимать сверху из России – а то это единая ниточка!

Мы раньше-то жили хорошо, второе лучше соседей, а нынче предприятия стоят!»

Поговорил с местным предпринимателем. Держит ресторан, который дохода не дает, едва окупает себя. «Но у меня восемьдесят человек; я перед ними в ответе». Тут зарплаты побольше – до ста долларов. Сам он занимается в основном торговыми перевозками. Сперва начал было возить сюда сырье, отсюда готовый товар – но финансовые игры, постоянные валютные скачки не позволили продолжать. Перешел на «частную торговлю». Мечтает о снижении налогов, о возможности работать честно, ничего не утаивая. Деньги все «в деле» - лишнего, по существу, нет. Рассказывает, как и с помощью кого обороняется от рэкета. Он много читает,

он – патриот России, но ничего существенного, сам по себе не может изменить, и я, выслушивая все это, мучительно думаю о том, что мы все находимся в лапах какого-то холодного спрута, который медленно удушает страну.

У смотрительницы в музее пенсия – 11 млн. (110 тыс. нашими) еще 5 млн. – зарплата со всеми надбавками.

Спрашиваю кастеляншу, что гладит столовое белье в ресторане. «А как живем? Мы живем с рынка, Хозяин привезет, а перекупщики тут как тут, скупают у него, а потом поднимают цены. Нет того, как было прежде!» Спрашиваю: - «Хотите ли к Молдове?»

- А нас кто спрашивает? Нас куда ведут, мы туда и идем! Нас не спрашивают!

Зарплаты учителей были 10 млн. (100 тыс. нашими) сейчас поднимают, кажется, до сорока пяти.

Зарплата руководителей исполкома с доплатой 50 процентов за орден – около наших 300 тыс. Впрочем, хлеб здесь дешевле, чем на Украине, и втрое дешевле, чем у нас, мясо где-то тоже втрое дешевле и очень низкая квартплата, что целиком можно поставить в заслугу местной администрации и самого И.Н. Смирнова (в Молдове и на Украине выше, как минимум, в пять раз).

Некуда устроить детей.

Пути в Киев и Одессу – как это бывало прежде, закрыты. Для Кишинева надо знать румынский язык, Посылать в Россию? Нет денег. Молодые кончают ВУЗы и идут ... в торговлю.

«Республика всосала бы всех специалистов, ежели бы работали предприятия», - говорит глава администрации. – «Опять все упирается в непризнание республики, неконвертируемость местных дензнаков, в дикие таможенные барьеры. Да еще и Молдова потихоньку сосет и сосет Приднестровье. Банковские расчеты и поныне идут через Кишинев, где Приднестровью регулярно задерживают выдачу кредитов, а при любой

попытке отделиться поднимают визг аж на всю страну. Причем за электроэнергию, получаемую от Дубоссарской ГЭС, платить не желает. Украина сгружает у себя составы с горючим, предназначенные Приднестровью. Благодаря «непризнанности» республики, невозможен нормальный торговый обмен. Договариваются завод с заводом, предприятие с предприятием.

Магазины, торговля в Бендерах находятся в руках криминальных структур, которыми руководит какой-то «Кура», которого соперники несколько раз пытались убрать («даже в Германию удирал!»). Прошлым летом какие-то «черные маски» врывались в рестораны, кого-то избивали по вечерам. Был снят начальник милиции, видимо потворствовавший бандитам.

В достаточно сложном положении оказались и казаки-бендерчане. Атаман не может набрать для регулярной службы даже полусотню казаков. Многие то и дело уезжают на заработки в Россию, кто строит, кто торгует. Даже своего помещения отремонтировать не на что. Многие казаки сидят без работы. И это люди, которые на Кошницком плацдарме делали из себя подставки для ракет «Алазань». На спину клался матрас, на него – сваренная из уголков рамка. Заряжающий командовал – выше! Ниже! Правее! Такого и нарочно не придумаешь! Один из казаков из любопытства поднял голову поглядеть, как полетит ракета и ему опалило лицо.

Зарплата атамана (капитана по военному званию), принятого на государственную службу, около 30 млн. – 60 долларов, а сержанты российской армии здесь получают по двести долларов в месяц – втрое больше. В выходные дни атаман прирабатывает на шабашках. Ну, и как вы теперь относитесь к отделению? – задаю сакраментальный вопрос.

- Придет такое, и еще драться будем! Себя человеком чувствуешь! Если бы нас победили, Молдову уже бы увели в Румынию. Я встречался с молдаванами, сидели, пили. Теперь они нас благодарят – спасибо! А то были бы мы под Румынией – батраками работали бы у румын!

Там тоже многие к России теперь хотят. Но, думаю, видимо молдаване

заслуживают того, что они выбрали!

Так вот удушают Приднестровье, стараясь погубить все то, что составляло славу республики, и на что нацеливалась Румыния. Теперь вот (декабрь 1996 г.) затеяна московскими дельцами какая-то непристойная возня вокруг единственного завода, который до сих пор работал безубыточно и в полную силу по переработке семечек в постное (подсолнечное) масло. Кстати, самое вкусное и питательное из всех постных масел, не исключая оливкового.

Добьются ли силы зла своей цели? Сумеют ли погубить Приднестровье: Вот он опять, вечный Гамлетовский вопрос.

Сейчас пора поговорить о том, что творилось в Кишиневе накануне описанных нами событий не для «соблюдения объективности» (в объективность кого бы то ни было в политической сфере я попросту не верю).

Весь национализм, по сути, вышел из Кишинева. В провинции ничего подобного не было.

Сперва был организован кружок имени Матеевича. Возглавили его местные поэты и писатели – Леонида Лари, та самая, что венчалась с памятником Штефана Великого (дама эта каждый год на 2-3 месяца ложилась в психбольницу. По-видимому, как часто бывает с такими людьми, у нее было болезненное умение «зажигать» окружающих своими призывами. Поэт Виеру, Ходырка, Дабиджа (последний присвоил себе, не имея на то никаких оснований, княжескую фамилию).

Все эти деятели стали известны только потому, что их переводили на русский язык. Начались крики, шествия, заметим, что на молдавском издавалось чуть не вся мировая литература. Но... читатель предпочитал брать русские переводы.

Зимой уже стали громить учреждения МВД. Приезжал «прораб перестройки» Яковлев, и еще подогрел весь этот националистический угар. Далее началось «потворство» (причем, когда русские пытались выступить –

о! Тут «органы» проснулись и стали «давить»). Началось выборочное печатание только одних разрушительных материалов. Я вот думаю теперь – ведь без покровительства партийно-номенклатурной верхушки – все эти вопли, избиения и прочие и прочие попросту не состоялись бы.

В Верховном Совете Народный фронт получил только треть мест, но они попросту срывали все разумные действия – депутатов избивали, Верховный Совет бойкотировали. И власть, даже не взирая на погром «органов», никаких твердых мер не предпринимала.

Опять видим заранее задуманный заговор, за которым стояли «западные товарищи» и наша номенклатура.

Как получилось, что в верхнем звене власти полностью отсутствовал патриотизм? Как получилось, что это высшее звено (по всей стране!) пошло по линии предательства национальных государственных интересов? Что-то страшное, что-то запредельно жестокое видится во всем этом шабаше!

Кстати, необходимо защитить Матеевича – священника и просветителя молдавского народа, писателя, богослова, поэта, человека высочайшей культуры, и, что самое интересное, принципиального врага румынизации. Привожу целиком его стихотворение, написанное с изяществом большого поэта и с ясностью подлинного мыслителя:

Иным словесникам

Нам не понять друг друга!

Зачем язык наш нужно

Осовременить, руша его устоев дух!

Словечко из латыни, - оно хоть и недужно, -

Вам кажется ноктюрном, ласкающим ваш слух.

Одежды нравов наших в прадедовском покрое,

В узорах 176етто176ок176ых и вышивках цветов,

Ковры, что были вытканы умелою рукою –

Все видите убогим, как свитки пастухов.

Земля, где родниками из глубины струится
Священное бессмертье, где красоте цвести,
Вам кажется пустыней, - ни деревца, ни птицы,
Вы в ней свои розарии хотели б развести.

Молдавский вольный говор, язык, что дан навеки,
Становится латынью в цирюльничьих устах,
Но пахнут ваши розы лекарством из аптеки,
Ведь розы ваши сделаны из розовых бумаг.

Язык наш полнокровный богат на удивление,
Ему вредны бумажность и донорская кровь.
В цветке таится завязь для самообновленья,
Не надо только рушить прадедовских основ.

В себе самом с избытком язык находит силы,
Здоровьем материнским он с древности храним,
А вы все краски ищете – то синьку, то белила,
Чтоб небо светоносное размалевать под ним.

Нам не понять друг друга, хоть спор наш не впустую.
Уже извлечь уроки, нам кажется, пора, -
Ведь кое-кто возводит хулу на речь родную.
Как можно в грязь вываливать зеленый шум дубрав!

Смотрите, даже те, с их языком недужным,
Внимают с уважением, лишь молвим слово мы,
А наши песнопевцы, чьи перья так искусны,
От наносной латыни бегут, как от чумы.

Нам не понять друг друга.

Но если бы вы знали.

Как наш язык страдает от слов чужой земли!

Тогда б основы древней вы в нем не разрушали.

Тогда бы мы, возможно, согласие нашли.⁶

Похоже, что деятели Народного фронта попросту не читали Матеевича, не знают они и того, что молдавское господарство пять раз (!) просило его принять в состав России, спасаясь от турецких разорений. Конечно, сколько бы ни ходили толпы народнофронтовцев по главным улицам Кишинева, скандируя «Мирчо Снегур, Мирчу друг нас к победе приведут» (над кем? И зачем?), сколько бы не раздували националистическую истерию, что вроде бы не должно было как-то задеть Тирасполь, счастливо отбившийся от попыток решить дело силой, но... Все связи – почтовые, банковские и прочие по-прежнему шли через Кишинев, кредиты, выделявшиеся Приднестровской республике оседают в Кишиневе... Наше в особенности милое правительство предпочло «не заметить» ни бойни в Бендерах, ни воли местных жителей выраженной на референдумах... Просто не заметить! А точнее сказать – намеренно не заметить. Мирчо Снегур – 178етто178ок и трус (вспомним эпизод с фабрикой Тигина!) несколько раз предлагал объявить войну (!) России. Откуда такая львиная храбрость? А Мирчо Друк, как стареющая невеста, собирающая приданое к свадебному дню, вознамерился баллотироваться в президенты (!) Румынии, не понимая, видимо, как та застарелая невеста, что никому-то он в этой Румынии не нужен и, во всяком случае, высший пост в этой стране, даже ежели бы он приволок с собой в качестве приданого все Приднестровье, ему так и так не получить.

И все дальнейшее зависело уже не от Смирнова или Снегура, а от

⁶ Ал. Матеевич, «Избранное», Кишинев, Ла, 1988. А. Матеевич умер в 1917 г. своей смертью, от старости.

деятелей, сидящих в Москве.

XII

Чего здесь хотят?

Языковая проблема, о которую еще недавно ломались копыя и проливались потоки чернил, в сущности очень проста. Ныне наступило отрезвление и многие споры как-то стыдливо поутихли, хотя до понимания сути происходившего дошли еще далеко не все.,

Языковая проблема в 1980-х годах стала по всей стране чуть ли не главным орудием возбуждения межнациональных конфликтов. Американские институты, разрабатывавшие эту проблемы под грифом: «Как развалить Советский Союз?» - поработали не зря,

Идея, которую они вбивали и вбили-таки во многие головы мало что понимавших и премного склонных к уступчивости россиян, заключалась в том, что всё население в наших национальных республиках, в основном, разумеется, русское, должно выучить язык коренной нации. Но и не только! В Мордовии, например, на 600 тысяч мордвы приходится не то 200, не то 400 тысяч татар, считающих ту землю, на которой они живут, своей, а себя – коренным населением аж еще со времени Золотой Орды, ежели не со времен Булгарского царства. Ну, а русских в Молдавии один миллион сто тысяч, и именно русские построили тут города, переименованные по-мордовски только в советское время, создали промышленность, культуру и проч. Причем русское население здесь существует местами, даже не с четырнадцатого, а с двенадцатого столетия (Пургасова Русь). Теперь посмотрим, чтобы понять проблему, несколько вперед, поставив перед собою вопрос; ну, а что же будет? Не ставя вопроса о будущем, нельзя, по сути, решить ни одной проблемы.

Так вот! Ну, выучат люди, живущие в республиках, язык коренной национальности. Появится огромное число людей, больше, чем сейчас, на двадцать пять – тридцать миллионов, знающих местные языки. Ибо именно столько русских, путем проведения еще в 1920-х годах искусственных

национальных границ, попали на «чужие» территории. Да еще сюда причтем всех прочих, живущих «не на своей земле», как те же татары в Мордовии (а татары живут широко, по всей России!), как те же осетины, армяне, абхазы. Появится масса людей, говорящих на разных языках, то есть неспособных сноситься друг с другом вне своих республик. Проблема не исчезнет, но только возрастет. Переходить на свой (не русский!) язык – это значит отделяться от России. Сверх того, эти люди автоматически теряют язык культуры, отторгаются от источников знания, ибо тотчас оказывается (да уже и сейчас оказалось!), что, например, даже украинский язык, при всей своей красоте, певучести и массе других достоинств – это язык семнадцатого столетия, он не имеет в себе всей той громадной научной, технической и культурной информации, которую впитывал и впитал в себя за три столетия язык русский (с немалыми трудами, кстати!).

Выход одуревшие украинские националисты находят в том, чтобы обратиться к польскому языку (трогательное желание стать польскими хлопами! Слышишь, Богдан, о чем пошла, речь?) Но тогда зачем же и за что проливали кровь казаки Богдана Хмельницкого?

Ну, а в Бессарабии, по той же указке из-за рубежа пришли всех сделать румынами,

Итак, принятие национальных языков как единственно возможных должно привести:

- а) к отделению данного народа от целого организма. России;
- б) к грандиозному падению культуры данного народа;
- в) к обнищанию, за счет распада вековых, налаженных хозяйственных связей, а ежели вспомнить о евразийской дороге, Великом Шелковом пути, то и к распаду тысячелетних связей Великой России.

В результате все эти новоявленные государства должны будут попасть под зарубежный диктат (Америки и Западной Европы), стать полуколониями и сырьевой базой Запада, то есть – ничем. Чего, собственно, и добивались американские социологи, запланировавшие через язык развалить Советский

Союз.

События в нашу эпоху развиваются прямо-таки с головокружительной быстротой, и этот итог языкового разделения уже просматривается в том горестном состоянии, в каковом находимся все мы на пороге третьего тысячелетия.

И хвала Приднестровью, что его народ, или, точнее, народы первыми восстали против этого подлого плана и сорвали уже готовую программу Запада, заключающуюся в том, чтобы отодвинуть Россию на Восток, почти что к границам XV-го столетия.

Были ли какие-либо реальные проблемы языкового характера в нашей стране?

Во-первых, скажем сразу, что в едином государственном организме единый язык попросту необходим. С этим, как говорится, ничего поделать нельзя, что, кстати, совсем не исключает возможности развития местных языков и права граждан говорить на своем языке, как и писать на нем, как и изучать свой язык в школе. В Штатах, где национальная пестрота не меньшая, чем в России, почему-то никто не требует отказа от английского языка. А в многонациональной Индии и того хлеще: языком межнационального общения и поныне остается «язык угнетателей» - английский.

И более того, и для межгосударственного общения по тем или иным причинам также избирался в широких регионах какой-то один язык, служивший языком торгового общения, языком дипломатии, языком церкви и культуры. Такими языками в Средней Азии был, сперва персидский, а потом арабский, на Ближнем Востоке – арамейский, в Византийском, да и не только в византийском мире – греческий (все образованные римляне эпохи империи прекрасно знали греческий язык, говорили и писали на нем). В Европе, уже после конца Римской империи, господствовала латынь. И, например, профессор права из Болоньи мог легко, не меняя языка, поехать читать лекции в Париж, в Лондон, во Фландрию, Испанию, Германию – и

езде его понимали, потому что и школяры прежде всего выучивали латынь.

В Европе эпохи Просвещения таким языком оказался французский, во многих государствах Южной Америки – испанский, а в наши дни языком межнационального общения все увереннее становится английский язык. И люди учат этот «общий» язык, и никто, почему-то не «возникает» по этому поводу.

Любопытно при этом, что создать некий всеобщий язык (эсперанто) искусственно, вернее, ввести его во всеобщий обиход не удалось, и по очень простой причине: каждый из названных языков был языком какой-то большой культуры, создавшей общезначимые духовные ценности (римское право, например, изучают до сих пор, а римских историков и поэтов читают и переводят и ныне).

В Великой России языком межнационального общения по всем перечисленным причинам может быть только русский язык, язык Пушкина, Толстого и Достоевского, язык Менделеева и Боткина, язык целой плеяды блестящих ученых во всех областях знания. Приобщение к русскому языку давало всем представителям так называемых «малых народов» возможность приобщения к великой культуре и к высотам современной цивилизации, ибо и переводчики наши потрудились на славу, познакомив россиян едва ли не со всем объемом произведений мировой классики. (Трудно найти, что из подлинно великого, созданного где бы ни было, еще не переведено на русский язык!) Да ведь признаемся: русский учили не потому, что кто-то заставлял, - учили, чтобы получить доступ к мировой культуре, чтобы поступить в столичный вуз, чтобы, наконец, поехать торговать из того же Азербайджана в Омск или Москву.

Единственное, что надо было, возможно, сделать там – это чтобы в государственном аппарате национальных анклавов (связь, администрация, судебные органы) находились люди, знающие, помимо русского, еще и местные языки. Дабы каждый гражданин, не владеющий русским, мог объясниться с властями, мог подать жалобу или просьбу, мог отослать

письмо и т. п. Возмущение местной, в частности, прорумынской интеллигенции засильем русского языка в той же Молдове беспредметно и глупо. Ну, не учи русский язык! Учи румынский! Ежели не нравится, можно организовать школы без русского языка, а, скажем, с английским в качестве иностранного! Выпускники таких школ, правда, не попадут уже в столичные институты, не поедут учиться в Москву или Петербург, да даже и в Одессу или Киев, не смогут и торговать отправиться куда-то в Россию, ни с фруктами, ни с вином. Но это уже, как говорится, «их проблемы». Пускай уезжают за рубеж!

Напомню, что национальные авторы в СССР получали в случае их перевода на русский, двойной гонорар: первый – за издание, второй – за перевод. А зная русский язык, и переводили зачастую сами. Так что беснованья «Народного фронта» в том же Кишиневе, возглавляемые «тружениками пера», с требованиями запретить русскую молвь и «вымыть асфальт русскую кровью», ничем, кроме приступа шизофрении объяснить невозможно. Ну, а социальные беды нашего прежнего режима (как оказалось теперь, значительно меньшие нынешних!) отнюдь не от русских, и не от русского языка происходили, а от заплывшей жиром бюрократии (кстати, вполне многонациональной!) и решать эти проблемы следовало сообща, соборно, всей нацией, вернее – всеми нациями Союза, отнюдь не разбегаясь врозь. И, кстати, называть оккупантами русских прибалтам, получившим свою государственность **впервые в истории (!)** именно из рук советской власти, совершенно ни к чему. Под немцами, например, они бы попросту исчезли со страниц истории. Впрочем, кому-то очень уж требовалось оторвать Прибалтику от России, и в Москве сделали все возможное, чтобы это, наконец, произошло! Опять же вспомним, что американские институты, посаженные на эту проблему, - как развалить Союз, - потрудились не зря.

Рассказывает Василий Лукьянович Боев, заместитель председателя горсовета. Он курянин, в республике с 1963 года, работал в железнодорожном ведомстве, когда в Кишиневе начались «события»,

переехал сюда. Говорит о том, как развивались события, как местное население добивалось, чтобы в республике был принят вторым языком русский. Как стали возникать забастовочные комитеты, а в 1989 году началась первая в Тирасполе политическая забастовка, которую тотчас поддержали Бендеры. Бастовали около месяца, но власти Кишинева «остались тверды». «И тут уже мы поняли, что единственное спасение – образовать свое государство». Народное, низовое движение поддержал директорский корпус предприятий. Был принят закон о трудовых коллективах, и эти советы трудовых коллективов возглавили движение, с требованием сохранить русский язык, а иначе – отделяться от Молдовы.

В частности, И. Смирнов был генеральным директором завода в Тирасполе, и где-то в 1988-1987 годах, весной, стал председателем Горисполкома.

К движению присоединялись крупные заводы. Потом – железная дорога, локомотивное депо, с историческими революционными традициями (именно в нем были сформированы первые красные отряды в 1917 году). Депо бастовало двадцать дней. Безрезультатно. Боев был еще в Кишиневе – его присыпали уговаривать прекратить забастовку.

В эти недели вновь воскресла коммунистическая партия трудящихся Приднестровья.

Все силы концентрировались в рабочем комитете. Деления на партийных и беспартийных не было. Была общая беда. «Нас оставляли без языка». Была единая цель отстаивать право говорить на своем русском. В Молдове начались национальные трения. «А у нас как была дружба народов, так и осталась. Это нас и спасло». В Молдове набирал силу Народный фронт. Приезжали ораторы из Прибалтики (а потом стали приезжать и латышские снайперши!) Молдова торопливо «отменила» пакт Молотова – Рибентропа 1940 года, не подумав, что юридически она тем самым отменила самое себя.

Дальше – пуще. Начались избиения приднестровских депутатов в кишиневском парламенте, а здесь – организовывались советы всех уровней,

возникла местная, независимая от Кишинева, народная власть.

Может быть, помогло то, что здесь когда-то была автономная республика, может быть то, что это – район приграничья, и жителей сплотила общая ненависть к Румынии? Причем «высшая власть» сдалась без боя, как и везде, но на защиту земли встали трудовые коллективы. Любопытно, что демократы, по их словам, все свое движение направляли вроде бы против засилья партийной номенклатуры, а в результате все демократические структуры в России, на Украине, в Белоруссии, Грузии, как и в Молдове, были захвачены прежними партаппаратчиками высшего звена. И только в Приднестровье к власти пришли руководители производства, а не партии, и низовые рабочие комитеты. Радуйся, демократия! И именно Приднестровье вызвало у демократических деятелей наибольший гнев.

Поверили! Мы же совсем другого хотели! – так можно перевести на русский язык нечленораздельный вой, который поднялся как в кишиневской, так и в столичной прессе.

Рабочий комитет – в идеале это новое перспективное звено объединения граждан (именно граждан, а не только трудящихся – противопоставляемых инженерно-управленческому составу). Звено «антибюрократическое», ибо включает представителей разных уровней, но обязательно единомысленных по основным, генеральным вопросам бытия. Идеологическая платформа подобного объединения одна: они – «державники». Оценка каждого зависит от следующих вопросов: - За державу ли он? За эту ли землю? Готов ли драться за нее, или «делать ноги»?

И, главное, именно тут, в Приднестровье, с его СТК и ОСТК (объединенный совет трудовых коллективов) прощупывается возможность и основа нового объединения страны – союз всех, **кто хочет объединиться**, то есть Приднестровье и Гагаузская республика, но не Молдова. Абхазия и Осетия, но не Грузия, и т. д. Во все названные регионы приднестровцы направляли свои делегации: кому-то и помогали с великолепным бесстрашием истинных героев, послав в Гагаузию свой рабочий отряд против

пятидесятитысячного разозленного и вооруженного молдавского войска. И ведь победили! И ведь отстояли братью свою, как бы там ни повернулось дело впоследствии. В новой этой системе возрождалось древнее, тысячелетнее, соборное начало страны. И хозяйственная политика в республике, пусть робко еще, пусть едва-едва начинает строиться на поддержке тех, кто желает работать (и без халтуры!) прежде всего. Это уже политика, требующая переделки всего мышления, слагавшегося у нас десятилетиями, требующие изжить иждивенчество. Малы пенсии? Руководство Бендер выделяет каждому пенсионеру участок прямо в городе в шесть соток – работай, обеспечивай себя! Хоть сам, хоть с помощью родственников. – Увы! Пенсионеры сразу стали сдавать эти участки в аренду, вместо того, чтобы работать самим. Тут еще многое «ощупью», многое добывается методом проб и ошибок. Но и в рабочкомах, и в забасткомах возникает организованность по вертикали, быть может, самая важная среди всех систем организаций человеческих обществ.

Это когда люди объединены не по горизонтали (по горизонтали – это с людьми своей среды, своей специальности, приблизительно одного уровня достатка, одного «веса» - скажем, в ремесленном цеху, купеческом братстве, рыцарском ордене, когда даже при отсутствии подобных социальных категорий человек все-таки встречается, дружит и ищет помощи, празднует, пьет с людьми приблизительно сходной социальной группы; учитель с офицером (но не генералом), врачом, начальником цеха (но не завода!), священником, но не епископом. Или – директор треста с генералом, министром, каким-нибудь замом члена ЦК, и, да, с епископом! У этого зама на персональной даче. Или Ванька со станкостроительного с Митькой с ЖБИ, с Васей грузчиком из гастронома (он и водку достал!) с Григорием Петровичем, Васькиным свояком, приехавшим из деревни (конюхом, полеводом, даже бригадиром), но только не председателем колхоза! Сидят вчетвером в тенечке, выпивают с разговорами «за жизнь». И ежели «толока» там или помочью строят дом, или надо посидеть с чужими детьми,

приглядеть за пустой квартирой и покормить хозяйскую кошку – выбираются знакомые, помощники, естественно, из своей социально близкой среды. Все это связи горизонтальные.

Но, однако, всякое движение в обществе тем более движение поступательное, а еще в большей степени во время общественных потрясений, войны или стихийных бедствий, переселений на новые места (вспомним древних греков, постоянно с умножением населения выводивших новые колонии из своих городов), все эти процессы, какая-нибудь «научная революция», гигантская стройка требуют объединения воедино людей принципиально разных социальных категорий, требуют единства директора и рабочего, купца и ремесленника, полководца и солдата.

Да, Господи! Простую книгу издать попробуй, ежели нет у тебя поддержки в «сферах» литературных и иных!

Вспомним, как какой-нибудь вождь племени решал и приказывал, и все шли (порою на смерть!), не вздохнув, - как средневековый боярин выезжал на войну с младшими родичами, послужильцами, молодшею дружиной с военными рабами, с оборуженными мужиками, наконец, до нескольких сот, а то и до тысячей душ, и каждый мог грудью прикрыть господина в бою, и тут уж было не до социального чванства и отстояния.

В Приднестровье отнюдь не директорский корпус устроил всю эту «смуту», но и не одни рабочие, не одна интеллигенция, скажем, опиравшаяся на психически неуравновешенных людей и уголовный элемент, как это было в Кишиневе. В Приднестровье образовалась социальная связь по вертикали. Люди вдруг осознали свое единство как нации, народа в целом.

Тут военным наждаком огня и смерти содрало, счистило с людей социальные глухие перегородки, «отложение солей», погубившее нашу бюрократическую систему и саму советскую власть. Здесь и теперь, сидя в дружеской компании за столом слышишь «мы», которое уже не удивляет слуха. «Мы решили», «мы сделали», «мы стали выпускать газеты», «мы не верили, что забастовка победит», «мы стали создавать органы власти» - как

бы мне хотелось, сидя в моем богоспасаемом Новгороде хоть раз иметь возможность произнести это гордое «мы». Скажем, - мы провели ревизию на мясокомбинате, мы настояли, чтобы заготовительные цены были повышены на столько-то процентов (или там вдвое, втрое), мы, наконец, закрыли после очередного выброса завод «Азот», пригрозив владельцу, что лишим его права собственности, ежели он не перестроит очистные сооружения – и т. д.

Но нет в богоспасаемом граде Новгороде рабочкомов, не функционирует ОСТК, нет женского забасткома с Андреевой во главе, который блокировал бы «грязное» предприятие или взял в осаду президента и мэра города, либо даже потребовал их замены другими чиновниками, угодными народу. Нет! И оттого – погибаем. И в Крыму, когда решался вопрос его присоединения к Украине или России, не были созданы рабочие комитеты. Руководители Крыма не сумели опереться на плотную поддержку масс, не произошло слияния всех структур общества воедино – а там ведь были и рабочие, и всяческая общественность, и военный флот – немалая сила! И что, Крым бы не устоял перед Ельциным с Кравчуком, ежели маленькое Приднестровье устояло?! Что, флот не получил бы топлива? А Абхазия на что? А клятый нефтепровод через Чечню, пригодившийся лишь на то, чтобы украдом продавать нефтепродукты Турции!

Спросим, ну, а будь такая система рабочих комитетов, подкрепленная ополчением рабочих дружин по всей стране – и что прошла бы «перестройка», удалось бы разорвать и разложить державу? – Да ни в жисть!

По сути рабочкомы – зародыши новых сословий в нашей стране. Ведь в сословной системе, где люди выбирали своих руководителей стойно тому, как казаки на кругу выбирают атамана – этот избранный представитель, отстаивающий интересы своего сословия, совсем не обязательно был самым богатым (зажиточным был всегда, ибо при прочих равных условиях, чем человек больше работает, тем он богаче, но чем он богаче, тем больше требуется прилагать усилий, чтобы это богатство сохранить). Так вот, повторим, не самым богатым был зачастую избираемый обществом (цехом,

братством) глава, но он был самым справедливым и самым ревнующим о делах своего сообщества. Вспомним того же Гусинского, утверждавшего, что в банковском деле друзей не бывает и сравним с русским дореволюционным купцом, что давал деньги займы (т. е. наделял кредитами) по совести, даже без долговых расписок – глядя по человеку.

Но, кстати, у Гусинского тоже есть связи, превосходящие соображения личной корысти – по национальной принадлежности (вспомним конгресс евреев России), по богатству. И опять в этом сравнении-противопоставлении обнаруживается древняя как весь европейский мир уже двухтысячелетняя идея противостояния племенного иудаизма вселенскому христианству.

Евреем можно только родиться (причем, в случае смешанных браков от еврейской матери), и все морально-нравственные императивы тут замыкаются границами своего племени. Христианином можно стать, принявши святое Крещение. Но христианином-казакom можно стать, только доказав подвигом, что ты достоин того.

Так же вот, «подвигом» верностью вождю, отбирались сподвижники Чингисхана в Орде.

В Белом движении, где сместилось все, также начали образовываться внутренние надклассовые связи. В армии авторитет приобретался по заслугам, а не по родовому и социальному положению. И не победила она потому именно, что эти связи все-таки замыкались кастово, да и выявилось это, новое, фактически уже после разгрома армии Врангеля и отступления из Крыма, фактически уже в Галлиполи. Ежели мы опять вернемся к христианству – к раннему христианству! – то увидим, что и там отбор шел по линии **подвига** (что проявилось много позже на Руси в движении староверов).

И Сергей Радонежский призывал к подвижничеству, каковым для монастырской братии, по его мысли, должна была стать вся жизнь инока. И Куликово поле (выигранное сражение в проигранной войне) стало знаменем национальной славы именно в силу характера добровольности и

подвижничества.

Неудача советской власти не в том, что сами теоретические принципы коммунизма, задуманные еще в глубокой древности (например, полный отказ от семьи, от искусства, по сути и от поступательного развития, принцип принудительного равенства, одинаковости, даже внешней всех людей) никуда не годились. Марксова система была ложной (опираясь на вечно меняющийся модуль прибавочной стоимости, составной части цены, возникающей «стихийно на рынке в процессе спроса и предложения» невозможно было планировать построение полностью зарегулированной вне рыночной экономики). – Да, принципы не годились! Да, система была ложной! Но от «принципов» отказались уже к 1940-му году, когда были реабилитированы церковь и патриотизм, а от иных – как та же отмена семьи, - и в первые лета советской власти.

Ну, а от недостатков «планового» хозяйства легко было отказаться, не ломая государственной системы.

Зло коренилось в другом. В том, что власть, построенная по масонскому принципу (с полным отрывом верха от низа) поддержанная давлением «органов», погубила демократические межсословные спайки, лишила госаппарат «обратной связи», когда рабочий и директор решали бы совместно не сколько кому откусить от пирога, а как наладить общее дело ко всеобщему благу.

Отсутствие (и сейчас!) этих вот соборных структур и порождает мафию, систему засекреченных криминальных сообществ, интересы которых замыкаются интересами своего клана, своей «банды», не переливаясь в государственную, в пределе – общенародную власть.

Ежели этого мы не поймем, то неизбежна гражданская война, которая в случае неуспеха приведет к разорению и гибели нации, а в случае успеха – к возникновению тех самых межсословных соборных отношений, которые нащупываются сейчас в Приднестровье, и к которым, с некоторым усилием разумеется, можно было бы прийти и без гражданской войны. Мне удалось

побывать на заседании рабочкома в Бендерах, посвященном подготовке к выборам.

Начали речь, естественно, со встречи Смирнова с Черномырдиным, с обещаний, выданных Приднестровью Государственной Думой. Потом перекинулись на уже состоявшиеся выборы в Кишиневе, на фигуру Константинеску в Румынии, на то, чем может грозить Приднестровью поворот в молдавской политике. Потом – о демократах-раскольниках в местных органах власти («Явный наш враг!», «Выбрать-то легче, чем отозвать!»). Они организовали депутатский час по телевидению, чтобы наносить удары по Смирнову! – И как быть? Надо утянуть оттуда Андрееву. Получается, что от двух-трех дураков разваливают всю группу!»). Поминают, кто там «из казаков», перечисляют, кого надо поддержать из своих и кто за республику. Говорится и о том, что нельзя задерживать выплату денег армии. И опять о валютных делах, о мафии, и опять о Молдове, о том, что Народный фронт опять выдвигается к власти и что создается ось Бухарест-Кишинев-Киев, что может вновь начаться война. Все опасаются прихода к власти в Молдове Лучинского и вновь говорят о казаках, о большом круге казаков России, где вновь переизбран атаманом Мартынов – об украинских казаках, которые, кажется, близки к объединению с прочими. Я прошу перечислить, не поименно, а по должности кто же был. Был Боев, зам. Председателя горсовета (председатель рабочкома Добров, занятый в комитеты по выборам отсутствовал). Был депутат Верховного Совета палаты законодателей (в прошлом слесарь), был первый секретарь Бендерского горкома коммунистической партии трудящихся Приднестровья (в прошлом – главный инженер городского узла связи, ныне пенсионер), был начальник штаба Бендерского казачьего округа, был рабочий завода «Прибор», шофер автобазы, электрик завода «Молдовкабель», казак-рабочий, бригадир завода электроаппаратуры, электрик завода «Флоаре», специалист штаба гражданской обороны. Два начальника цеха с завода «Прибор», инженер завода «Прибор». Бывший моряк рыболовецкого флота.

Большинство участников обороны города по национальному составу от болгарина Доброва и до еврея-моряка. Почти все нации, живущие в Приднестровье. У них есть темы для взаимных покров и обид, но собираясь, так, они все одно, рабочий комитет.

ПМР так и строилась, снизу вверх от Советов трудовых коллективов и забастовочных комитетов, переросших в советы трудовых коллективов после 1989 года.

Республика строилась **снизу** и в общенародном единстве. В этом ее сила и до сих пор.

Я встречаюсь с Владимиром Ивановичем Емельяновым. Он председатель ОСТК (Объединенного Совета трудовых коллективов) с момента его создания, в правительстве Смирнова, к тому же – председатель государственного комитета по управлению имуществом. Он торопится, говорит тезисно:

- «Кто мы, и почему идет обвальная атака на нас?»

Позиция наша была высветлена сразу.

Государство защищает человека вне его национальной принадлежности.

Слабого надо защитить, а не унижить. Поэтому на нас и набросились, тот же А. Лебедь с его авторитетом. Началась всяческая дискредитация Приднестровья – даже за использование красного цвета! Они-де цепляются за прошлое, не видя ничего впереди. Россия, по нашему мнению, должна быть мощным государством, удерживающим мировое равновесие.

На нас напали, проанализировав ситуацию и все рассчитав, кроме русского характера.

Здесь пророс русский патриотизм, и надо быть реалистом, заявлять, что мы на этой территории надумали возродить Союз ССР – смешно. О воссоздании тоталитарного режима не может быть и речи. Забастком у нас перерос в СТК. Мы целеустремленно создавали и создали механизм защищенности человека и целостности государства. Женское движение

помогло нам в целом ряде случаев уходить от кровопролития. Мужиков на рельсах попросту постреляли бы. Нам нужно было вернуть из тюрьмы своих лидеров, и мы этого добились только экономической тяжестью.

Сейчас нас пытаются разорвать, являются все новые союзы, движения. Наше единство сейчас – в президенте республики Смирнове. Как ни трудно, но у нас есть и газ, и вода, и тепло, и дешевый хлеб. Да, мы, по уровню живем не хуже Украины и лучше Молдовы. СТК – многопартийная организация, у нас политическая задача – противостоять происходящим в стране деструктивным процессам. Мы как форпост России, препятствуем поставить Россию на колени. А политические аспекты у нас какие угодно: есть и коммунисты, есть и монархисты у нас.

А попытки уничтожения ОСТК начались с путча в Москве, и до сих пор продолжаются. Попытались вообще похоронить организацию, которая, создала наше государство.

У нас и порядка было больше, в первые годы, когда за ним следили рабочие дружины, а не специальные министерства».

Сейчас на Емельянове лежит нелегкая задача разобраться с разными фирмами, представители которых наезжают сюда кучами, предлагая создавать совместные предприятия. И вот тут очень нужно не ошибиться! Тем паче, когда приезжают из России, как русские, а на поверку оказываются представителями тех самых мировых акул, мыслящих сожрать Приднестровье вместе с Россией.

Вот один из примеров, узнанный мною уже из других источников. Была в Тирасполе швейная фабрика, которая стала совместным государственно-частным предприятием, и частник, приезжий армянин, развалил все, что мог развалить, нажился и уехал. Вот результат того, к чему приводит поспешная приватизация. И нашелся местный деятель, начинавший от нуля – с четырех швейных машинок, создавший преуспевающее швейное производство, где шили все – от трусов до костюмов и верхнего платья, - и шили хорошо.

Сейчас он уже отстроил шестиэтажный корпус фабрики, отделанный мрамором с хорошим демонстрационным залом, материалы на который собирал постепенно, из года в год. Создал свою строительную бригаду, что позволило ему избежать многих финансовых накруток. Зарплата у него в недавние годы была 20 долларов. Вроде бы и немного. Но зато он покупает сам, минуя рынок, продукты – мясо, рыбу, сметану, молоко и т. д., и по себестоимости продает своим рабочим. Также по себестоимости покупают они и одежду на своем предприятии. Многие женщины кормят семьи, где муж сидит без работы по случаю остановки предприятия.

Через эти вот расчеты по себестоимости он выбрался из щупальцев «рынка», он создал производственную занятость, обеспечил людей работой и приличным на сегодня заработком – и это, извините, не торговля сырьем, которое гонят за рубеж по бросовым ценам!

Вообще говоря о погоне за долларом, о тупом и упорном стремлении жить, как в Америке, пора поговорить серьезно.

США ныне потребляют на себя 40 процентов мировых ресурсов (около 300 млн. жителей из 5,5 млрд. населения земли!) и страшно загрязняют и атмосферу и даже мировой океан.

Развитые страны Запада также не отстают, и ежели они потребляют еще 40 процентов мировых ресурсов, что остается на остальные пять миллиардов населения земли? Однако люди живут, и в ряде восточных стран совсем неплохо. Надо ли человеку то, что добывается с таким трудом и насилием над природою и расходуется, по сути, впустую? По данным экологической службы 97 процентов мощностей современной индустрии тратится на воспроизводство и расширенное воспроизводство самое себя и только 3 процента на удовлетворение человеческих нужд. Под этим промышленным бумом, столь пленившим в свое время Маркса с Энгельсом – хотя последний отлично видел, что «всякое производство оставляет после себя вместо чистых рек грязные каналы и потому все время стремится переместить свои предприятия в новые, еще не изгаженные регионы». Теперь

таким «регионом» стала Россия. Так вот, под этим промышленным бумом расширенным производством подкладка лежит – чисто религиозная.

Протестанты, которые стали гораздо ближе к иудаизму, чем католики, выдвинули тезис порядочной и скромной, даже аскетичной жизни при постоянном накоплении богатств. Само по себе богатство для них являлось знаком Господнего благоволения. И вот как раз для добывания этого постоянно растущего богатства и строились все новые и новые предприятия, превысившие безопасную нагрузку на природу уже и в сотни, а где и в тысячи раз. (В древности избыток тратился на культуру и роскошь. Согласимся, что ни Афродита Книдская, ни Версаль, ни Лукулловы пиры не производили того эффекта, который производит один медно-никелевый комбинат, а желание мадам Помпадур единожды летом покататься в санях по смеси сахара с солью вместо снега, никак не сопоставимо с миллионами кубометров погубленного леса и хеопсовыми пирамидами опилок, которые, кстати, при перегонке дают с каждой тонны шестьсот кг технического спирту.

Мы притерпелись, мы не видим изгаженных рек, изувеченной земли, необрушенных урожаев, мы не понимаем, что вот оно, наше богатство, наша возможность жить сыто и обеспеченно – валяется под ногами – нагнись и подыми! Что надо изо всех сил сдерживать промышленное развитие, перестать гнаться за ненужной нам сверхусовершенствованной техникой, что надо больше ходить пешком, дышать чистым воздухом и пить чистую воду. Мы забыли думать, что на расстояниях до 8 км лошадь в хозяйстве заменяет три вида машин, и обходится по содержанию в сотни раз дешевле, да еще и дает лучший по качеству навоз – мы вообще о многом забыли, устремясь за недостижимым американским золотым тельцом, одурев от телепередач со стрельбой и насилием, одурев от всего, что и культурой-то назвать не можно, разве цивилизацией! Мы даже себя самих перестали ценить, не понимаем нашего добродушия, нашего русского гостеприимства, участливости к ближнему, способности просидеть вечер за бутылкой, решая мировые

проблемы бытия или погружаясь в историю и философию протекших столетий, нашу любовь к поэзии. Нашу... Ну, фольклорные основы бытия, все эти красочные праздники, хороводы, качели, посиделки, масляничные игры – мы уже потеряли, и не потому ли еще разбегается наша деревня?

Я тогда лишь поверю в возрождение села, когда увижу ряженных на святках на деревенской улице, когда услышу задумчивую хоровую песню не из пьяных уст, когда приду на свадьбу, где не только пьют, но и осыпают молодых зерном, поют величания, выводят невесту к гостям, снимая с ее головы плат надкусанными пирогами.

Американского фермера, что сидит как сыч перед телевизором или с кружкой в ближайшем баре, - боюсь из русского мужика не получится.

ХІІІ.

Поговорим начистоту!

Вот что я писал в 1992 году, возвратясь из Тирасполя.

«Наши предки создавали и создали великую страну. Страну, которая обрушилась ныне в считанные месяцы.

Страна эта была многонациональной, и, естественно, народы, ее населяющие, всегда ждали от русских должной защиты и помощи. Что бы ни решали политики, что бы ни решали сами народы, но историю, прошедшую историю, ту, которая уже совершилась, состоялась, была – переделать нельзя. И потомки ответственны за деянья пращуров всегда и в любом случае.

Россиянам следует запомнить простую и горькую истину: они не вольны в поступках своих. Есть исторический долг, долг нации. Великая Россия – это многонациональное государство, и крест, и долг России – охрана жизни малых народов, доверившихся ей.

Мы не имеем права позволять истреблять осетин в Южной Осетии или армян в Карабахе (как и, тем более, казаков на Тереке, да и по всей закавказской линии, где они были поселены в прошлом столетии), ибо охрана от истребления малых народов Кавказа, тем паче тех, кто хочет быть

в составе России, долг нашего народа.

А малые народы... Ну, что ж! На то они и малые! Уже сейчас Узбекистан и Азербайджан потянулись искать хозяйственных и иных связей с Турцией, Армения начнет сближаться с Персией. Прибалтика откачет к немцам, и начнется неостановимое, самоубийственное дробление страны, сопровождаемое попытками опереться на всяческую заграницу.

Государственные системы умирают, по существу, одинаково. Сперва наступает массовое отчуждение, неверие в свой народ. Византийские Палеологи в XIV веке задумали было освободить от захватчиков Грецию. Привели наемников франков. Наемникам надо было платить. Обложили диким налогом Вифинию (южное побережье Черного моря), область, которая давала империи лучших солдат и лучших моряков. Вифиния восстала. Наемников, забыв про Грецию, послали на усмирение, затопивши Вифинию в крови. Через несколько лет туда явились турки-османы, и никто в Вифинии не оказал им ни малейшего сопротивления. Греки выдохлись в борьбе с собственным правительством, предпочтя переменить и язык, и веру...

Думая сейчас о клятых кредитах, которые выщыганивает правительство Ельцина, жертвуя тем же Приднестровьем, или русскою Прибалтикой, или отдавая Курилы японцам, я вспоминаю историю с Вифинией и гибель Византии. Ибо правительство, жертвующее, в обмен на зарубежную помощь, гражданами своей страны – обречено.

Вспомним, как на фронте жертвуют жизнью, спасая попавших в беду товарищей. Тем самым, однако, сохраняется главное, дух армии, ибо каждый воин должен знать, что его не бросят в беде. Так и везде, и всегда, и всюду. Никакое правительство не имеет права бросать в беде ни нацию в целом, ни какую-то ее часть. Тем более мы не имеем права выдавать и отдавать граждан нашего народа, русичей, включаемых ныне в иные государственные системы. Попросту не имеем права, и все тут. Ни в Крыму, ни на Украине, ни в Прибалтике, ни в Казахстане, ни на Кавказе, ни в Молдавии – нигде. Иначе мы умрем как нация, и нам не поможет ничто.

И никакие экономические соображения тут попросту неуместны. Да и выдумка все эти экономические соображения! Великая страна, занимающая шестую часть населенной суши, может и должна существовать сама по себе, без всякой иностранной «помощи». К тому же научный, экономический, какой угодно потенциал России столь велик, что при должном устройении хозяйства страна не будет нуждаться ни в каких «западных технологиях».

Перестанем врать и вспомним, хотя бы, чем была Россия в области экономики накануне первой мировой войны!

За нашими отечественными технологиями и посейчас охотятся на Западе, а вся так называемая помощь не что иное, как попытка окончательно превратить нас в колонию, в рынок сбыта залежалых товаров, а там и полностью уничтожить.

У русских есть все, кроме странно исчезнувшего таланта к государственному строительству.

Все наши нынешние погони за кредитами, инвестициями, все непристойные сговоры за спиной того же Приднестровья имеют целью отнюдь не спасение страны, но ее окончательную гибель. Валюта нам не нужна, также как и не нужны «освобожденные цены». При нашей монополистической экономике освобождение цен вызывает лишь обвальное крушение производства и, главное, крушение сельского хозяйства, в результате чего в ближайшие годы на страну может обрушиться небывалый голод.

Сперва надо было планомерно увеличивать производство товаров потребления (и прежде всего – продовольственных товаров, почему любые реформы надо было начинать с земельной, которая тормозится до сих пор). При фиксированных ценах средствам для этого могли бы стать три рычага. Следовало, при твердых ценах, отменить фиксированный фонд зарплаты, связав его не с планом, а с объемом выпущенной продукции (т. е. фонд зарплаты увеличивается или уменьшается от объема произведенного и проданного продукта). Во-вторых, следовало отменить прогрессивный налог

на рабочего, дабы рабочий не боялся повышать производительность труда. И, в-третьих, отменить штатное расписание. Т. е., ежели на производстве достаточно шестидесяти человек вместо четырехсот, то шестьдесят и надо оставить, пусть получают зарплату прежних четырехсот! Начался бы бурный рост производительности труда, сопровождаемый пропорциональным увеличением товарной массы и пропорциональным увеличением зарплат (и прибылей государства!). И, кстати, появилось бы много свободной рабочей силы, с помощью которой можно бы было обработать пустующую землю, слить наши «моря», разгородить Волгу, очистить реки от топляков, засадить вновь лесами Русский Север, провести дороги, наладить сферу услуг и проч., и проч. Безработицы в нашей стране, при правильном хозяйстве, попросту быть не может.

Ну, а уже потом, создавши базу и гарантию от голода, и следовало постепенно вводить все более свободные, независимые от административных систем рыночные хозяйственные отношения. При полном запрете на вывоз сырья за рубеж! Пусть вывозят только готовые товары. Мебель, например, но не круглый лес! И вывозят тогда лишь, когда насыщен внутренний рынок.

Заметим, что нынешняя система налогов, предложенная демократами, не стимулирует развитие производства, но стимулирует вывоз сырья за рубеж.

В любой из тех стран, которые ныне вошли в десятку или двадцатку наиболее развитых, развитие экономики направлялось в потребную сторону достаточно жесткой и действенной государственной властью. Сего не следует забывать и нам.

И не потому ли еще наши правительства хотят задавить маленькое Приднестровье, что все процессы перехода к рыночной экономике идут (шли в 1992-м!) там ровнее, четче, лучше, успешнее, чем в остальных частях великой страны? Что падение производства (не по их вине!) там все же не выше 5 процентов против 25 в Молдове и 30 процентов в России? (Теперь все эти цифры изменились, и в худшую сторону!). Что здесь благополучнее

обстоит дело и с земледелием, и со всем на свете? Не потому ли губят Приднестровье, что именно здесь творится союз и взаимопомощь всех народов, без чего Россия не может существовать, вместо отчуждения и вражды, запланированных уничтожителями России? Возможно, и потому!

Ибо от здоровой части может начать воссоздаваться новое целое, как бывало в истории не раз. Экономические связи тянут Приднестровье уже и теперь к более тесному союзу с рядом южнорусских областей.

И еще сказать, здесь, в Приднестровье, въяве проглянуло то, что полностью утеряно нами, и на чем создавалась великая страна: соборность, способность к коллективному жертвенному деянию. Надо будет, думаю, они здесь не станут стонать, что, де, цены на топливо задавили, и не можно провести весенний сев на всей площади пашни! Нет, а просто возьмут и выйдут все, и обработают виноградники, и засеют поля, и уберут урожай. И та же Галина Андреева возглавит и это движение, коли уж прихлынет таковая нужда.

Потому и задача тех, кто мечтает о гибели России, изо всех сил не позволить этой части остаться в живых.

...Я пишу и думаю: вот они уже, по-видимому, захватили Бендеры, завтра-послезавтра начнут истреблять гагаузов, а потом придет черед и левого берега Днестра. Пробывши три дня, я словно сросся с этой землей и теперь уже болен ее болью и озабочен ее бедами. Как бы хотелось мне передать хоть малую часть этой заботы и боли соотечественникам моим! Как жаждется, чтобы и они проснулись тоже. Пока не поздно! Пока Великая Россия, так и не исполнив высоких заветов своих, не исчезла в пучине времен!»

Это я писал в 1992 году. Бендеры устояли. Удушение республики продолжается. Дай, Господи, этой земле победить!

XIV

Из тьмы веков

«Да, скифы мы, да, азиаты мы
С раскосыми и жадными очами», -

писал Блок в начале века. Исторически здесь неправильно все. И утверждение о какой-то особой дикости восточных народов, родившееся под пером немецких ученых «эпохи Гегеля», убежденных в превосходстве германского племени и «всей арийской расы», в которую они отнюдь не включали славян, и даже литовцев, наиболее чистых представителей эпохи арийской общности (впрочем, - еще и по незнанию литовского языка) – но только западноевропейцев (англичан, французов, итальянцев, шведов и себя самих). Вообще в Западной Европе сложилось, а к нам перешло представление о том, что всякое движение с Востока на Запад (в том числе военное) несет дикость, а с Запада на Восток, будь то хоть походы Македонского, хоть набеги орденских немцев на Литву, безжалостно уничтожавших мирное население – культуру. Бог им судья! Кстати, культура – понятие, которое многие путают с совершенством унитазов.

Кроме того, скифы – народ арийской группы (ее условно называемой «персидской» ветви), и были они светловолосы, голубоглазы, и в точности похожи на наших мужиков, только без курносости, получившейся в результате смешения длинноносых высокорослых славян с коренастыми и коротконосыми угро-финнами.

Но великим поэтам присущи озарения. Таким озарением в ту пору было утверждение, что Россия находится по ту сторону границы Западноевропейского мира, что доказано только теперь Л. Н. Гумилевым (востоковедом, сыном расстрелянного поэта начала века Николая Гумилева и Анны Ахматовой), указавшим и границу климатическую, отделяющую Восток Европы от Запада – отрицательную изотерму января. Вторым озарением было утверждение нашего родства со скифами, ибо до того считалось, что между «концом» скифов (вытесненных сарматами) и «началом» русских перерыв минимум в полтысячи лет.

Скифы были кочевым народом чрезвычайно высокой культуры, о чем

можно судить по оставшимся от них памятникам «звериного стиля». Им удалось распространиться по равнинам вдоль гор вплоть до степей и пустынь Монголии. Их памятные стелы высятся сейчас на границе Гоби, кочевья простирались до Днестра – неширокая река эта столетиями служила Рубиконом, отделяющим «восток» от «запада». А характерные следы скифских захоронений обнаружены сейчас на территории современной Эстонии.

То есть скифами была намечена граница нашей страны еще три тысячи лет тому назад.

Последующая история Великой Степи характеризуется тем, что волны кочевых и полукочевых народов постоянно проходили тут то с востока на запад – гунны, авары (обры), половцы, татаро-монголы, наконец. То начиналось обратное движение на Восток – так русские захватили Сибирь, дойдя до Тихого океана, «до края земли» и даже во времени перепрыгнули Берингов пролив, основав свои форпосты на Аляске и в Калифорнии.

Среди скифов кочевников (царских скифов) были, по указанию Геродота, «скифы-пахари» и «скифы-земледельцы». Не скрываются ли за этими названиями предки восточных славян? Анализ древнейших былин русского эпоса показывает, что в какое-то время славяне, осознав свое «первородство», начали освобождаться от диктата царских скифов (борьба, как это и было принято в древности, велась на выяснении мифологических основ и реалий. Впрочем, идеологическая подготовка предшествует любым движениям народов в любую эпоху).

Наследие звериного стиля, имена ирано-скифских божеств в древнерусском пантеоне (Хоре, Сварог) достаточно говорят о былой тесной связи славян со скифами. Но что было до того на этой вечно зыблемой, вечно меняющейся южной границе, где побывали десятки племен, отмеченных и не отмеченных историей?

В каменном веке на Днестре проживали племена Трипольской культуры, с четвертого тысячелетия распространившейся от Днестра до

Карпат. Культура эта гибнет в середине второго тысячелетия до новой эры. К сожалению, понятие археологической «культуры» касается материальных остатков исчезнувшей жизни. И орудия труда, и посуда в сходных географических условиях могут распространяться равно на разные этнические племена, и все гаданья современных историков, возводящих славян ко временам Троянской войны пока, по крайней мере, повисают в воздухе.

К концу второго тысячелетия до новой эры между Карпатами и Дунаем распространяются племена фракийцев, оказавшихся в частности и предками молдован. На равнины, где царствовали скифы, фракийцы выходить не рисковали, оставаясь в лесах, куда, в свою очередь, не проникала скифская конница.

В III веке до нашей эры в Приднестровье, по пути к Карпатам, вторгаются кельтские и германские племена, уничтожая городища фракийцев-гетов. Кельты едва не сокрушившие, в свое время, Рим, были уже, что называется, на излете. Кстати, между культурами кельтов и славян замечается некое странное сходство, есть и сходство в психологическом строе. В «менталитете», как ныне принято говорить, с кельтами, но не с германцами.

В середине I века до нашей эры геты объединяются в крупный племенной союз, который возглавил вождь Буребиста (мне чудятся в этом имени корни славянских слов). Геты под его руководством, ходили за Днестр, грабили греческие города, в частности взяли и разрушили Ольвию. Буребист был убит, и союз племен распался.

Новый союз фракийцев-гетов и даков создал уже в середине I века нашей эры дакийский вождь Децебал. Столица его находилась в Карпатах, но его поддержали кельты и германцы (бастарны), жившие на Днестре, ираноязычные племена сарматов (возможных наших родственников), аланов, роксоланов и др.

В 105-108 годах римский император Траян разгромил фракийский

племенной союз Децебала и включил земли от Дуная до Карпат в состав римской империи, 204-е гетто-дакийское население провинции Дакия западнее реки Оят (левый берег Дуная) было романизировано и восприняло вульгарную латынь, забыв свой родной язык. (Так и появились «румыны»). Чтобы «забыть свой язык», да еще так быстро, всего за полвека, целому народу нужны особые условия. Скорее всего дело было в биологическом смешении. Женщины, что «обслуживали» римских легионеров, рожали детей, с отцами которых объясняться приходилось, естественно, на вульгарной латыни. Сверх того, римляне ссылали в завоеванную Дакию своих преступников и проституток, которые, кроме латыни не знали иных языков, а мужское население, те самые доблестные даки, было попросту перебито в боях. Так и получилось, что языкам всех этих людей, и сосланных, и рожденных от римлян, стала вульгарная латынь, позднее оформившаяся в румынский (романский!) язык. Кстати, как всегда и бывает в подобных случаях, довольно простой в произношении.

Римляне ушли из Дакии в 271 году. Границей империи становился Дунай. В конце III века нашей эры на больших пространствах от Днепра до Карпат, где обитали кочевники и земледельцы: фракийцы, славяне, германцы, кельты и др. – складывается единая, так называемая Черняховская культура. К этому времени началось великое переселение народов, потрясшее всю Европу и, в конце концов, сокрушившее римскую империю.

Из небытия, откуда-то с берегов Скандинавии, являются, по легенде приплывшие на трех кораблях, германские племена готов. Это был по-видимому результат того самого пассионарного толчка (воздействия космической энергии), который на рубеже I века нашей эры прошел с севера по Днепру, пересек Малую Азию и дошел до Эфиопии. На всей этой территории началось усиленное образование новых народов, возникают идеологические движения (в частности, византийское христианство) и т. д.

Готы, двигаясь к югу невероятно быстро, умножались и усиливались. К началу IV века они достигли Причерноморья, создав на этих землях две

державы – остготскую, простиравшуюся от Днестра до устья Днепра, и вестготскую, располагавшуюся на Запад от Днестра, до Карпат. Во главе которых стали короли Атанарих и Германарих. Характерно, что Германарих не мог справиться с племенем россмонов (людей «росс»?) и даже был ранен во время семейной сшибки (он казнил одну из жен – Сучильду – а ее братья из племени россмонов попытались отомстить королю. Германарих жил ужасно долго, почти сто лет, увидел закат и крушение своей державы, ибо в 375 году берегов Днестра достигают гунны, двигавшиеся из глубин Центральной Азии.

Ужаснувшее Европу нашествие гуннов было лишь легкой волной тех бурь, что происходили на востоке Евразийского континента.

Гунны несколько веков держали в страхе Китай, посылавший против них миллионные армии, неизменно ложившиеся костью на равнинах позднейшей внешней Монголии.

В конце концов, гунны все же были разбиты, и, теряя обозы и женщин, ушли на Восток. На южном Урале они переженились на местных женщинах, стали из «хунну» «гуннами», вышли в Приволжские и причерноморские степи и замирающим ручейкам достигли восточной границы западноевропейского мира. Оба царства готов были сокрушены. Одно появление этих безбородых низкорослых людей вселяло ужас в местное население. Небылицы, сочинявшиеся про гуннов, скучно даже перечислять. Гуннам повезло в том отношении, что у них появился великий вождь Атилы, объединивший все гуннские племена воедино. Однако гуннская орда была нормальной степной ордой, то есть без всяких претензий на исключительность – включавшей в свои ряды всех желающих на правах союзников. Гуннской орде служили и сами готы и, в значительнейшей степени, восточные славяне. Византийский историк Приск, побывавший в ставке Атилы, приводит несколько слов явно славянского происхождения (например, «страва» - обрядовая еда на пиру), замечает, что гунны варили мед, напиток, который кочевники не могли готовить (у них были

опьяняющие напитки, но из кобыльего молока, из кумыса), что город Аттилы был построен из дерева, то есть это был славянский рубленый город, а не сборище больших и малых юрт, как полагалось бы хану-кочевнику. Явно славянские черты проникли и в гуннский обряд погребения. По книге «Деяния готов» (история славянского вождя Боза или Божа) можно понять, что и прежде того славяне оказались преимущественно союзниками Аттилы, меж тем как готы – преимущественно врагами.

Приск замечает к тому, что в лагерь Аттилы постоянно бежали крестьяне из Византийской империи, измученные налогами и самоуправством чиновников, бежали и люди более высоких социальных категорий, причем нравный гунн беглецов отнюдь не выдавал, что говорит о том, что под гуннским крылом даже людям иных наций жилось значительно легче.

Но вот Аттила умер, умер после пира, лежа на ложе рядом с новой молодой женой (у него пошла горлом кровь и задушила его), был прославлен и похоронен, после чего его государство распалось почти мгновенно. В грандиозной битве при Недао (на территории Венгрии?) в 454 году, в которой с обеих сторон участвовало до полумиллиона воинов – не десятая ли часть всего населения Европы? Передравшиеся племена, из подчиненных Аттиле народов перебили друг друга. Держава распалась, и все «разошлись розно».

Славяне, которых также коснулся пассионарный толчок, вызвавший из небытия германцев-готов, организовали свой киевский каганат (каган каан-хан – тюркское слово, любопытно, что киевских князей вплоть до Ярослава Мудрого звали каганами) и начали теперь уже самостоятельно двигаться к югу, совершая набеги на Византию. С начала VI века Приднестровье стало заселяться славянскими племенами, продвигавшимися сюда с Севера и Востока. И Днестр опять сказался разделительной границей разных миров.

Восточнее Днестра обитали племена славянского Союза Антов, а западнее Днестра – родственные им, но на протяжении веков приобретающие

самобытные отличительные черты племени склавинов. К IX-X вв. славянский массив Центральной и Восточной Европы окончательно разделился на восточных и западных славян. Днестр и земли между Днестром и Прутом стали границей между теми и другими. «Повесть временных лет» говорит, что славяне издавна жили по Днестру, вплоть до моря. В начале 40-х годов X века племенной союз тиверцев вместе с территорией их обитания был включен в состав Древнерусского государства.

В XI веке на эти земли обрушились с востока кочевые племена половцев. Не очень-то они и обрушились, после первой серьезной войны начались мирные переговоры, союзы, брачные связи – русские князья охотно женились на половчанках. Но Киевская Русь была уже на излете своей этнической судьбы, а переносить обвинения с причины на следствие – весьма частый прием в человеческом мышлении, как бы освобождающий от личной ответственности за происходящее. Население ушло, торговые связи с приморскими торговыми городами и многоплеменной, однако своей, Тьмутараканью – потеряны, прерваны. И где там поход Владимира под Корсунь, бесчисленные красные паруса, торжественное крещение русского князя, о чем остались противоречивые легенды!

Половцы ходили отсюда из Черной Кумании в походы и на Венгрию, и на Византию. Древние русичи скрывались в лесах, в Прикарпатье, где они встречались и мешались с волохами, отступавшими под натиском венгров (сами волохи – результат смешения фракийцев со славянами). Из этих многочисленных смешений к XII-XIV векам и образовалась молдавская народность.

Земли Приднестровья в XII – XIII веках входили в зону притяжения Галицко-Волынского княжества. Но... Но в 1241 году сюда добрался Батый. Князь Даниил Галицкий, рыцарь без страха и упрека, кинулся в Венгрию, умолять о помощи. Но помощи не получил. Разбитые половцы отступили туда же, а вскоре были разбиты и сами венгры (угры). И опять славянские поселения, появившиеся, было, на этой земле в пору упадка половецкого

союза, хиреют, а население бежит к северу, забивается в леса.

Приднестровье, как и все земли, вплоть до Карпат было включено в состав Золотой Орды. Ордынское иго постепенно слабело, почему сюда стали переселяться волохи с Карпат, вследствие чего в 1359 году возникает в районе реки Серет и ее притока – Молдовы первое молдавское государство, выросшее к концу века и протянувшееся вплоть до Днестра, в результате многочисленных поражений ордынских войск, самым страшным из которых был поход Тамерлана в степь в 1395 году, когда были разорены все татарские кочевья от Волги вплоть до Днестра и в Крыму.

Договор между молдавским господарем Петром Мушатом и великим князем литовским Ягайлой закрепил восточные границы Молдавии по Днестру. А земли за Днестром с конца XIV века попали под власть польско-литовского государства.

Любопытно, что именно через Молдавию пробирался, и гостил у молдавского господаря Петра, бежавший из Орды русский князь Василий Дмитрич в 1385 году, как раз во время заключения Кревской унии.

Не с тех ли пор у Руси с Молдавией завязываются оживленные связи, приведшие к тому, что молдаванка вошла в семью великого князя Ивана III? Борьба придворных партий, развернувшаяся в ту пору на Руси, в которой, в конце концов, победила Софья Палеолог, доставившая престол своему сыну Василию – достойна быть отраженной в историко-авантюрном романе.

Между тем, пока между Польшей и Литвой разворачивалась сложная борьба, окончившаяся Люблинской унией 1569 года, ликвидировавшей самостоятельность Литвы (тотчас началась католическая реакция и православные люди стали бежать на Русь), на южных границах Руси появился новый и мощный враг. Во-первых, усилилась крымская орда, подчинившая себе земли Поднестровья, с тех пор ежегодно разоряемые татарскими набегами. Во-вторых, началось с конца XV века неуклонное завоевательное движение турок, оккупировавших Крым, занявших Фракию и Болгарию.

В 1453 году пала Византия. Турецкие армии двинулись в Европу,

доходя уже и до Вены. Попытка европейских рыцарей противустать окончилась страшным разгромом.

Турки завоевали все северное побережье Черного моря (позднейшую Новороссию, сейчас почему-то объявленную Украиной), в те времена пустынную землю, по которой то и дело скакали крымчаки, угонявшие полон на рынки Кафы и Солдайи (современная Феодосия и Судак).

Тут необходимо сделать некоторое историко-торговое отступление. Торговля славян (а до того – скифов!) шла через греческие города-колонии издавна.

Кубанскую пшеницу везли в Грецию еще за несколько веков до нашей эры, христианство начало проникать на Русь по торговым путям еще с IV века и именно через Крым. Поход Владимира на Корсунь был отнюдь не княжескою причудой. Вспомним, какое значение имело в торговых оборотах Руси Тьмутараканское (Таманское) княжество.

«Сурожская» торговля в значительной степени определяла торговые обороты Московской Руси, недаром на Москве братство купцов-сурожан было едва ли не самым значительным. Зачастую именно «сурожские» купцы выполняли и дипломатические поручения государей московских. Петр недаром строил Воронежский флот, недаром и казаки брали Азов (к Азову и Петр I повел свою первую армию). Прутский поход Петра, плохо подготовленный, окончился стыдным поражением, но характерна тогдашняя направленность усилий! Переболев многими бедами, мужающая Россия наряду с Балтикой обратила особое внимание на свои южные и юго-западные рубежи. Вся деятельность Потемкина, походы и победы Румянцева и Суворова (война с турками 1787-1791гг.), штурм неприступного Измаила (теперь – на территории Гагаузской автономии), все это было здесь. Четырехвековые усилия России дали свои плоды. Причерноморье и Крым были отбиты у турок. Стала бурно заселяться Новороссия, в Крыму строились портовые и торговые города, проводились дороги, возник Севастополь невдали от древнего Херсонеса.

После второго раздела Польши в 1793 году левобережное Приднестровье вошло в состав Российской империи. Несколько ранее, по Ясскому миру 1791 г. к России было присоединено, отобранное у турок междуречье Днестра и Буга. Местные татарские орды были переселены в Крым, и началась колонизация Новороссии.

Молдавские бояре, служившие в русской армии, стали получать земли в Левобережье и переселять сюда молдавских крестьян. Бежали сюда, спасаясь от бесчинств турецкой администрации, и молдаване из Молдавского княжества, бежали сюда и из России, и с Украины, уходя от «крепости».

Бессарабия была присоединена к России по Бухарестскому миру 1812 года. Кишинев в 1873 году стал губернским центром. Румыния оккупировала Бессарабию в 1918 году. А на территории Левобережного Приднестровья в 1924 году была создана (впервые в истории) Молдавская АССР в составе Украинской ССР. Столицей была Балта, а с 1929 года – Тирасполь.

В 1940 году была создана Молдавская ССР, включившая Бессарабию и Приднестровье.

В 1990 году руководство МССР предприняло абсурдный шаг, приняв решение о «незаконности» освобождения Бессарабии 28 июня 1990 года и акта 2 августа 1940 года о создании МССР. То есть юридически Молдова уничтожила сама себя, превращаясь вновь в румынскую или российскую, или даже турецкую, провинцию. А Приднестровье, такими образом, по тому же декрету юридически получало свободу и восстанавливало свою государственность.

О том, как это восстановление юридической справедливости происходило и написана эта книга. И даже к городу Бендеры у руководителей Молдовы, самих себя отменивших, никаких претензий, по сути, не может быть.

Увы! Юридические акты столь часто приходится утверждать железом, что правители зачастую попросту забывают о них!

После победы над турками в 1787-1791 годах по Днестру было решено

построить Днестровскую оборонительную линию.

В январе 1792 года Екатерина II предписала Екатеринославскому губернатору В. Каховскому «обозреть сию сторону, разделить оную на уезды и назначить города по способности».

Экспедиция В. Каховского провела всю подготовительную работу по административно-территориальному устройству вновь обретенной земли Очаковской, были определены не только места строительства будущих крепостей, но и представлены планы уездов и четырех будущих уездных городов. Четвертый уездный город планировался у главной крепости Днестровской оборонной линии – Срединной, строительство которой предполагалось против устья р. Ботна (на месте сожженного турками г. Сухлея). Об этом сообщалось 21.09.1792 г. в рапорте В. Каховского из Дубоссар в Петербург.

В экспедиции В. Каховского принимал участие Франц де Волан, инженер-майор, разработавший проекты многих укреплений, в том числе и Тираспольской крепости.

В рескрипте от 10 ноября 1792 года императрица поручила А. В. Суворову: «... Возлагаем на Вас и все предположенные для безопасности тамошних границ и опробованные нами по проектам инженер-майора де Волана, в разных местах укрепления немедленно привести ко исполнению...»

«А. В. Суворов энергично взялся за дело строительства укреплений по Днестру, проявив огромную эрудицию и талант. 22 июня 1793 года он заложил Тираспольскую крепость, и уже к концу 1795 года все основные работы по строительству и вооружению крепости были закончены». (Цитирую по книге «Пять лет ПМР, история и современность», Тирасполь, 1995 г.).

Как-то весело, ей-Богу, читать о тогдашней русской предприимчивости! Задумано – сделано! И уже возникают города – Тирасполь, Рыбница. По переписи 1897 года в Дубоссарах проживало свыше

12 тысяч человек – немало по тем временам! Вскоре возникают Бендеры, Григориополь, поселок Слободзея. В двадцати пяти селах Левобережья разрешают поселяться казакам. Уже к 1907 году в Слободзее было 2202 двора, проживал 12761 житель. Россия росла, укреплялась, усиливалась, богатела, и думал ли кто-нибудь тогда, что настанут такие времена, когда центральное правительство страны станет из-за каких-то поганых зеленых бумажек (наполовину фальшивых!), напечатанных за океаном, изо всех сил отпихивать эти русские земли от России, дарить их невесть кому и невесть по что?! Думал ли кто в века нашей славы о современном ничтожестве великой страны?!

Приднестровье – наш оселок, наше право на жизнь на земле. Не потеряйте это право, мои дорогие соотечественники! Не утратите за ворохом мелких suedневных дел державности мышления! Не позабудьте, что, «рассыпавшись розно», мы исчезнем со страниц истории, что нам суждено быть или великим государством, или ничем, и третьего, увы, не дано. Вернемся к величию, завещанному предками!

А Западу, со всеми его хитрыми и победоносными уловками надобно понять, что он – непробиваемо глуп. Развалившись, наша страна не сможет обеспечить даже нормальной работы газо- и нефтепроводов. Погубив Россию, Западу придется иметь дело с Китаем, а это – много страшнее.

Ибо существование Великой России – это единственная гарантия равновесия в Евразии, а, значит, и во всем мире. Та страшная замятня, которая может начаться, ежели мы не устоим, не нужна никому, и она может покончить с Европой, а в пределе – и с Америкой, самым сильным и самым глупым государством современного мира.

Декабрь, 1996 г.